

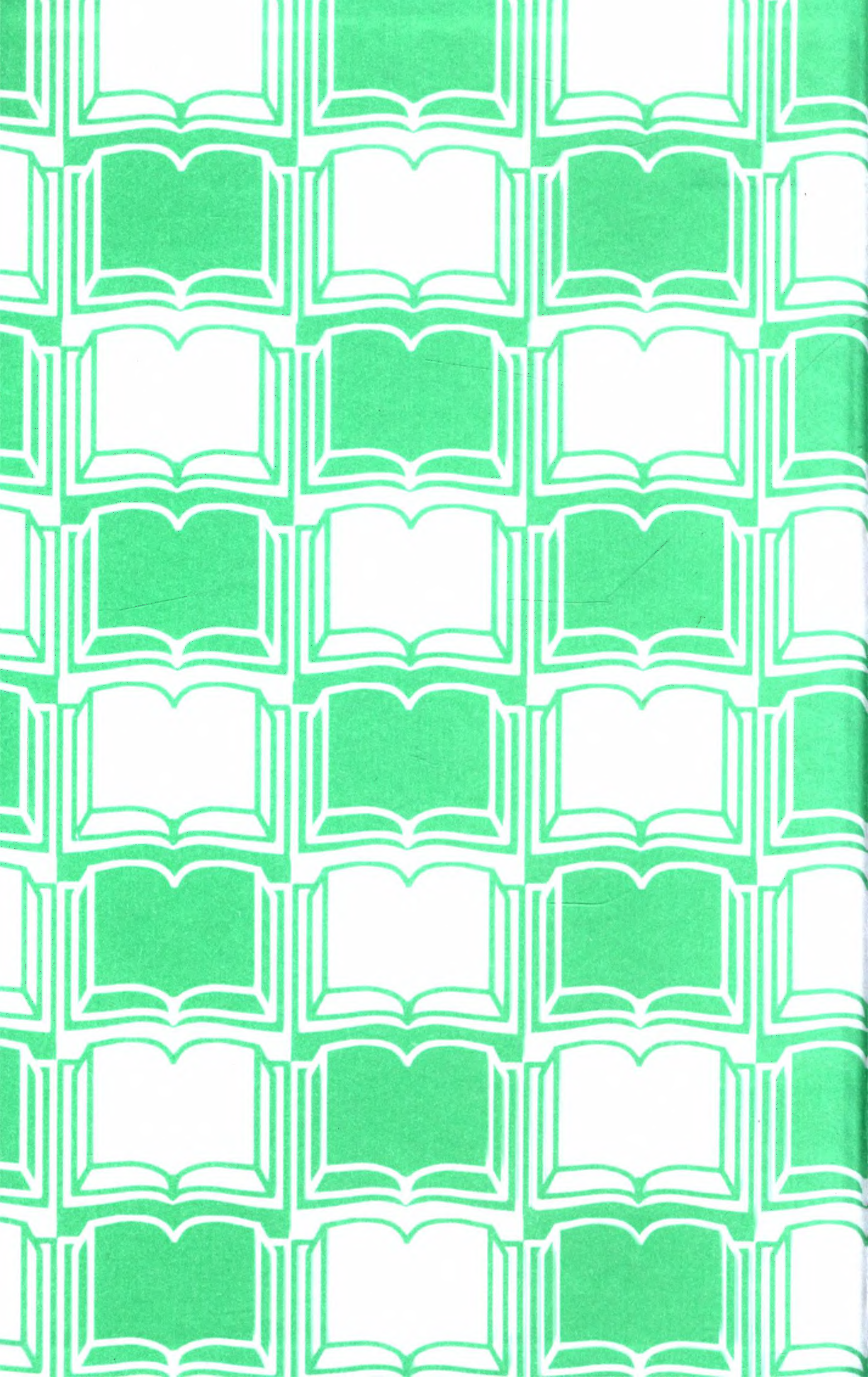
ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

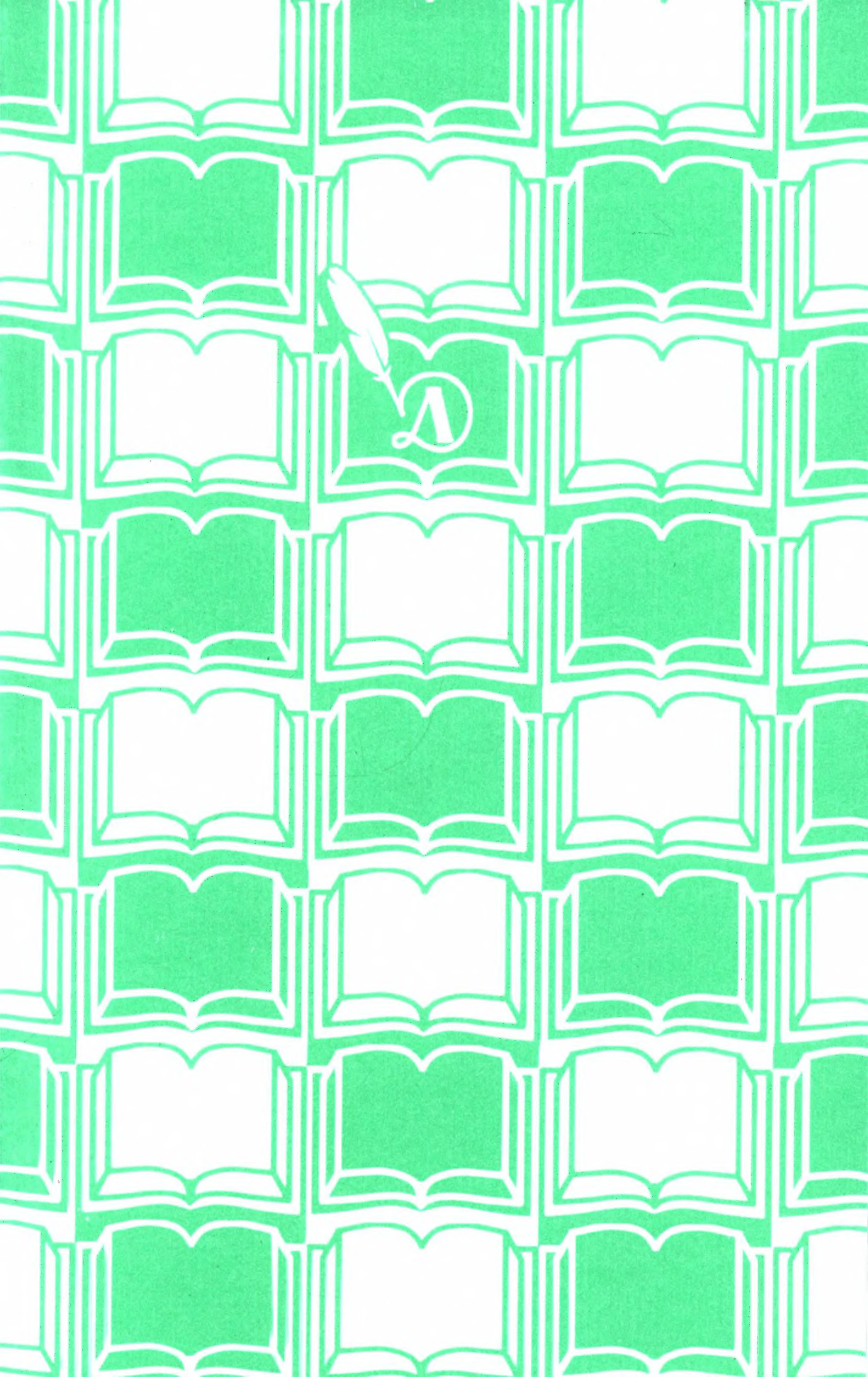

Николай Сладков

ЛЕСНЫЕ ТАЙНИЧКИ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

H. Cuenca

1920—1996

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Николай Сладков

ЛЕСНЫЕ ТАЙНИЧКИ

Рассказы и сказки

Художник В. Бастрыкин

**МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2013**

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С47

Предисловие
Е. ДМИТРИЧЕНКО

Сладков Н. И.
С47 **Лесные тайнички : рассказы и сказки / Николай Сладков ; [предисл. Е. Дмитриченко] ; худож. В. Бастрыкин. — М. : Дет. лит., 2013. — 428 с. : ил. — (Школьная библиотека).**

ISBN 978-5-08-005088-6

Книги известного писателя-натуралиста Николая Ивановича Сладкова, друга и единомышленника Виталия Бианки, хорошо знакомы читателям. Его рассказы и сказки о животных включены в школьную программу. В них он пишет о том, как прекрасна и неповторима жизнь природы, о загадках, которые она загадывает людям, о бесконечном разнообразии окружающего нас мира.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-08-005088-6

© Сладков Н. И., наследники
© Дмитриченко Е., предисловие, 1997
© Бастрыкин В., иллюстрации, 2009
© Оформление серии. ОАО «Издательство
«Детская литература», 2009

«ИДУ Я ПО ЛЕСУ»

Замечательный русский писатель Николай Иванович Сладков всё своё творчество посвятил природе. Как каждый талантливый писатель он открыл в ней что-то своё и писал о ней по-своему, не похоже на других. «Каждая полянка в лесу, — говорил он, — каждая низинка и каждый бугорок — не просто полянка, низинка и бугорок, а место согласия. В согласии живут на них присущие им растения и животные, благоприятно влияя друг над друга...»

Родился Николай Иванович в 1920 году в Москве, но всю жизнь прожил в Ленинграде (теперь — Санкт-Петербург). С детства он любил природу и интересовался ей. Со второго класса начал вести дневники, куда записывал свои первые впечатления и наблюдения. С Виталием Валентиновичем Бианки — замечательным писателем, ставшим его учителем, другом и единомышленником, — он познакомился, будучи юннатом. Вместе с Бианки он много лет готовил радиопередачу «Вести из леса», отвечал на многочисленные письма слушателей.

Профессия военного топографа помогла Николаю Ивановичу в работе над книгами. Он открыл для себя горы Кавказа и Тянь-Шаня, которые полюбил на всю жизнь. Николай Иванович много путешествовал, побывал в пустыне Каракумы, на

Белом море, в Индии и Африке. С фоторужьём он бродил по лесам, поднимался высоко в горы, плавал с маской в озёрах, восхищаясь подводным миром. Отовсюду он привозил записные книжки, которые стали источником сюжетов его рассказов. «Что значат для меня старые записи? Это возможность до сих пор путешествовать по горам и пустыням, степям и лесам, заново пройти по старым тропам с умудрённой годами головой», — писал Николай Сладков. Многочисленные фотографии, сделанные во время путешествий, он использовал в своих книгах.

В 1953 году вышла его первая книга. Она называлась «Серебряный хвост». Потом были другие: «Безымянной тропой», «Десять стреляных гильз», «Трясогузкины письма», «В лесах счастливой охоты», «Иду я по лесу», «Планета чудес», «Под шапкой-невидимкой»...

Всего Николай Сладков написал более шестидесяти книг. В них он говорил о том, как прекрасна и неповторима жизнь природы, о загадках, которые она загадывает нам, о бесконечном разнообразии окружающего нас мира. Николай Сладков писал о том, что знал лучше всего, что любил больше всего и чему больше всего удивлялся. За книгу «Подводная газета» он получил Государственную премию имени Н. К. Крупской.

Всю жизнь Николай Иванович Сладков был защитником природы, всем своим творчеством помогая ценить и любить её красоту, видеть необыкновенное в природе своими глазами.

Евгения Дмитриченко

В ЛЕСАХ

Зелёную лесную страну населяют удивительные жители: в перьях, в шерсти, в чешуе. И удивительные там происходят события. Только там можно попасть под медовой дождь или грибной снег, увидеть жабьего короля, услышать змею-кузнечика. Встречи там всегда неожиданны, знакомства нежданно, а загадки там — на каждом шагу. Охота за ними — радостная охота. Счастливая охота в зелёных родных лесах.

Всё есть у тебя для путешествия в страну лесов: ноги, чтобы идти, уши, чтобы слышать, глаза, чтобы видеть. И голова — чтобы всё понять.

Каждый год мы путешествуем вокруг Солнца. Летим на нашей Земле, как на огромной ракете. В пути пересекаем двенадцать месяцев — словно двенадцать разных стран. Проносятся мимо зелёное лето, золотая осень, белая зима и лазоревая весна. Мы летим вокруг Солнца.

Январь

Январь — месяц больших молчаливых снегов. Прилетают они всегда вдруг. Вдруг ночью зашепчутся, зашепчутся деревья — что-то творится в лесу. К утру станет видно: пришла настоящая зима! Лес утонул в дремучих сугробах. Под холодным сводом неба, покорно склонив тяжёлые головы, застыли скорбные белые деревья.

Вместе со снегом налетели и набежали в лес диковинные невиданные существа. Они расселись по пням и сучкам, вскарабкались на ёлки и сосны — странные белые фигурки, неподвижные, незнакомые, но на что-то очень похожие...

Тут вылез из сугроба лесной человечек в огромной белой папахе. Там, на пеньке, сидит не то белочка, не то зайчик. Сложил он белые лапки на белое пузечко, молчит и смотрит на белый лес. На камне у речки белая Алёнушка: склонила голову на плечо, подпёрла белой ладошкой белую щёчку. Обласкало солнце пригорюнившуюся Алёнушку, и с мохнатых хвойных ресниц её закапали слёзы...

А вот зверёк-оборотень. Сделай шаг в сторону, посмотри чуть со стороны — и обернётся зверёк простым сучком, запорошённым снегом. Вот птица не птица, зверь не зверь: пальцем тронь — рассыплется в прах.

Белые медведи и белые совы. Зайцы, куропатки, белочки. Сидят, лежат и висят.

Полон лес диковинных птиц и зверей. Хочешь увидеть их — поторопись. А то дунет ветер — поминай как звали!

КАК МЕДВЕДЯ ПЕРЕВОРАЧИВАЛИ

Натерпелись птицы и звери от зимы лиха. Что ни день — метель, что ни ночь — мороз. Зиме конца-краю не видно. Разоспался Медведь в берлоге. Забыл, наверное, что пора ему на другой бок перевернуться.

Есть лесная примета: как Медведь перевернётся на другой бок — так солнце повернёт на лето.

Лопнуло у птиц и зверей терпение.

Пошли Медведя будить:

— Эй, Медведь, пора! Зима всем надоела! По солнышку мы соскучились. Переворачивайся, переворачивайся, пролежни уж небось?

Медведь в ответ ни гугу: не шелохнётся, не ворохнётся. Знай посапывает.

— Эх, долбануть бы его в затылок! — воскликнул Дятел. — Небось бы сразу зашевелился!

— Не-ет, — промычал Лось, — с ним надо почтительно, уважительно. Ау, Михайло Потапыч! Услышь ты нас, слёзно просим и умоляем — перевернись ты, хоть не спеша, на другой бок! Жизнь не мила. Стоим мы, лоси, в осиннике, что коровы в стойле, — шагу в сторону не шагнуть. Снегу-то в лесу по уши! Беда, коли волки нас пронюхают.

Медведь ухом пошевелил, ворчит сквозь зубы:

— А мне какое до вас, лосей, дело! Мне снег глубокий только на пользу: и тепло, и спится спокойно.

Тут Белая Куропатка запричитала:

— А не стыдно, Медведь? Все ягоды, все кустики с почками снег закрыл — что нам клевать прикажешь? Ну что тебе сто́ит на другой бок перевернуться, зиму поторопить? Хоп — и готово!

А Медведь своё:

— Даже смешно! Зима вам надоела, а я с боку на бок переворачивайся! Ну какое мне дело до почек и ягод? У меня под шкурой сала запас.

Белка терпела-терпела — не вытерпела:

— Ах ты, тюфяк мохнатый, перевернись ему, видишь ли, лень! А ты вот попрыгал бы по веткам мороженым, лапы до крови ободрал бы, как я!.. Переворачивайся, лежебока, до трёх считаю: раз, два, три!

— Четыре, пять, шесть! — насмехается Медведь. — Вот напугала! А ну — кыш отседа! Спать мешаете.

Поджали звери хвосты, повесили птицы носы — начали расходиться. А тут из снега Мышка вдруг высунулась да как запищит:

— Такие большие, а испугались? Да разве с ним, куцехвостым, так разговаривать надо? Ни по-хорошему, ни по-плохому он не понимает. С ним по-нашенски надобно, по-мышинному. Вы меня попросите — я его мигом переверну!

— Ты? Медведя?! — ахнули звери.

— Одной левой лапкой! — похвальноется Мышь.

Юркнула Мышь в берлогу — давай Медведя щекотать. Бегает по нему, коготками царапает, зубками прикусывает. Задёргался Медведь, завизжал поросёнком, ногами задрыгал.

— Ой, не могу! — завывает. — Ой, перевернись, только не щекочи! О-хо-хо-хо! А-ха-ха-ха!

А пар из берлоги — как дым из трубы.

Мышка высунулась и пищит:

— Перевернулся как миленький! Давно бы мне сказали.

Ну а как перевернулся Медведь на другой бок — так сразу солнце повернуло на лето. Что ни день — солнце выше, что ни день — весна ближе. Что ни день — светлей, веселей в лесу!

КУСОК ХЛЕБА

На мусорную кучу зимой только сытый не летит. Но сытых зимой мало. Всё видят голодные птичьи глаза. Чуткие уши всё слышат. Думаете, раз птичьи уши не заметны, то они и не чутки? Как бы не так! Тихо скрипнет дверь — а птицы слышат. Хозяйка выплеснет из ведра помой — сразу увидят. Уйдёт — они тут как тут. Они — это вороны, галки, сороки и сойки. Птицы смышлёные, осторожные, хитрые. Человека они знают и знают, когда его надо бояться. Больше всего они любят тех, кто не обращает на них внимания. Но внимание на них трудно не обратить.

Вороны прилетают, шумя отсыревшими крыльями, и забавно моргают, мелькая белым веком. Будто закатывают глаза от удовольствия.

У сорок на чёрных бархатных спинках искрятся снежинки. А хвосты и крылья будто покрашены нефтью: отливают зелёным, лиловым и жёлтым.

Чёрные галки — в серых воротничках, глаза у них белые и удивлённые.

Сойка наряднее всех: рыжий хохол, на

крыле голубое — как рябь на воде. Ладная, ловкая. Полный рот набьёт, даже горло раздуется. И скорее в лес: по углам рассовать. Рассуёт и снова летит. Страшно, а летит. От страха даже рот открывает и хохол поднимает дыбом. Даже бормочет что-то под нос. Но голод ещё страшней.

Голод пригнал галку-инвалида. Какой-то охотник отстрелил ей нижнюю половинку клюва. Ни клюнуть, ни взять, ни почистить перья.

Села, странно тонконосая, взъерошенная, отощавшая, с перьями-сосульками на брюшке. Будь что будет.

Положила головку на снег и боком-боком уцепила кусок. Кусок — день жизни. Будет ли он и завтра?

Видимо и невидимо птицы вокруг жилья.

Стукнула дверь: друг или враг? С ведром или с ружьём?

Лучше бы спрятаться, да надо лететь. На мусорную кучу только сытый зимой не летит. А сытых зимой мало.

СВОЯ ПЕСНЯ

Все птицы хороши, но скворцы с особой изюминкой; каждый у них в особицу, один на другого не похож.

Пером и росточком одинаковы — скворцы и скворцы! — да у каждого свой талант. Один вдруг чечевицей крикнет, а сосед — куличком. Кому воробей по душе пришёлся, ко-

му — жаворонок. А иному — петух, а то и кошка! И от этого скворец не просто «скворец», а «скворец с чечевичкой», «скворец с иволгой», «скворец с куликом». А есть и такие, что на многие голоса молодцы.

Собрались как-то у меня зимой в клетках разные птицы: зорянка, щегол, синица, чиж, клёст да снегирь. Птиц много, но все разные, на разных языках говорят, друг друга не понимают. А с самим собой разговаривать не очень-то весело. Нахохлились птицы.

Но был среди них скворец. Пикнет, бывало, зоряночка грустно — скворец ей в ответ зоряночьим голоском: «Ти-ик!» Зоряночка насторожится, просвистит что-то. И скворец в ответ просвистит. Зоряночка весёлую нотку свистнет — скворец ответит. Потом скворец просвистит — зоряночка откликнется.

И так с каждой птицей: со щеглом, чижом, синицей, снегирём. Птицы радуются: кому не приятно на родном языке пересвистнуться! Так всю зиму и жили припеваючи.

А всё скворец! С каждым общий язык нашёл, каждого расшевелил. И себя не забыл: песню свою новыми звуками наполнил. Хороша песня стала: и своя, и для всех!

СИНИЧКА НЕОБЫКНОВЕННАЯ

Звонкоголосую и белощёкую нашу синицу называют большой или обыкновенной. Что большая, я с этим согласен: она больше дру-

гих синиц — пухляков, московок, лазоревок. Но что она обыкновенная, с этим я не могу согласиться!

Она поразила меня с первой же встречи. А было это давным-давно. Она попалась в мой западок. Я взял её в руку, и она... умерла! Только что была живая и резвая, щипала с вывертами за пальцы — и вот умерла. Я растерянно разжал руку. Синичка неподвижно лежала на раскрытой ладони вверх лапками, и глаза затянулись белым. Я подержал её, подержал — и положил на пенёк. И только руку отвёл — синичка вскрикнула и улетела!

Какая же она обыкновенная, если такая необыкновенная обманщица! Захочет — умрёт, захочет — воскреснет.

Потом я узнал, что многие птицы впадают в какое-то странное оцепенение, если их положить спинкой вниз. Но у синички это получается лучше всех и часто спасает её от неволи.

ВОРОНИЙ СИГНАЛ

Какое дело воронам до рыб?

Какое дело рыбам до ворон?

А рыбакам — тем дело до всего. Назначили рыбаки ворон в сторожа — рыбу караулить. Давно замечено, что нельзя доверять козлу капусту, а коту сметану. Но рыбаки рыбу воронам доверили. Дошлые эти рыбаки.

В подлёдном мире сейчас темно — чёрная там зима. Холодно и душно. Сонные рыбы

лениво шевелятся и разевают рты. Им нечем дышать. Запас кислорода подходит к концу; свежему воздуху не просочиться под лёд. Того и гляди, начнётся рыбий замор. Гляди... а кто же будет глядеть?

Сторожа-рыбака, что ли, к каждой проруби сажать?

А сажать надо. Прозеваешь начало замора — останешься летом без рыбы.

Выручают рыбаков вороны. Рыбы, когда начнут задыхаться, собираются к прорубям и высовывают из воды губы. Вороны сейчас же всё замечают, поднимают крик и слетаются к прорубям со всех сторон. Знают рыбаки: коли кружит над прорубью вороньё — значит, пришла беда. Хватают они ломы, топоры, пешни и спешат спасти рыбу. Рубят большие проруби, чтобы в них, как в широко раскрытые окна, ворвался свежий и чистый воздух. По первому вороньему сигналу все спешат, как один.

Зорок вороний глаз. Сторожа это надёжные и бесплатные. Им можно рыбу доверить.

Они не проворонят!

ЛЕСНЫЕ ШОРОХИ

Л и с а и З а я ц

— Почему это, Зайнъка, у тебя такие длинные ушки? Почему это, серенький, у тебя такие быстрые ножки?

— А всё потому, Лисонька, что уж очень у тебя шажки тихие да уж очень острые зубки!

Ястреб и Оляпка

— Ну, Оляпка, попадись: сейчас я тебя сцапаю!

— А я, Ястреб, от тебя в полынью нырну.

— А я тебя у полыньи подкараулю!

— А я во вторую полынью выскочу.

— А я у второй подкараулю!

— А я тогда в первую выскочу.

— А я... И долго ты так от полыньи к полынье будешь мотаться?

— Да пока тебе за мной гоняться не надоест!

Сорока и Волк

— Эй, Волк, чего ты хмурый такой?

— От голода.

— И рёбра торчат, выпирают?

— От голода.

— А воешь чего?

— От голода.

— Вот и говори с тобой! Заладил, как сорока, — от голода, от голода, от голода! Чего это ты нынче такой неразговорчивый?

— От голода.

Воробей и Синица

— Угадай, Синица, какое у людей самое страшное оружие?

— Ружьё?
— Э-э, не угадала!
— Пушка?
— Опять не угадала!
— Какое же тогда, Воробей?
— Рогатка. Из пушки-то по воробьям не стреляют, а из рогатки — только успевай отскакивать! Я-то уж знаю, я-то стреляный воробей!

С о р о к а и З а я ц

— Вот бы тебе, Заяц, да лисьи зубы!
— Э-э, Сорока, всё равно плохо...
— Вот бы тебе, серый, да волчьи ноги!
— Э-э, Сорока, невелико счастье...
— Вот бы тебе, косой, да рысьи когти!
— Э-э, Сорока, что мне клыки да когти?
Душа-то у меня всё равно заячья...

В о л к и С о в а

— Мы, Сова, с тобой во всём одинаковые: ты серая, и я серый, у тебя когти, и я хищник. Почему же встречают нас люди по-разному? Тебя хвалят-расхваливают, меня кланут-проклинаят.

— А ты, Волк, что ешь-то?

— Да всё больше жирных барашков, да козлят, да телят...

— Ну вот видишь! А я всё мышей вредных. Похожи мы с тобой по одежке, да разные по делам!

Л а с к а, Б е л о ч к а и М е д в е д ь

— Я, Ласочка, к зиме беленькой стала — как берёзка!

— А я, Белочка, серенькой — как осинка!

— Ну а я, Медведище, как ёлочки, — зимой и летом одним цветом!

Д я т е л и Т е т е р е в

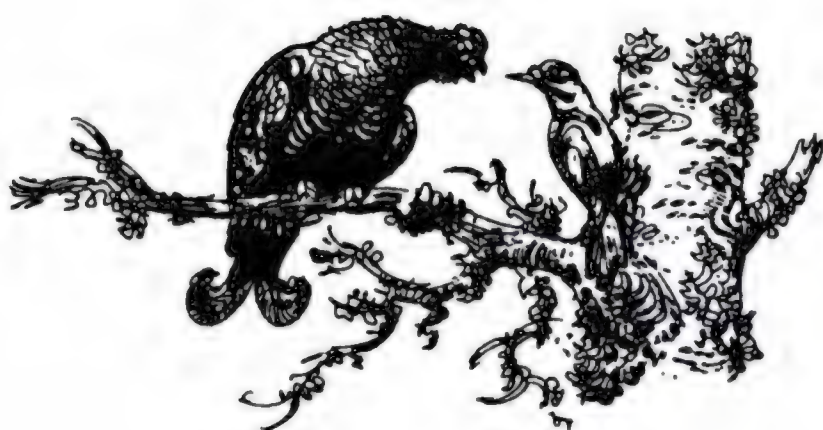
— Здравствуй, Тетерев! Со вчерашнего дня не виделись. Где летал, где спал?

— Летал я «над», спал «под».

— Что это за ребус такой: то «над», то «под»?

— Это не ребус, а снег. Летал над снегом, ночевал под снегом.

— Ишь какая у тебя жизнь развесёлая! А я, горемыка, всё «в» да «в». Летаю в лесу, прыгаю в ёлках, ночью в дупле. Ску-учно!

Февраль

Свистит косая метель — белая метла дороги метёт. Дымятся сугробы и крыши. Рушатся с сосен белые водопады. Скользит по застругам яростная позёмка. Февраль летит на всех парусах!

Гонятся вихри за санями, машинами, кружат хороводы вокруг домов, заматают пути-дороги.

Тонут в белые волнах заборы. За каждым столбом — снеговорот. Над каждой елью — белые флаги.

Завевает, кружит, заносит. Свистит, скулит, воет. Лепит в глаза, в спину толкает, дышать не даёт.

Тучи-снегосыпы сыплют снег сверху. Сугробы-снеговеи веют снег снизу. Солнце запуталось в вихрях, как золотая рыба в белой сети.

Круговерть от земли и до неба!

БЮРО ЛЕСНЫХ УСЛУГ

Нагрязнул в лес холодный февраль. На кусты сугробы намёл, деревья инеем опушил. А солнышко хоть и светит, да не греет.

Пригорюнились птицы и звери: как дальше жить?

Хорёк говорит:

— Спасайтесь кто как может!

А Сорока стрекочет:

— Опять всяк сам за себя? Опять поодиночке? Нет чтобы нас сообща против общей беды! И так уж все про нас говорят, что мы в лесу только клюёмся да грызёмся. Даже обидно...

Тут Заяц ввязался:

— Правильно Сорока стрекочет. Один в поле не воин. Предлагаю создать Бюро лесных услуг. Я вот, к примеру, куропаткам помочь могу. Я снег на озимях каждый день до земли разрываю, пусть они после меня там семена и зелень клюют — мне не жалко. Пиши меня, Сорока, в Бюро под номером первым!

— Есть-таки умная голова и в нашем лесу! — обрадовалась Сорока. — Кто следующий?

— Мы следующие! — закричали клесты. — Мы шишки на ёлках шелушим, половину шишек целыми вниз роняем. Пользуйтесь, полёвки и мыши, не жалко!

«Заяц — копатель, клесты — бросатели», — записала Сорока.

— Кто следующий?

— Нас запиши, — проворчали бобры из своей хатки. — Мы осенью столько осин навалили — на всех хватит. Приходите к нам, лоси, косули, зайцы, сочную осиновую кору да ветки глодать!

И пошло, и пошло!

Дятлы дупла свои предлагают для ночлега, вóроны приглашают на пададь, ворóны свалки показать обещают. Сорока еле записывать успевает.

Притрусил на шум и Волк. Ушами попрядал, глазами позыркал и говорит:

— Запиши и меня в Бюро!

— Тебя, Волка, в Бюро услуг? Что же ты в нём хочешь делать?

— Сторожем буду служить, — отвечает Волк.

— Кого же ты сторожить можешь?

— Всех сторожить могу! Зайцев, лосей и косуль у осинок, куропаток на зеленях, бобров в хатках. Я сторож опытный. Овец сторожил в овчарне, кур в курятнике...

— Разбойник ты с лесной дороги, а не сторож! — закричала Сорока. — Проходи, проходимец, мимо! Знаем мы тебя. Это я, Сорока, буду всех в лесу от тебя сторожить: как уви-

жу, так крик подниму! Не тебя, а себя сторожем в Бюро запишу: «Сорока — сторожиха». Что я, хуже других, что ли?

Так вот и живут птицы-звери в лесу. Бывает, конечно, так живут, что только пух да перья летят. Но бывает, и выручают друг друга. Всякое в лесу бывает.

ПЕСЕНКИ ПОДО ЛЬДОМ

Это случилось зимой: у меня запели лыжи! Я бежал на лыжах по озеру, а лыжи пели. Хорошо пели, как птицы.

А вокруг снег и мороз. Слипаются ноздри и стынют зубы.

Лес молчит, озеро молчит. Петухи в деревне молчат. А лыжи поют!

И песенка их — как ручеёк, так и льётся, так и звенит. Но ведь не лыжи же, в самом деле, поют, где уж им, деревянным. Подо льдом кто-то поёт, прямо у меня под ногами.

Уйди я тогда, и подлёдная песенка осталась бы чудесной лесной загадкой. Но я не ушёл...

Я лёг на лёд и свесил голову в чёрный провал.

За зиму вода в озере усохла, и лёд навис над водой, как лазоревый потолок. Где навис, а где обрушился, и из тёмных провалов курчавится пар. Но ведь не рыбы же поют там птичьими голосами? Может, и вправду там ручеёк? Или, может, звенят рождённые из пара сосульки?

А песня звенит. Живая она и чистая, такую ни ручью, ни рыбам, ни сосулькам не спеть. Такую только одно существо на свете может спеть — птица...

Я стукнул лыжей по льду — песенка смолкла. Я постоял тихо — песенка зазвенела опять.

Тогда я что есть силы стукнул лыжей об лёд. И сейчас же из тёмного провала выпорхнула чудо-птица. Села она на край полыньи и трижды мне поклонилась.

— Здравствуй, подлёдная певунья!

Птичка опять кивнула и спела на виду подлёдную песню.

— А я ведь знаю тебя! — сказал я. — Ты оляпка — водяной воробей!

Оляпка ничего не ответил: он умел только кланяться и кивать. Снова юркнул он под лёд, и оттуда загремела его песня. Ну и что, что зима? Подо льдом ведь ни ветра, ни мороза, ни ястреба. Подо льдом чёрная вода и таинственный зелёный полумрак. Там, если погромче свистнуть, всё зазвенит: эхо помчится, стукаясь о ледяной потолок, увешанный звонкими сосульками. Чего бы оляпке не петь!

А нам чего бы его не послушать.

ЦЕНА ПЕСЕНКИ

Чижа я купил за рубль. Продавец сунул его в бумажный кулёк и подал мне.

Я посадил чижа в клетку и стал разглядыв-

вать. Зеленоватенький, шустрый, с хитрым чёрным глазком. Словом, чижик-пыжик!

Кормил я чижа спелыми берёзовыми серёжками да изредка просовывал в клетку свежие веточки вербы. Была зима, но дома в тепле на прутиках вербы, стоящих в банке с водой, появились барашки. Как белые заячьи хвостики.

Чиж любил трепать клювом эти заячьи хвосты. Треплет, треплет, а растреплет — и запоёт. За окном зимняя тишина, холодина, а дома птица поёт! Юлит на жёрдочке, и из клювика её так и брызжут, так и брызжут весёлые посвисты!

Поёт по всем птичьим правилам. У людей ведь как — поели и запели. А у птиц наоборот — попели и заели. Весной в утренних сутёмках, когда ещё и не видно ничего, гремит мощный птичий хор. А как развидится — притихнет. Увидали, значит, разных там жучков и паучков.

Прожил чиж у меня год. Совсем обжился. Вскочит, бывало, на палец, устроится половчее, горлышко у него задрожит — и полетели из клюва звонкие брызги!

Привык я к чижу.

И вдруг приходит тот самый продавец, у которого купил я чижа, и говорит:

— Продай чижа назад! Завтра на ловлю, а мой мантый чиж околел. Продай твоего.

Я даже не поверил — как так продать?

— Да так, — говорит, — продай!

Я совсем растерялся:

— Как же я его продам, если...

— Что если, — жмёт продавец, — что если? Потратился на него? Ну так вот: платил ты за него целковый, корма за год извёл на трёшку. Вот тебе четыре целковых и давай чижа.

— Да я его и за червонец не отдам! — рассердился я. — Да что за червонец, даже за сотню!

— Ну и спекулянт, — свистнул продавец, — ну и хапуга! Брал за целковый, отдаёт за сотню! За что же ты хочешь с меня девяносто девять рублей взять?

Я и сам удивился: и верно, за что же я хочу взять с продавца такие деньги?

Продавец плюнул и ушёл, стукнув дверью.

А я всё сидел и думал: «За что?»

Потом махнул рукой. И всё сразу встало по своим местам.

В комнате пахло клейкими зелёными листиками и вербиными барашками. Барашки были уже с розовым подшёрстком и стали похожи не на заячьи хвостики, а на белые яички птиц, в которых просвечивает розовый зародыш.

И на всю комнату гремела весёлая чижиная песня: будто из клювика чижа вылетали звонкие брызги!

Казалось, не было за окном зимы, сумеречных дней, оледенелых сучьев. Был май и весна. И будто бы...

Так вот что оценил я так дорого — песенку о «будто бы»!

ЕЛОВАЯ КАША

У всех день рождения — радость. А у клестят — беда. Ну что за радость вылупиться зимой? Мороз, а ты голышом. Один затылок пухом прикрыт.

У всех птиц родители как родители: детей летом выводят, когда тепло и сытно. Одним клестам законы не писаны. Угораздило же высидеть клестят зимой, да ещё двадцать девятого февраля! Что это за день рождения, который бывает один раз за четыре года? Прямо хоть плачь: ни зелени, ни гусеничек; снег, холод...

А родители хоть бы что!

Вон папа-клёст — сидит себе на ёлке и песни поёт. А у самого пар из клюва, будто трубку курит!

Это я так про клестят думаю.

Только вижу, что сами клестята живут не тужат!

Клестята кашу едят. Хороша каша из еловых семян! Каши наедятся — и спать. Снизу гнездо — как пуховая перинка, сверху мама — как перьяное одеяльце. А изнутри каша греет. Ёлка клестят баюкает, ветер им песни мурлычет.

Немного дней прошло — выросли клестята. Ни горлышки не застудили, ни носы не отморозили. Да толстые такие, что в гнезде тесно. И неугомонные: чуть из гнезда не вываливаются.

Это, наверное, всё от забот маминых и от еловой каши.

А ещё от яркого солнышка и морозного ветра.

Нет, день рождения — всегда счастливый день.

Пусть даже зима и мороз. Пусть даже двадцать девятого февраля.

Всё равно!

БЕЗ СЛОВ

— Чего они, дурачки, меня боятся? — спросила Люся.

— Кто боится тебя? — спросил я.

— Воробьи.

В скверике прыгали воробьи. Люся кидала им крошки, а они в страхе улетали.

— Почему они улетают? — удивлялась Люся.

Загадала девочка мне загадку! Действительно — почему? Раньше я не думал об этом: боятся и боятся. На то они и дикие птицы. Но вот девочка хочет их накормить, воробьи голодны, но они улетают. Почему?

— Почему они меня боятся? Я ведь никогда их не обижала! — говорит Люся.

— Ты не виновата, — успокаиваю я её.

— А кто виноват?

— Мы виноваты. Все-все. Одни — потому что всегда птиц обижали, другие — потому что позволяли обижать.

— Но за что же их обижать? Они ведь маленькие...

— Ничего, — сказал я Люсе. — Ты бросай и бросай им крошки, и они поймут, что ты им друг.

— Вы думаете, они поймут?

— Непременно поймут! Ведь поняли же они, что надо спасаться, когда в них кидают камни.

— Я им скажу, что я бросаю не камни, а крошки!

— Ничего не нужно говорить, Люся. Они поймут без слов.

— Без слов? А я-то думала, что они дурачки! — сказала Люся.

Птицы поняли Люсю.

ДОМАШНЯЯ БАБОЧКА

Ночью в коробке вдруг зашуршало. И выползло из коробки что-то усатое и мохнатое. А на спине сложенный веерок из жёлтой бумаги.

Но как я обрадовался этому уродцу!

Я посадил его на абажур, и он неподвижно повис вниз спиной. Сложенный гармошкой веерок стал отвисать и распрямляться.

У меня на глазах безобразный мохнатый червяк превращался в прекрасную бабочку. Наверное, так вот лягушка превращалась в царевну!

Всю зиму куколки пролежали мёртво и неподвижно, словно камешки. Они терпеливо ждали весну, как ждут её семена в земле.

Но комнатное тепло обмануло: «семена проросли» раньше срока. И вот по окну ползает бабочка. А за окном зима. А на окне ледяные цветы. Живая бабочка ползает по мёртвым цветам.

Она порхает по комнате. Садится на эстамп с маками. Развернув спиральку тоненького хоботка, пьёт из ложечки сладкую воду. Опять садится на абажур, подставив крылышки жаркому «солнцу».

Я смотрю на неё и думаю: а почему бы не держать дома бабочек, как держим мы певчих птиц? Они порадуют цветом. И если это не вредные бабочки, весной их, как птиц, можно выпустить в поле.

Есть ведь и певчие насекомые: сверчки и цикады. Цикады поют в спичечном коробке и даже в неплотно стиснутом кулаке. А сверчки пустыни поют прямо как птицы.

Завести бы дома красивых жуков: бронзовок, жужелиц, оленей и носорогов. А сколько можно приручить диких растений!

А волчье лыко, медвежье ухо, вороний глаз! А почему бы не развести в горшках прекрасные мухоморы, огромные грибы-зонтики или гроздя опят?

На дворе будет зима, а у вас на подоконнике — лето. Папоротники высунут из земли зелёные кулачки. Ландыши вывесят восковые бубенчики. Раскроется чудо-цветок белой кувшинки. И запорхает первая бабочка. И запоёт первый сверчок.

...И чего только не напридумываешь, глядя на бабочку, пьющую из ложечки чай с вареньем!

ЛЕСНЫЕ ШОРОХИ

О к у н ь и Н а л и м

— Чудеса подо льдом! Все рыбы сонные, апатичные — один ты, Налим, бодренький да игривый. Что с тобой такое, а?

— А то, что для всех рыб зимою — зима, а для меня, Налима, зимою — лето! Вы, окуни, дремлете, а мы, налимы, свадьбы играем, икру мечем, радуемся-веселимся!

— Айда, братцы-окуни, к Налиму на свадьбу! Сон свой разгоним, повеселимся, налимель икоркой закусим...

В ы д р а и В о р о н

— Скажи, Ворон, мудрая птица, зачем люди костёр в лесу жгут?

— Не ожидал я, Выдра, от тебя такого вопроса. Промокли в ручье, замёрзли, вот и костёр разожгли. У огня греются.

— Странно... А я зимой всегда в воде греюсь. В воде ведь морозов никогда не бывает!

К о р о л ё к и П у х л я к

— Ну, брат Королёк, и растолстел же ты за зиму! Сразу и не узнаешь — эвон какой верзи-

ла. Что в длину, что в ширину. Тяжелей меня небось стал?

— Тяжелей тебя, Пухляк, разве станешь... Вон ты дылда какой — сучки под ногами ломаются, ветки до земли гнутся! Сколько веса то уже набрал?

— Я-то? Да десять граммов тяну, а ты?

— А я семь...

З а я ц и П о л ё в к а

— Мороз и вьюга, снег и холод. Травку зелёную понюхать захочешь, листочков сочных погрызть — терпи до весны. А где ещё та весна — за горами да за морями...

— Не за морями, Заяц, весна, не за горами, а у тебя под ногами! Прокопай снег до земли — там и брусничка зелёная, и манжетка, и земляничка, и одуванчик. И нанюхаешься, и наешься.

Б а р с у к и М е д в е д ь

— Что, Медведь, спишь ещё?

— Сплю, Барсук, сплю. Так-то, брат, разогнался — пятый месяц без просыпу. Все бока отлежал!

— А может, Медведь, нам вставать пора?

— Не пора. Спи ещё.

— А не проспим мы с тобой весну-то с разгону?

— Не бойся! Она, брат, разбудит.

— А что она — постучит нам, песенку споёт или, может, пятки нам пощекочет? Я, Миша, страх как на подъём-то тяжёл!

— О-го-го-го! Небось вскочишь! Она тебе, Боря, ведро воды как даст под бока — небось не залежишься! Спи уж, пока сухой.

С о р о к а и О л я п к а

— О-о-ой, Оляпка, никак, купаться в полынье вздумал?!

— И плавать, и нырять!

— А замёрзнешь?

— У меня перо тёплое!

— А намокнешь?

— У меня перо водоотталкивающее!

— А утонешь?

— Я плавать умею!

— А... а... а проголодаешься после купанья?

— А я для того и ныряю, чтоб водяным жучком закусить!

Март

Голубой месяц март. Голубое небо, снега голубые. На снегах тени — как синие молнии. Голубая даль, голубые льды. Голубые на снегу следы. Голубые перелески, голубые канавы. Первые голубые лужи и последние голубые сосульки. А на горизонте — синяя полоска далёкого леса. Весь мир голубой!

В марте горят снега: всё усыпано солнечной сверкающей пылью. Снежное сияние обжигает лицо. На мартовском солнце даже деревья загорают. Тонкие ветви берёз становятся бронзовыми, а заросли ольхи — лиловыми.

Днём на солнце капель.

Ночью — звонкий мороз.

А на рассвете — морозный пар. Белые берёзы в седой дымке. Как будто это пар от тёплого их дыхания, как будто берёзы дышат.

Март голубой на дворе — пора яркого солнца и полосатых снегов; зиме конец, а весне — начало.

ЗИМНИЕ ДОЛГИ

Расчирикался Воробей на навозной куче — так и подскакивает! А Ворона-карга как каркнет своим противным голосом:

— Чему, Воробей, возрадовался, чего расчирикался?

— Крылья зудят, Ворона, нос чешется, — отвечает Воробей. — Страсть драться охота! А ты тут не каркай, не порть мне весеннего настроения!

— А вот испорчу! — не отстаёт Ворона. — Как задам вопрос!

— Во напугала!

— И напугаю. Ты крошки зимой на помойке клевал?

— Клевал.

— А зёрна у скотного двора подбирал?

— Подбирал.

— А в птичьей столовой у школы обедал?

— Спасибо ребятам, подкармливали.

— То-то! — надывается Ворона. — А чем ты за всё это расплачиваться думаешь? Своим чик-чириканьем?

— А я один, что ли, пользовался? — растерялся Воробей. — И Синица там была, и Дятел, и Сорока, и Галка. И ты, Ворона, была...

— Ты других не путай! — хрипит Ворона. — Ты за себя отвечай. Брал в долг — отдавай! Как все порядочные птицы делают.

— Порядочные, может, и делают, — рассердился Воробей. — А вот делаешь ли ты, Ворона?

— Я раньше всех расплачусь! Слышишь, в поле трактор пашет? А я за ним из борозды всяких корнеедов и корнегрызунов выбираю. А Сорока с Галкой мне помогают. А на нас глядя, и другие птицы стараются.

— Ты тоже за других не ручайся! — упирается Воробей. — Другие, может, и думать забыли.

Но Ворона не унимается:

— А ты слетай да проверь!

Полетел Воробей проверить.

Прилетел в сад, там Синица в новой дуплянке живёт.

— Поздравляю с новосельем! — Воробей говорит. — На радостях-то небось и про долги забыла!

— Не забыла, Воробей, что ты! — отвечает Синица. — Меня ребята зимой вкусным сальцем угощали, а я их осенью сладкими яблочками угощу. Сад стерегу от плодожорок и листогрызов.

Делать нечего, полетел Воробей дальше. Прилетел в лес, там Дятел стучит. Увидел Воробья, удивился:

— По какой нужде, Воробей, ко мне в лес прилетел?

— Да вот расчёт с меня требуют, — чирикает Воробей. — А ты, Дятел, как расплачиваешься? Как расплачиваешься?

— Уж так-то стараюсь! — отвечает Дятел. — Лес от древооточцев и короедов оберегаю. Бьюсь с ними не щадя живота! Растолстел даже...

«Ишь ты, — задумался Воробей. — А я думал...»

Вернулся воробей на навозную кучу и говорит Вороне:

— Твоя, карга, правда! Все за зимние долги отрабатывают. А я что — хуже других? Как начну вот птенцов своих комарами, слепнями да мухами кормить! Чтобы кровососы эти ребят не кусали! Мигом долги верну!

Сказал так и давай опять на куче навозной подскакивать и чирикать. Пока свободное время есть. Пока воробьята в гнезде не вылупились.

ЗАЯЧИЙ ХОРОВОД

Мороз на дворе, особый мороз, весенний. Ухо, которое в тени, мёрзнет, а которое на солнце — горит. С зелёных осин капель, но капельки не долетают до земли: замерзают на лету в ледышки. На солнечной стороне деревьев вода блестит, теневая затянута матовой коркой льда.

Порыжели ивняки, а ольховые заросли стали лиловыми.

Днём плавятся и горят снега, ночью пощёлкивает мороз.

Пришла пора заячьих песен. Самое время ночных заячьих хороводов.

Как зайцы поют — по ночам слышно. А как хоровод водят — в темноте не видать.

Но по следам всё понять можно. Шла прямая заячья тропа. От пенька до пенька, через кочки, через валежины, под белыми заячьими воротцами — и вдруг закружила немыслимыми петлями! Восьмёрками среди берёзок, кругами-хороводами вокруг ёлочек, каруселью между кустов.

Будто закружились у зайцев головы, и пошли они петлять да путать. Пляшут и поют: «Гу-гу-гу-гуу! Гу-гу-гу-гуу!»

Как в берестяные дудки дуют. Даже губы подскакивают!

Нипочём им сейчас лисицы и филины. Всю зиму жили в страхе, всю зиму прятались и молчали. Довольно!

Март на дворе. Солнце одолевает мороз.

Самая пора заячьих песен.

Время заячьих хороводов.

ВЕСЕННИЕ РУЧЬИ

Весенние ручьи говорят, говорят...

У каждого ручья свой голос. Один чуть шепчет, а другой звонко кричит. И каждый о своём.

Сидел я на пне у лесного ручья. Сидел и слушал. Сперва просто так бубнил ручей. А потом заговорил:

«Я лесной ручей: из лесного снега рождён. Топтали этот снег лоси да волки, зайцы-беляки по снегу прыгали, тетерева и рябчики под снегом спали. Теперь все следы растаяли, в звонкие капельки превратились. Столько за зиму всяких историй произошло — за всю весну не перескажешь. Расскажешь — не перескажешь, расскажешь — не перескажешь...»

Перебрался я к полевому ручью. Слышу, и полевой поёт:

«Зень-зень-зень! Зиме конец, конец зиме... Я ручей полевой, из полевых снегов рождён. Топтали снег зайцы-русаки да серые куропатки. Рыжая лиса мышковала — полёвок ловила. Все события на снегу отпечатались. А теперь следы растаяли, в певучие капельки обратились. Столько событий: рассказать — не рассказать, рассказать — не рассказать...»

Бегут, торопятся в речку ручьи разные: лесные, полевые, болотные, дорожные, деревенские, огородные. И у каждого свои рассказы: что было, что случилось, что надолго запомнилось. Говорят, говорят, говорят...

Хочешь лесные, полевые и болотные тайны узнать — сядь у речки на бережок.

Может, чего и услышишь.

ВЕЖЛИВАЯ ГАЛКА

Много у меня среди диких птиц знакомых. Воробья одного знаю. Он весь белый — альбинос. Его сразу отличишь в воробьиной стайке: все серые, а он белый.

Сороку знаю. Эту я по нахальству отличаю. Зимой, бывало, люди за окно продукты вывешивают, так она сейчас же прилетит и всё растреплет.

А вот галку одну я приметил за её вежливость.

Была метель.

Ранней весной бывают особые метели — солнечные. Снежные вихри завиваются в воздухе, всё сверкает и несётся! Каменные дома похожи на скалы. Наверху буран, с крыш, как с гор, текут снежные водопады. Сосульки от ветра растут в разные стороны, как косматая борода Деда Мороза.

А над карнизом, под крышей, есть укромное местечко. Там два кирпича из стены выпали. В этом углублении и устроилась моя галка. Чёрная вся, только на шейке серый воротничок. Галка грелась на солнце да ещё и расклёвывала какой-то лакомый кусок. Уютное местечко!

Если бы этой галкой был я, я бы никому такое местечко не уступил!

И вдруг вижу: подлетает к моей большой галке другая, поменьше и цветом потусклее. Прыг-скок по карнизу. Круть-верть хвостом! Села напротив моей галки и смотрит.

Ветер её треплет — так перья и заламывает, так белой крупой и сечёт!

Моя галка кусок свой схватила в клюв — и шасть из углубления на карниз! Тёпленькое местечко чужой уступила!

А чужая галка хватить у моей кусок из клюва — и на её тёпленькое местечко. Лапкой чужой кусок прижала — клюёт. Вот бессовестная!

Моя галка на карнизе — под снегом, на ветру, без еды. Снег её сечёт, ветер перья заламывает. А она, глупая, терпит! Не выгоняет маленькую.

«Наверное, — думаю, — чужая галка очень старая, вот ей место и уступают. А может, это всем известная и всеми уважаемая галка? Или, может, она маленькая, да удаленькая — драчунья». Ничего я тогда не понял...

А недавно вижу: обе галки — моя и чужая — сидят себя рядышком на старой печной трубе и у обеих в клювах прутики.

Эге, гнездо строят! Тут уж каждый поймёт.

И маленькая галка совсем не старая и не драчунья. Да и не чужая она теперь. И уж, конечно, не всеми уважаемая.

А моя знакомая большая галка совсем не галка, а гал!

Но всё равно мой знакомый гал очень вежливый. Я такого первый раз вижу.

ПЕРВЫЕ

Закапало с сосулькиных носов. Холодное небо залила тёмная солнечная дымка.

Каждую весну я с изумлением слежу за великим переселением птиц с юга. Мчат над головой быстрые кулики. Совсем недавно бегали они по отмелям тропических рек, кося глазком на зубастых крокодилов. Летят журавли, — может, на перьях их ещё сохранилась пыль берегов Нила.

Все спешат туда, где сами выклюнулись из яйца и впервые увидели синее небо и зелёную землю.

Удивительное это дело — перелёт птиц!

Но ещё больше изумляют п е р в ы е.

Капают сосулькины простуженные носы. По ночам ещё позванивает мороз. Только крошечные проталинки наклюнулись на белых холмах, а п е р в ы е уже тут.

...Лиловые тучи приподнялись над горизонтом и открыли оранжевую полосу зари. В оранжевую щель со свистом ворвался вихрь: зазвенела на ветру упругая жёлтая стерня. На чёрной маслянистой пашне вспыхнули от зари лужи, будто в подземных окнах включили свет.

На север, борясь с вихрем, мелькая белым брюшком, пролетела п е р в а я ласточка.

...Захлёбываюсь ветром. Ветер заливает рот, нос, глаза и уши. Тону в ветре, как тонут в бурной горной реке. Цепляюсь за жёсткие стебли травы, прячу голову за камень. Под

камнем лисья нора — пахнет сырой землёй и зверем. Неглубоко в норе птичка — горный конёк. Конёк спасается от бури. Это п е р в ы й конёк. Так и лежим рядом — человек и птичка. Слушаем, как обрушиваются на скалы тяжёлые валы ветра.

А в степи?

...На белую степь смотреть нельзя. Снег занастился и полыхает на солнце литым стеклом. Редко-редко чёрные точки — первые проталинки. В полдень над проталинками струится парок. И, как рождённая из пара, поднимается вверх на трепещущих крыльях птица. Льётся над снежной степью её ветряная песенка. Это п е р в ы й жаворонок.

На много дней полёта впереди своих стай, терпя голод и холод, страстно рвутся вперёд первые вестники весны — п е р в ы е птицы.

И захотелось мне узнать, какие же они, эти п е р в ы е? Чем они отличаются от остальных? Что это за птицы, которые наперекор всем невзгодам обогнали свои стаи и летят впереди?

Может, эти птицы больше ростом, сильней? Может, у них теплее перо и гуще пух? Может, крепче у них клювы и ноги? Или окраской они отличаются от всех других?

Я стал наблюдать.

Я находил их замёрзшими. Ловил обессиленных. Уж очень хотелось узнать тайну п е р в ы х.

Подробно разглядывал я этих птиц. Ощупывал крылья, дул под перо, измерял, описывал окраску. И потом сравнивал.

Нет, ничем эти п е р в ы е внешне не отличались от всех других. Такое же перо, та же окраска, те же размеры крыльев и клюва. Желудок только чаще бывал пуст. Да кожа под пером синеватая, без жира.

Так и не разгадал я тайну п е р в ы х. Так и не узнал, чем отличаются передовые от летящих позади. По виду они совсем такие же.

Значит, различие у них не снаружи, а внутри. Что ж, это очень похоже на истину. Пожалуй, это так и должно быть. У всех первых что-то особое внутри, а не снаружи.

Только вот — что?

КРЫЛАТЫЕ ПЕСНИ

Небо сияет — глаз не поднять. И в этом сиянии, невидимо, летят с юга на север птичьи песни. Летят в одиночку и стайками; никому их не видно, но всем слышно.

Медленно тонут в набухшем снегу нагретые солнцем соринки, чешуйки и щепки. Синицы собирают на снегу оттаявших комаров и мух. Услышав летучие песни, синицы скачут вверх по стволу, с сучка на сучок, всё выше и выше, как по ступенькам винтовой лестницы. Вот и конец, вот еловый шпиль; дальше синее небо, белое сияние — ничего не видать. Разве песни увидишь?

А песни летят; песня за песней, одна за другой, журчащие, как ручейки.

Осенью птицы улетают молча: были — и нет. Или кричат унылыми прощальными голосами. А весной каждая пичужка звенит, песни летят наперегонки. Видно, торопятся песни домой. Не видя, их узнаешь. Вон та — трясогузка, а эта — зорянка. А эта, что летит и журчит, — жаворонок. Близкая сердцу птица: песня и полёт!

Вот чиби́сы; кому не знакомо их тягучее «у-вы!» и «кувырк!». Но чибисов не видно, слышны только их голоса! Неужели, как в сказке, голоса обогнали хозяев и первыми прилетели домой? И так и не так.

Бегают по липкой пашне скворцы и кричат чибисиными голосами. Видно, устали чиби́сы в пути, и скворцы обогнали их. На лету подхватили чибисиные унылые крики и унесли их с собой. А может, налетела на чибисов беда, может, снежные вихри заломили им крылья и понесли по земле. Не долетела бы песня домой, если бы не скворцы.

Весна — вот и торопятся песни домой. Песни спешат наперегонки.

Песни летят как на крыльях!

ТЕТЕРЕВИНЫЕ НОТЫ

Ещё не поют в лесах тетерева. Ещё только ноты пишут.

Пишут они ноты так.

Слетает один с берёзы на белую поляну, надувает шею, как петух. И семенит ножками по снегу, семенит. Крылья полусогнутые волочит, бороздит крыльями снег — нотные строчки вычерчивает.

Второй тетерев слетит да за первым по снегу как припустит! Так точки ногами на нотных строчках и расставит:

«До-ре-ми-фа-соль-ля-си!»

Первый сразу в драку: не мешай, мол, сочинять! Чуфыкнет на второго да по его строчкам за ним:

«Си-ля-соль-фа-ми-ре-до!»

Прогонит, поднимет вверх голову, задумается. Побормочет, побормочет, повернётся туда-сюда и лапками на своих строчках своё бормотание запишет. Для памяти.

Потеха! Ходят, бегают — расчерчивают снег крыльями на нотные строчки. Бормочут, чуфыкают — сочиняют. Песни свои весенние сочиняют и ножками да крыльями их на снегу записывают.

Но скоро кончат тетерева песни сочинять — начнут разучивать.

Взлетят тогда на высокие берёзки — сверху то хорошо ноты видно! — и запоют. Все одинаково запоют, ноты у всех одни и те же: бороздки да крестики, крестики да бороздки.

Всё разучивают да разучивают, пока снег не сойдёт. А и сойдёт — не беда: по памяти поют. Днём поют. Утром и вечером поют.

Здóрово поют, как по нотам!

ТЁПЛАЯ СТРУЙКА

Зима — тяжёлое время. Даже могучие звери прячутся в берлоги и норы. Трудно представить, что где-то сейчас, в тайничках под снегом, лежат окоченевшие бабочки. Бывало, чуть ветер, чуть дождь, а они уже сникли. И пыльца на крылышках сбилась и потускнела.

Но они есть, они ждут; ждут весну и тепло.

Бабочка-крапивница зимовала в стогу. Солнце нагрело стог, и заструилось от него тепло. К теплу, на припёк, и выползла неловкая и сонная бабочка. Подкрылышко одно отпало, другие оббились, стёрлась пыльца. Нелегко зимовать в стогу.

Крапивница отогрелась и затрепетала от нетерпения. Качнулся ветерок, она вспорхнула и понеслась.

И вдруг её обдало жгучим морозом; вокруг стога ещё лежали снега. Лес и луга в снегу; один стог оттаял и высох. Крапивница сникла и опустилась на снег.

Хорош мартовский снег: в гранях и блёстках, с весенней голубизной. И крапивница на нём как первый цветок.

Но кому красиво, а крапивнице — смерть. Уже окоченела совсем, когда тёплая струйка ветра от нагретого стога протянулась и к ней; она встрепенулась, вспорхнула и понеслась по тёплой струе, как по знакомой дорожке. Струйка-тропинка привела её к стогу.

Каждый солнечный день теперь вылетает крапивница полетать. Смело носится над заснеженным полем. Но далеко не улетает. Текут от стога нагретые струйки, колышутся за ним, как невидимые ленты. Крапивница чувствует их тепло, они для неё — как дорожки к жизни.

Всё выше солнце, всё жарче стог, всё длиннее тёплые струи-дорожки. Всё дальше и дальше отлетает по ним от стога крапивница. Пока однажды не долетит до первой большой проталины. Там и останется весну встречать.

ОВСЯНКИНЫ СОВЕТЫ

Песенку овсянки мы сначала и слушать не хотели: уж больно проста. Да и певица невидная: сидит неподвижно на ветке, прижмурив глаза, и поёт одним голосом: «Синь-синь-синь-си-инь!»

Но нам сказали, что хоть и одним голосом она поёт, да о разном.

— Вы только вслушайтесь, — сказали. — Слышите?

«Синь-синь-синь-си-инь!»

И верно, вокруг синь! Как мы раньше этого не заметили! И небо синее, дымка над лесом синяя, тени на снегу — как синие молнии. А если ещё и глаза прижмурить — всё станет синим.

Синий месяц март!

— Это ещё не всё, — сказали. — Послушайте-ка её в апреле.

В апреле овсянка песенкой своей давала советы. Увидит возчика в розвальнях на раскисшей дороге и запоёт: «Смени сани, возьми во-озз!»

В мае у овсянки песня та же, но совет другой. Увидит, что скотник сено коровам несёт, и сразу: «Неси-неси-неси, не тру-си-и!»

— Ишь ты! — усмехается скотник. — И откуда она знает, что сено у нас к концу?

Любит овсянка возле человеческого жилья петь. Одна у неё песенка, только каждый переводит её на свой лад.

МЕДВЕДЬ И СОЛНЦЕ

Просочилась в берлогу Вода — Медведю штаны промочила.

— Чтоб ты, слякоть, пересохла совсем! — заругался Медведь. — Вот я тебя сейчас!

Испугалась Вода, зажурчала тихим голосом:

— Не я, Медведушко, виновата. Снег во всём виноват. Начал таять, воду пустил. А моё дело водяное — теку под уклон.

— Ах, так это Снег виноват? Вот я его сейчас! — взревел Медведь.

Побелел Снег, испугался. Заскрипел с перепугу:

— Не я виноват, Медведь, Солнце виновато. Так припекло, так прижгло — растаешь тут!

— Ах, так это Солнце мне штаны промочило? — рявкнул Медведь. — Вот я его сейчас!

А что «сейчас»? Солнце ни зубами не схватить, ни лапой не достать. Сияет себе. Снег топит, воду в берлогу гонит. Медведю штаны мочит.

Делать нечего — убрался Медведь из берлоги. Поворчал, поворчал да и покосолапил. Штаны сушить. Весну встречать.

СНОГСШИБАТЕЛЬНЫЙ ДУШ

Простаки эти голуби!

Воробьи похитрее.

Голуби честно ищут корм, а воробьи-хитрюги за ними подглядывают. Как увидят, что голуби на подоконник слетелись, толкаться начали, так и мчат сразу, но не на подоконник, а на панель под окно.

Наверху толкотня, драка: зёрна и крошки сыплются вниз. Воробьи внизу не зевают: клюют себе с выбором. Вот пройдохи!

Но раз попали и воробьи впросак!

Видят как-то: собрались голуби, затеяли возню. Приседают, хвосты веером, хлопают крыльями. Встряхиваются, толкаются, воркуют. Но собрались они на этот раз не на подоконнике, как всегда, а внизу, на земле. Ничего не понять!

«Нас провести хотят!» — смекнули самые
стреляные воробьи. И со всех сторон скорее в
голубиную толчею: шмыг, порх, скок!

Но тут самому первому воробью по затыл-
ку — стук!

Да так, что он носом в снег.

Второму по спине — плюх!

Трах третьему по носу. Так брызги и поле-
тели!

«Наших бьют!» — загалдели воробьи.

А кто бьёт?

Неизвестно. Голуби не бьют.

А первому снова — стук в голову!

Тут уж до воробья дошло — капли бьют!

Тяжеленные капли с сосуллек под крышей.

Висят высоко голубые сосульки. И с них,
как из краников, капли сыплются — целый
душ!

Голубям что — они большие. Толкнутся себе,
вертятся, купаются — рады живой воде.

А воробьишкам душ не под силу: того и
гляди, с ног сшибёт и покалечит.

Взлетели воробьи на ветки. Стали клювами
пёрышки перебирать да пересчитывать: все ли
целы?

Который по носу получил, нахохлился.

Но ненадолго. Чего хохлиться — весна
идёт!

О ЧЁМ ПЕЛА СОРОКА?

Пригрелась сорока на мартовском солнце, глаза прижмурила, разомлела — даже крылышки приспустила.

Сидела сорока и думала. Только вот о чём она думала? Поди угадай, если она птица, а ты человек!

Будь я на её птичьем месте, я бы сейчас вот о чём думал. Дремал бы я на припёке и вспоминал бы прошедшую зиму. Метели вспоминал, морозы. Вспоминал бы, как ветер меня, сороку, над лесом бросал, как под перо задувал и крылья заламывал. Как в студёные ночи мороз стрелял, как стыли ноги и как пар от дыхания сединой покрывал чёрное перо.

Как прыгал я, сорока, по заборам, со страхом и надеждой заглядывал в окно: не выбросят ли в форточку селёдочную голову или корку хлеба?

Вспоминал бы и радовался: зима позади и я, сорока, жив! Жив и вот на ёлке сижу, на солнце нежусь! Зиму отзимовал, весну встречаю. Длинные сытые дни и короткие тёплые ночи. Всё тёмное и тяжёлое позади, всё радостное и светлое — впереди. Нет времени лучше, чем весна! Время ли сейчас дремать да носом клевать? Будь я сорокой, я бы запел!

Но тсс! Сорока-то на ёлке поёт!

Бормочет, стрекочет, вскрикивает, пищит. Ну чудеса! Первый раз в жизни слышу песню сороки. Выходит, что птица сорока думала про

то же, про что и я, человек! Ей тоже петь захотелось. Вот здорово!

А может, и не думала: чтобы петь, обязательно нужно думать. Весна пришла — ну как не запеть! Солнце-то всем светит, солнце всех греет.

ОТЧАЯННЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Путешествие — трудное дело. Всякий путешественник терпит невзгоды. И упорные, бывает, сдают.

Но есть путешественники беззаветные, непоколебимые, просто отчаянные. О них я подумал, когда увидел на снегу паучка.

Вот он — чёрная точка рядом с лыжнёй. Ножки поджаты, мёртвый, оцепенелый, застылый. Но поднимется солнце, пригреет чуть — и он оживёт. Зашевелится, разомнёт замлевшие лапки — и снова в путь!

Так и идёт: светит солнце — бежит всё вперёд и вперёд. А накроет тень — съёжится и лежит. Лежит и ждёт терпеливо, авось тепло опять воскресит, чтоб снова продолжить путь!

Бежит и лежит, лежит и бежит...

СТЕКЛЯННЫЙ ДОЖДЬ

Слышно было, как уходил ночью из леса мороз. Он стучал клюкой по деревьям всё тише, всё дальше.

Я вышел во двор и долго стоял, вглядываясь и вслушиваясь.

В воздухе плыл шорох.

Уху знакомо шуршание трав, кустов и ветвей. Но сейчас шуршало ни на что не похоже.

Казалось, шуршит сам воздух. Шуршит и чуть слышно позванивает.

На смену морозу пришла оттепель.

Я вытянул в темноту ладонь. В ладонь стали покалывать крохотные иголки. Ничего было не видно, но что-то творилось в лесу.

Утром все увидели: снег заковала хрустящая глазурная корочка. Ветви берёз и хвоя сосен оделись в стеклянные чехольчики.

Всё похрустывает и позванивает, как обёрнутое в скрипучий целлофан. Стены, заборы оплыли матово-голубым льдом.

Сыплет мелкая водяная пыль. Невидимые капельки, не долетая до земли, замерзают в льдинки. Льдинок тоже не видно, но слышно — шорох и звон!

Сыпучий снег стал гремучим. Глазурная корочка с грохотом проламывается и рушится под сапогом. В проломах — белые битые черепки.

Всё шуршит, хрустит и звенит.

Звонкий весенний денёк!

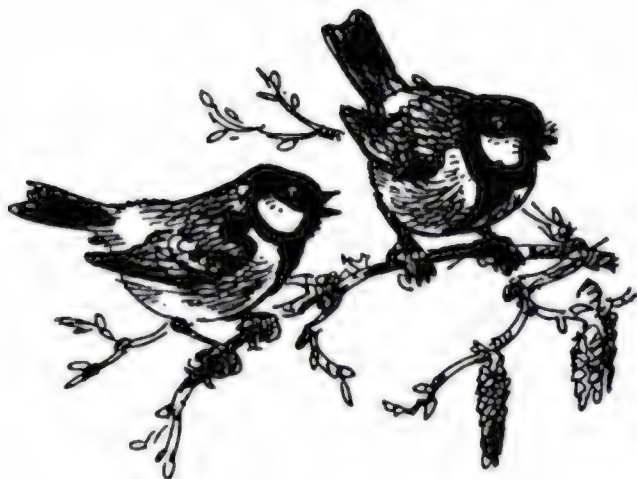
СИНИЧКИ-АРИФМЕТИЧКИ

Весной звонче всех белощёкие синички поют: колокольчиками звенят. На разный лад и манер. У одних так и слышится: «Дважды два, дважды два, дважды два!» А другие бойко высвистывают: «Четыре-четыре-четыре!»

С утра до вечера зубрят синички таблицу умножения. «Дважды два, дважды два, дважды два!» — выкрикивают одни.

«Четыре-четыре-четыре!» — весело отвечают другие.

Синички-арифметички.

Апрель

На всех снежных полях рыжие пятна — проталины. Это апрельские веснушки.

День ото дня их всё больше и больше. Не успеешь и глазом моргнуть, как все эти маленькие веснушки сольются в одну большую весну.

Всю долгую зиму в лесах и полях пахло снегом. Сейчас оттаяли новые запахи. Где ползком, а где на лёгких струйках ветра понеслись они над землёй.

Чёрные пласты оттаявшей пашни, как чёрные гряды волн, пахнут землёй и ветром. В лесу пахнет прелыми листьями и нагретой корой.

Запахи сочатся отовсюду: из оттаявшей земли, сквозь первую зелёную щетинку травы, сквозь первые цветы, похожие на брызги солнца. Струйками стекают с первых клейких листочков берёз, капают вместе с берёзовым соком.

По их невидимым пахучим тропинкам торопятся к цветам первые пчёлы и мчатся первые бабочки. Зайчишки так и шмыгают носами — чуют зелёную травку!

И сам не удержишься, сунешь нос в ивовые барашки. И станет твой нос жёлтым от липкой пыльцы.

Быстрые лесные ручьи впитали в себя запахи мхов, старой травы, лежалых листьев, тяжёлых берёзовых капель — и понесли по земле.

Запахов всё больше и больше: они всё гуще и слаще.

И станет скоро весь воздух в лесу — сплошной запах. И даже первая зелёная дымка над берёзами покажется не цветом, а запахом.

Веснушки-проталинки слились в весну.

ДВОЕ НА ОДНОМ БРЕВНЕ

Вышла речка из берегов, разлилась вода морем. Застряли на островке Лисица и Заяц. Мечется Заяц по островку, приговаривает:

— Впереди вода, позади Лиса — вот положение!

А Лиса Зайцу кричит:

— Сигай, Заяц, ко мне на бревно — не тонуть же тебе!

Островок под воду уходит. Прыгнул Заяц к Лисе на бревно — поплыли вдвоём по реке.

Увидела их Сорока и стрекотнула:

— Интересненько, интересненько... Лиса и Заяц на одном бревне — что-то из этого выйдет!

Плывут Лиса и Заяц. Сорока с дерева на дерево по берегу перелетает.

Вот Заяц и говорит:

— Помню, до наводнения, когда я в лесу жил, страсть я любил ивовые ветки оглаживать! До того вкусные, до того сочные...

— А по мне, — вздыхает Лиса, — нет ничего слаще мышек-полёвок. Не согласишься, Заяц, целиком их глотала, даже косточки не выплёвывала!

— Ага! — насторожилась Сорока. — Начинается!..

Подлетела к бревну, на сучок села и говорит:

— Нет на бревне вкусных мышек. Придётся тебе, Лиса, Зайца съесть!

Кинулась голодная Лисица на Зайца, но бревно окунулось краем — Лиса скорее на своё место. Закричала на Сороку сердито:

— Ох и вредная же ты птица! Ни в лесу, ни на воде от тебя нет покоя. Так и цепляешься, как репей на хвост!

А Сорока как ни в чём не бывало:

— Теперь, Заяц, твоя очередь нападать. Где это видано, чтобы Лиса с Зайцам ужились? Толкай её в воду, я помогу!

Зажмурил Заяц глаза, бросился на Лису, но качнулось бревно — Заяц назад скорей. И кричит на Сороку:

— Что за вредная птица! Погубить нас хочет. Нарочно друг на друга науськивает!

Плывёт бревно по реке, Заяц с Лисой на бревне думают.

СЛЕДЫ И СОЛНЦЕ

Зимой, когда Солнце стояло низко над горизонтом, оно было равнодушно к Следам на снегу. Иногда даже ласкало их, оттеняя синью и посыпая блёстками.

А теперь, когда поднялось высоко, прямо осатанело. Терпеть не может Следов: стирает, портит и искажает.

— Мы запечатлели всё, что в лесу произошло! — говорят Следы.

— А я всё сотру! — ярится Солнце.

И стирает, как резинкой с бумаги.

— Мы отпечатали каждый коготок и пальчик! — сообщают Следы. — Мы всё по правде!

— По правде? — сердится Солнце. — А я всё искажу — сами себя не узнаете!

И топит следы и плющит, растягивает вкривь и вкось.

Идёт спор. Как в песенке:
— А мы просо сеяли, сеяли!
— А мы просо вытопчем, вытопчем!
С каждым днём Следы всё слабее и хуже,
всё расплывчатее и неопределённое.
Солнце берёт верх.
Солнце высоко стоит.

ВЕСЕННЯЯ БАНЯ

Ванятка считал себя знатоком птиц. Ему приходилось держать в клетках чижей, чечёток, снегирей, синиц, щеглов, клестов, зябликов. А сегодня вышел Ванятка из школы и видит: на краю снеговой лужи сидят три совершенно незнакомые птички ростом с воробья. Одна чёрная, другая коричневая, а третья вовсе рыжая.

Прыг-прыг-прыг — по гузку, по самый хвостик — в лужу, и ну купаться! То грудку окунут в воду, то на задок присядут и бьют, бьют тупыми крылышками по воде, трепыхаются в ней. Брызги над ними как фейерверк: в каждой капельке — искорка солнца.

Выскочили из лужи и, встряхнув мокрые крылышки, взъерошенные, перелетели на песчаную дорожку. И — вот глупыши! — давай барахтаться в грязном песке. Песок к перу липнет — измазались все! Не поймёшь, какого и цвета стали.

Скоро так песком облипли, что и летать не могут. По земле поскакали.

Прыг-дрыг-скок — и опять в лужу! Опять над ними солнечный фейерверк, да ещё радуга в брызгах. Моются, стараются.

Выкупались, вымылись — и выскочили на бережок.

Ванятка так и ахнул:

— Воробьи! Все трое — обыкновеннейшие воробьи!

Все трое серенькие, свеженькие такие, чистенькие. А вот вода в луже стала грязной...

Понял Ванятка: воробьи так за зиму измазались, что и на себя стали не похожи. Это они сейчас в бане мылись, зимнюю грязь с себя смывали. С песочком тёрли!

Чёрный сажу смывал: он всю зиму в дымовой трубе ночевал.

Коричневый — спал в сыром дупле, в гнилой трухе вымазался.

Рыжий — в кирпичной стене устроился, в дырке.

Вот и стала вода в луже чёрно-кирпично-коричневой.

— С лёгким паром! — крикнул Ванятка воробьям и побежал домой, разбрызгивая ногами весенние лужи.

ОТТАЯВШИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Всё, что случилось зимой в лесу, — всё скрыл снег. Злодейство ли, доброе ли дело — всё погребено в сугробах: снегом укрыто, метелью заглажено. Ни памяти, ни следа.

Но пришла оттепель, и всё вышло наружу. Всё, что копилось, всё, что скрывалось, выступило напоказ. Оттаяли хвоинки, прутики, листики, кусочки коры. Везде под кузницами дятлов грудками лежат шишки.

Вот перья вороны, которую в конце зимы разорвал ястреб. Вот подснежные спаленки-лунки рябчиков и тетеревов. В них они спали в самую глухую зимнюю пору. Тут снеговые тоннели крота: ишь ты, он и в снегу искал червяков!

Шишки, сброшенные клестами и оглоданные белками. Подстриженные зайцами ивы.

А вот землеройка, задушенная и брошенная лаской. Вот хвостик белки-летяги — остатки обеда куницы.

Будто листаешь прочитанную книгу и рассматриваешь картинки. Ветер и солнце долистают белую книгу. Скоро покажется и обложка — земля. Тогда все зимние происшествия встретятся, соединятся и растворятся в тысячах и тысячах других, скопившихся на земле за долгие-долгие годы.

Вся земля под ногами — это бывшие происшествия.

РАННЯЯ ПТИЧКА

Незаметно зажглась и тихо начала разгораться в небе алая полоска зари. Утренний ветерок прошумел в вершинах берёз. Тонким

перезвоном оледенелых хвоинок отозвались ему высокие сосны.

Внизу, в глубокой темноте леса, явственней зажурчал невидимый ручеёк. И весь лес стал полниться чуть слышным шуршанием, шорохом, хрупким, тихим звоном — звуками неодушевлённой жизни. И каждый звук был сам по себе: то хруст ветвей, то звон капель, а то посвисты жёстких хвоинок.

Но вдруг все эти отдельные хрусты, звоны и свисты соединились и зазвучали слаженно и живо.

И вот возникла — просто, как живая струйка воды из-под глыбы снега, — родилась в предрассветной мгле лесная песенка. Возникла и полилась тихо, полная робкой радости, светлой весенней грусти. Это запела зорянка.

И чудом соединила в песне своей все неодушевлённые шорохи, шелесты, звоны и хрусты дремучей лесной ночи. Соединила и оживила, и стали они понятны и близки всем.

Рано, одной из первых среди наших перелётных птиц, возвращается она к себе на родину — в наши неодетые леса, где и в дневных сутёмках долго ещё будет хорониться от солнца хрупкий, хрусткий под ногой снег. Рано — чуть свет — пробуждается она утром и поёт тихонько, как будто спросонья, свою тонкую, звонкую, замирающую в конце песенку. Живую песенку, сложенную из мёртвых, чуть слышных звуков просыпающегося весеннего леса.

ЛЕСНЫЕ ОБОРОТНИ

Чудесное в лесу происходит незаметно, без чужого глаза.

Вот сегодня: ждал я на зорьке вальдшнепа. Зорька была холодная, тихая, чистая. Высокие ели поднялись на опушке, как чёрные крепостные башни. А в низине, над ручьями и речкой, навис туман. Ивы утонули в нём, будто тёмные подводные камни.

Я долго следил за утонувшими ивами. Всё казалось, что непременно там должно что-то произойти!

Но ничего не происходило; туман с ручьёв медленно стекал к реке.

«Странно, — думал я, — туман не поднимается, как всегда, а стекает...»

Но тут слышался вальдшнеп. Чёрная птица, взмахивая крыльями, как летучая мышь, протянула по зелёному небу. Я вскинул фоторужьё и забыл про туман.

А когда опомнился, туман уже обернулся в иней! Застелил белым поляну. А как это случилось — я проглядел. Вальдшнеп глаза отвёл!

Кончили тянуть вальдшнепы. Показалось солнце. И все лесные обитатели так ему обрадовались, будто давно-давно не видели. И я засмотрелся на солнце: интересно смотреть, как зарождается новый день.

Но тут я вспомнил про иней; глядь, а его на поляне уже и нет! Белый иней обернулся в

синюю дымку; дрожит и струится она над пушистыми золотыми ивами. Опять проглядел!

И проглядел, как народился в лесу день.

Вот всегда так в лесу: что-нибудь да отведёт тебе глаза! И самое чудесное и удивительное произойдёт незаметно, без чужого глаза.

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ШАГИ

Ранняя весна, вечер, глухое лесное болото. В светлом сыром сосняке снег ещё кое-где, а в тёплом ельнике на бугре уже сухо.

Я вхожу в густой ельник, как в тёмный сарай. Стою, молчу, слушаю.

Вокруг чёрные стволы елей, за ними холодный жёлтый закат. И удивительная тишина, когда слышишь удары сердца и собственное дыхание. Дрозд на еловой макушке высвистывает лениво и звонко. Свистнет, прислушается, а в ответ ему тишина...

И вдруг в этой прозрачной и затаившей дыхание тишине тяжёлые, грузные, нечеловеческие шаги! Всплески воды и позванивание льда. То-пы, то-пы, то-пы! Будто тяжело груженная лошадь с трудом тянет по болоту воз. И сразу же, как удар, ошеломляющий грохочущий рык! Дрогнул лес, качнулась земля.

Тяжёлые шаги затихли: слышались лёгкие, суматошные, торопливые.

Шажки лёгкие догоняли тяжёлые. Топ-топ-шлёп — и остановка, топ-топ-шлёп — и тиши-

на. Торопливым шажкам нелегко было догнать неторопливые и тяжёлые.

Я прислонился спиной к стволу.

Подёлками стало совсем темно, и только мутно белело между чёрными стволами болото.

Зверь рыкнул опять — как из пушки грохнул. И опять охнул лес и качнулась земля.

Я не выдумываю: лес вправду дрогнул, земля вправду качнулась! Лютый рык — как удар молота, как раскат грома, как взрыв! Но не страх породил он, а уважение к его необузданной силище, к этой чугунной глотке, извергающейся как вулкан.

Лёгкие шажки заторопились, заторопились: зачмокал мох, захрустел ледок, заплескала вода.

Я давно уже понял, что это медведи: дитё и мама.

Дитё не поспевает, отстаёт, а мама чует меня, сердится и волнуется.

Мама предупреждает меня, что медвежонок тут не один, что она близко, что лучше его не тронь.

Я хорошо её понял: предупреждает она убедительно.

Тяжёлых шагов не слышно: медведица ждёт. А лёгонькие спешат, спешат. Вот взвизг тихий: медвежонка шлёпнули — не отставай! Вот шаги грузные и лёгкие зашагали рядом: то-пы, то-пы! Шлёп-шлёп-шлёп! Всё дальше, всё тише. И смолкли.

И опять тишина. Дрозд кончил свистеть. Лунные пятна легли на стволы.

В чёрных лужах вспыхнули звёзды.

Каждая лужа — как распахнутое в ночное небо окно.

Жутковато шагать в эти окна прямо на звёзды.

Не спеша я бреду к своему костру. Сладко сжимается сердце.

А в ушах гудит и гудит могучий зов леса.

ПЕВИЦА

Тем хорош лес, что сколько в него ни ходи, сколько ни смотри и ни слушай, а всё увидишь невиданное и услышишь неслыханное. А увидишь и услышишь — и опять пойдёшь.

Стоял я на тяге. Уж солнце утонуло в лесу, а вальдшнеп всё медлил. И такая была прозрачная тишина, что упадёт хвоинка — и слышно, капля сока с берёзы капнет — слышно. Слышно даже, как муравьи бегут — так и топчут.

В луже лопались пузыри, таинственно и тихо. «...Уук! Уук!...» — это запевала жаба. И вдруг шумная возня, шорох листьев и писк. Я прислушался. И услышал новую песню!

Будто птичка пела в кустах. Стрекотала и щебетала. Повторяла своё «ци-ци-ци» на разные лады и манеры.

Я слушал и вспоминал. Зорянка не так поёт, дрозды не так свистят. Всех птиц знаю, а такой никогда не слышал.

Я нагнулся, чтоб разглядеть, но под ольхами загустела тьма, даже видно стало свечение

гнилушек. Тогда я включил фонарь. Гнилушки потухли, а там, где они голубели, выдвинулся пенёк. А на том пенёке сидела лесная мышь: усы топорщились, глаза блестели. Погасил фонарь — засветились гнилушки, послышалась песнь!

Поющая мышь — дело неслыханное.

Что ж, буду знать.

И если кто меня спросит, скажу:

— Слышишь? Это поёт мышь!

ПЫЛЕСОС

Старая история: воробей, пока не прилетели скворцы, решил скворечник занять. Напыжился, почирикал для храбрости и нырнул в леток.

Старую подстилку выносил пучками. Выскочит, а в клюве целый сноп. Разинет клюв и смотрит, как сухие травинки падают вниз.

Большие перья вытаскивал по одному. Вытащит и пустит на ветер. И тоже следит: поплывёт перо или штопором вниз закрутится?

Всё старое нужно выкинуть дочиста: ни соринки чтоб, ни пылинки!

Легко сказать — ни пылинки. А пылинку ни в коготках не зажать, ни клювом ухватить.

Вот вынес в клюве последнюю соломинку, вот выбросил последнее перо. Остался на дне один сор. Пылинки, соринки, шерстинки. Кожица от личинок, перхоть от пера — самая дрянь!

Посидел воробей на крыше, затылок лапкой почесал. И в леток!

Я стою, жду.

Началась в скворечнике возня, слышалось жужжание и фырчание. А из скворечника — из всех щелей! — завихрилась пыль. Воробей выскочил, отдышался и опять нырнул. И опять я услышал фырчание, и опять полетела пыль. Скворечник дымил!

Что там у него — вентилятор или пылесос? Ни то и ни то. Сам затрепыхался на дне, крылышками забил, погнал ветер, завихрил пыль — сам себе пылесос, сам себе вентилятор!

Чист скворечник, как стёклышко.

Самая пора свежую подстилку носить. Да поторапливаться, пока скворцы не прилетели.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Пробил дятел в кленовой коре дырочку — напился сладкого сока.

За дятлом долгохвостая синица прилетела — тоже носик помочила. За долгохвостой — лазоревка: три капельки выпила.

Улетели птицы — насекомые собрались. Мухи прилетели. Две бабочки-крапивницы. Траурница-красавица.

Все сладкий сок сосут — улетать не собираются.

Муравьишка приполз — усами шевелит.

Комарик прилетел — длинными ногами в паутке увяз.

Может, и ещё кто-нибудь притащился бы, да тут опять дятел — порх! Гости незваные — кто куда.

Муравей замешкался — дятлу на язык прилип.

Запил дятел кислого гостя сладким соком.

А улетел дятел — гости опять тут как тут.

За долгохвостой синицей — лазоревка. За лазоревкой — мухи и бабочки. За бабочками — комарик. За комаром — муравей.

Гости не гордые.

Хоть и незваные, а хочется им сладенького.

Кому сладенького-то не хочется?

ЛЕБЕДИ

Лебеди раздражённо кивали: они сердились, что на них смотрел человек.

Это были лебеди-кликуны, белые, как морская пена, с тонкими строгими шеями и литыми из золота клювами.

Тут и там в небе белые косяки: напряжённо вытянутые шеи, мерные взмахи крыльев.

С неба, с воды, со льдин звучат неумолчные лебединые голоса. В них тонет всё: звон торопливых утиных крыльев, ленивый гогот гусей, заунывные посвисты кро́ншнепов и радостные взвизги чи́бисов.

Несколько лебедей сплылись клюв в клюв, потом разом вытянули шеи вверх, раскрыли клювы и затрубили. Хлещут белые крылья, взбивая кипучую пену, всплескивая каскады

воды. Огромная кувшинка-лилия на воде из белых тел — лепестков и тонких шей — тычинок! Это знаменитый танец лебедей и лебединая песня.

Так лебеди встречают весну.

Каждую весну останавливаются на болоте для отдыха стаи уток и лебедей. Так было испокон веков, так есть и сейчас. И как бы хотелось, чтобы это осталось и в будущем. Ведь нет больше на земле городов, где бы дикие лебеди встречались на конечной остановке трамвая. Да и на всей-то земле осталось лебедей не так-то уж много.

Да и не в том только дело. Что сможет заменить зелёное болотце с белыми лебедями? Не павильон же смеха с кривым зеркалом или площадка для бега в мешках, которые тут хотят выстроить?

На берегу — на краю земли! — можно сидеть часами. Волны воды и ветра. То потянет теплом и водорослевой прелью, то пахнёт пронзительной свежестью синей воды. Блёклый, захламлённый берег, унылая быль у ног и рядом — перед глазами! — синяя сказка с белыми льдинами и белыми птицами.

Медленные вереницы сказочных птиц с изогнутыми шеями плывут вдоль лазоревой кромки льда. Медленные косяки тянут вдоль сизого бока белого облака. С воды и с неба далёкими колоколами плывут лебединые клики. Клики кликунов-лебедей.

Лебеди лежат и стоят на льдинах. Или бегут по воде, натужно устремив вперёд шею

и звучно шлёпая широкими чёрными лапами.

Взлетев, плывут над водой, плавно загребая под себя струи ветра. И крылья их поскрипывают, как на шарнирах. А то с лёту плюхаются на волны, воздев крылья, как руки, и буруня воду крутой белой грудью.

Потягиваются, охорашиваются, перебирают перья. Смотрят на своё отражение.

Почему на этих птиц можно смотреть часами? Не задерживается же глаз на вздорных, крикливых утках, суетливо снующих тут же?

Есть в этих величавых и медлительных птицах что-то такое, что заставляет всех — от мала до велика! — поднимать лицо в небо: «Смотрите, летят лебеди!» И долго-долго провожать их глазами.

ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Прилетел на скворечник скворец. На ноге колечко — знакомый! Шестой год он живёт у меня в скворечнике.

Каждую весну он прилетает на скворечник, осматривает его со всех сторон, забирается внутрь, долго там шуршит и ворочается. Потом садится на крышу и негромко поёт. Негромко, но с наслаждением: трещит, пощёлкивает и высвистывает от удовольствия, как разыгравшийся поросёнок. Клюв золотой в небо, глаза закатывает, крылышками

разводит. А сам то петухом, то ягнёнком, то кошкой мяукнет, то собачонкой протявкает. Соскучился на чужбине по дому...

Потом со скворчихой чистят скворечник, птенцов выводят. Вместе растят, вместе на выгоны улетят с ними.

Осенью, перед отлётом, скворец прилетал на скворечник один. Есть у скворцов такое правило: прилетать перед отлётом к гнезду. Посидеть в тишине, перышки на солнце почистить, помурлыкать под нос. А потом — на юг. В страны дальние, земли чужие, за синий горизонт.

Но чуть весна — мой скворец тут как тут! На скворечнике сидит, песни поёт, крылышками разводит. И колечко на лапке блестит.

И так вот уже шесть лет...

Шесть раз я говорил ему весной «здравствуй» и пять раз осенью сказал «до свиданья».

И стал замечать, что скворец мой постарел.

В первую весну, помню, он весь от песен дрожал! Перья на горлышке дыбом. Весь блестит, будто маслом намазанный.

В шестую весну смотрю — и глазам не верю. Сидит в летке, чуть только нос высунул. Поёт нехотя: свистнет и помолчит, свистнет и помолчит, будто сам себя слушает. Других птиц не передразнивает, голоса их позабыл, что ли.

Свистел, свистел, пригрелся на солнышке — и задремал. И это в разгар пения! Голо-

ву свесил, носом «клюёт» и глаза закрыл. Никогда такого с ним не бывало.

В шестую осень только раз к пустому скворечнику прилетел. Посидел, помолчал, колечко на лапке потрогал.

— До свиданья! — сказал я ему. В шестой раз сказал «до свиданья».

Пришла весна. Опять прилетел скворец на скворечник, но не тот, не мой, без кольца. Может, сосед его, может, сын. Молодой, горластый и непоседливый. И блестит, будто маслом намазанный!

А старик не вернулся. Где-то ветер перья его разнёс? Прощай, старый скворец, — в последний раз. Здравствуй, молодой, — в первый!

ДРОЗД И СОВА

— Слушай, объясни ты мне: как сову от филина отличить?

— Это смотря какую сову...

— Какую сову... Обыкновенную!

— Такой совы не бывает. Бывает сова-сипуха, сова-неясыть серая, сова ястребиная, сова болотная, сова полярная, сова ушастая...

— Ну вот ты — какая сова?

— Я-то? Я неясыть длиннохвостая.

— Ну вот как тебя от филина отличить?

— Это смотря от какого филина... Бывает филин тёмный — лесной, бывает филин светлый — пустынный, а ещё рыбный филин бывает...

— Тьфу ты, нечисть ночная! До того всё запутали, что и сами, поди, не разберётесь, кто у вас кто!

— Хо-хо-хо-хо! Бу!

ПЛЯСУНЫ

Комары-толкуны — плясуны известные. Пляшут они где придётся, было бы только тепло. Тепло их бодрит, веселит, прямо на воздух поднимает.

Где тихо, солнечно, где нагрето — там и площадка для танцев. В тёплых струях легче плясать.

Пока на земле ещё снег лежит, пляшут они меж тёплых сосновых ветвей. Потом толкнутся над первой проталиной. Над оттаявшим муравейником, над прогретой поленницей дров, над копной соломы. Над отогревшимся склоном, над подсохшей тропинкой, над вскопанной грядкой. Вверх-вниз, вверх-вниз — живой столбик золотистых пылинок. Каждую победу весны они отмечают танцем.

Весна идёт — и ширятся танцы. Любят комарики поплясать!

Бывает, над головой зароятся. Гонишь-гонишь, а им нипочём. Пляши, раз тепло и солнце. А что там внизу чья-то голова или поленница дров — какое им дело? До этого им дела нет.

ФИЛИПП И ФЕДЯ

Я прислонился к ёлке и стал слушать певчего дрозда. Дрозд пел на самой верхней еловой свечке. Выше его было только небо. А в небе — звезда.

Дрозд высвистывал. Свистнет — и помедлит. Будто прислушивается: так ли свистнул? Ещё свистнет — и опять помедлит: так ли отозвалось эхо? И вдруг трель — будто стёклышки посыпались с ёлки! Слышно даже, как язычком прищёлкивает. Рад, наверное, что и свистнуть сумел, и эхо отозвалось как надо. Каждый свист — слово. Так прямо свистом и выговаривает: «Филипп, Филипп, Филипп! Приди, приди! Чай пить, чай пить! С сахаром, с сахаром!»

«Кто же этот Филипп?! — думаю я себе.

А дрозд: «Приди, кум! Приди, кум! Выпьем, выпьем!»

И тут на вершину соседней ёлки взлетел дрозд-сосед. И засвистел: «Федя, Федя, Федя! Не хочу, не хочу, не хочу!»

Так вот он кто — кум Филипп!

«С сахаром, с сахаром, с сахаром!» — уговаривает Федя.

А кум Филипп своё: «Не хочу, не хочу, не хочу!»

Так и препирались, пока и в небе, и в лесу не стало черным-черно. Тогда смолкли. Какой уж тут чай — спать пора!

ВЕСЁЛЫЕ СТАРУШКИ

На солнечной скале веселятся крапивницы. Бабочки перезимовали зиму и радуются теплу. Зима свирепой была, её ледяные когти проникли в самые потайные убежища. Не все бабочки выжили. Крылышки у них выцвели и потёрлись. Кто без усов остался, кто без ноги. А у кого от цветных крыльев одни жилки остались, как у высохшего листа. Но пережившие свой век калеки и инвалиды, древние бабочкины старушки всем на зависть весёлые и игривые! Старушки играют в пятнашки!

Весело налетает пятна́ на спокойно сидящих, дремлющих на припёке. Мелькание крыльев, весёлая суматоха, стайка бабочек штопором ввинчивается в синее небо. Они кувыркаются и барахтаются на струях тёплого ветра. Потом сломя голову кидаются вниз и снова рассаживаются на гладкой нагретой скале. Они игриво поводят обтрёпанными крылышками и расправляют лапками ощищенные усы. Старики и старушки играют и веселятся. Словно и не было позади страшной зимы.

ФЛАЖКИ НА БОЛОТЕ

Неохота вылезать из-под тёплого одеяла!

За окном сырая весенняя ночь. Без того знобит, а тут натягивай ещё скользкие сапоги, задубелую куртку.

— Ну куда тебя несёт? — возмущается во мне нытик. — В чёрное лесное болото? Под сапогами будет булькать вода, засопит и зачмокает хлябь, в глаза будут тыкаться су-чья...

А бодрячок хорохорится:

— Подумаешь — хлябь, первый раз, что ли? А вдруг что-нибудь и увидишь!

— Ну и что ты увидишь? — канючит нытик. — Всю весну месишь грязь; всё уже видано-перевидано! Всё расписано по минутам. В два пятьдесят заблеет бекас, в три часа прилетят косачи. В пять десять пролетит над током ворона, в пять тридцать прилетят на болото чайки. Хоть часы проверяй!

— А вдруг? — сопротивляется бодрячок.

— Что «вдруг», что «вдруг»? — сердится нытик. — «Вдруг» только в книжках бывает. А вот ноги будут в засидке мёрзнуть — чай, воды по колено. Спина замлеет, пальцы перестанут сгибаться. И уж это не вдруг, а наверняка!

— Всё так! — вздыхает бодрячок. — И руки, и ноги, и пальцы. И замлеет спина. И чайки прилетят в половине шестого. Пошли!

Я выхожу за дверь и долго стою, приглядываюсь к темноте. Но вот сдвигается туча, и показывается луна. И сразу земля отделилась от неба — можно идти.

Я шагаю мимо деревни. Морозит, грязь под ногами мнётся, как упругий пластилин. Луна поочерёдно вспыхивает в окнах домов, будто в них кто-то зажигает и сразу же гасит свет.

Я иду по болоту, и лунный свет теперь уже вспыхивает и гаснет в лужах. Всё, как говорил нытик, — и темь, и холод, и хлябь.

Бодрячок хрипло дышит. Потом толкает меня в шалаш и прячет нос в воротник.

Два часа пятьдесят минут. Над головой заблеял бекас.

Три часа. Короткое «па-па-па!» — и рядом уселся косач.

Три часа пять минут. Слышится странное бульканье, будто воду льют из бутылки. Это косач заворковал.

Нытик зевает:

— Я что говорил?

И вдруг...

Бодрячок кричит прямо в ухо:

— Ты только послушай, ты такого ещё не слышал!

— Тише, тише, — успокаиваю я его. — Может, тебе показалось?

Но я уже знаю: не показалось! Слышатся звуки, которых я ещё не слышал. Я слушаю и пишу: «3 часа 30 минут. На чёрном болоте незнакомые звуки — будто быстро лопаются пузыри». Как и положено, ровно в пять десять над током пролетела ворона. Ровно в пять тридцать появились и чайки. Но нытик уже не ехидничает.

Вода на болоте золотая от солнца. Кочки в ней — как чёрные камни. И чуть не на каждой кочке — белый флажок! Непонятные белые треугольники, непонятные тихие звуки.

Белые точки то появляются, то исчезают. Так умеют подмигивать солнечные зайчики. Но это не «зайчики», это чибисы. Первый раз в жизни я вижу чибисины танцы!

Бодрячок хватается нытика за воротник:

— Будешь, будешь скулить? Говорил я тебе «а вдруг»? То-то, Фома неверующий.

На каждой кочке — пара. До чего ж они хороши! Зелёные крылья и спинки, снежно-белые грудки и красные ножки, блестящие от росы и солнца.

Он поклонится ей, клювом сорвёт травинку и отбросит её вправо. Она сейчас же — ответный поклон, тоже сорвёт травинку, но отбросит влево. Поклон — и травинка, поклон — и травинка. Наверное, на счастье бросают: по всему видно, что будет у них тут гнездо.

«У-у, ку-ку-ку-ку! У-у, ку-ку-ку-ку!» — начинает петь кавалер, а сам клонится грудкой в мох, сложенные крылья ставит торчком, хвостик задирает вверх и трясёт им, как белым платочком.

Чибисы ждали этого дня. Хорош бы я был, если б его пропустил! Никогда б не узнал, что этот пернатый народец так занятно танцует на кочках болота.

Я тычу нытика носом в мох. Потому что новое не узнать — это хуже, чем старое позабыть. Подумаешь, старое! Оно всем известно.

ДЯТЛОВО КОЛЕЧКО

Дятел — мастер на разные штуки.

Может дупло выдолбить. Ровное, круглое, как пяточок.

Может станок для шишек смастерить. Втиснет шишку в него и выколачивает семена.

Есть у дятла и барабан — звонкий упругий сучок.

Надолбится, набарабанится — захочет пить.

На этот случай есть у дятла питьевое колечко. Его он тоже делает сам.

На землю дятел спускаться не любит: коротконогий он — неловко ему на земле. Не летает он и на водопой — на речку или к ручью. Пьёт как придётся. Зимой схватит снежку, летом слизнёт росинку, осенью — капельку дождя. Дятлу немного надо. И только весной — дело особое. Весной дятел любит пить берёзовый сок. Для этого и делает дятел питьевое колечко.

Колечко, наверное, видели все. Даже на берёзовых поленьях. Дырочка к дырочке на берёзовой коре — колечком вокруг ствола. Но мало кто знает, как дятел делает это кольцо. И почему оно сделано не как-нибудь, а всегда кольцом...

Я стал следить и понял, что дятел... и не думает делать кольца!

Он просто дырочку в берёзе пробьёт и слизнёт капельку сока.

Немного погода опять прилетит, ведь на дырочке набухает сок. Сядет так, чтобы удобно было слизнуть, слизнёт набухшую каплю — вкусно. Да жалко, сок из старой проклювинки тихо течёт. Дятел чуть голову вбок отведёт и пробивает новую дырку.

Ещё прилетит — садится уже под новую дырочку, старая-то заплыла. Выпьет из новой сок — рядом свежую дырочку продолбит. И опять ни выше, ни ниже, а сбоку, где, не трогаясь с места, удобно клювом достать.

Дел весной много: дупло, барабан, станок. Охота и покричать: прямо в горле всё пересохло! Потому то и дело летит на берёзу — горлышко промочить. Сядет, лизнёт, добавит к ряду проклювинку. Так и получается на берёзе колечко. И ничто другое получиться не может.

Жаркая идёт весна.

Кольцует дятел берёзы. Нижет колечко к колечку.

Мастер дятел на штуки.

БАРАБАНИЩИЦА

«Барабанщик» — мужественное, крепкое слово!

И барабанить — дело мужское. Дятел-барабанщик — звучит вполне подходяще.

Бьёт дятел в барабан весной. Дятлов барабан — это сухой звонкий сучок. Но хоть и сучок, а дробь на нём получается настоящая

барабанная. Палочек тоже нет: барабанит собственным носом.

Здорово получается: дrrrrrrrr! — и эхо за рекой.

Я сам думал и в книжках про то читал, что барабанит на барабане только дятел-самец.

Всем заявляет: «Тут моё дупло, я тут хозяин — поберррегись!» Так я и задумал его снять.

Услышал дробь, увидел барабанщика и стал подходить, прикрываясь деревьями. Я подходил, а барабан гремел. Это был особенный барабан: всем барабанам барабан! Сучок был сухой и звонкий, а барабанщик лихой. Он откидывался назад, опираясь на хвост, гордо осматривал лес с высоты и, дрогнув, вдруг начинал стучать носом по сучку с такой быстротой, что головка его виделась как расплывчатое, неясное пятнышко. Приложи ухо к дереву — оглушит! Что за молодец! Да, барабан — мужской инструмент.

Я навёл фоторужьё и вдруг близко увидел не барабанщика, а... барабанщицу! Не дятла, а дятлиху! На затылке у нее не было красной полоски — украшения дятла-самца.

Видом не видал, слыхом не слыхал. И никому бы никогда не поверил, но своими глазами вижу: музыкантша, а не музыкант!

Я отступаю спиной, след в след, от дерева к дереву, унося своё маленькое открытие.

А барабан гремит. Лихой барабан! Даже эхо откликается за рекой.

ИВОВЫЙ ПИР

Зацвела ива — гости со всех сторон. Кусты и деревья ещё голые, серые; ива среди них как букет, да не простой, а золотой. Каждый новый барашек — пуховый жёлтый цыплёнок: сидит и светится. Пальцем тронешь — пожелтеет палец. Щёлкнешь — золотой дымок запарит. Понюхаешь — мёд.

Спешат гости на пир.

Шмель прилетел — неуклюжий, мохнатый, как медведь. Забасил, заворочался, весь в пыльце измазался.

Прибежали муравьи: поджарые, быстрые, голодные. Набросились на пыльцу, и раздулись у них животы, как бочки. Того и гляди, ободки на животах лопнут.

Комарики прилетели: ножки горсточкой, крылышки мельтешат. Крошечные вертолётки.

Жуки какие-то копошатся.

Мухи жужжат.

Бабочки крылья распластали.

Шершень на слюдяных крыльях полосатый, злой и голодный, как тигр.

Все гудят и торопятся: зазеленеет ива — пиру конец.

Зазеленеет, потеряется среди зелёных кустов. Пойди-ка тогда её найди!

А сейчас — как букет золотой.

ПЯТЬ ТЕТЕРЕВЕЙ

Прилетел в зорьку на обочину тетеревиного тока рябчик и завёл свою песенку: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

Я пересчитал: шесть косачей на току! Пять в стороне на снегу, а шестой рядом с шалашкой, на седой кочке сидит.

А рябчик своё: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

— Шесть! — говорю я.

«Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

— Шесть! — стукнул я по колену. — Считать не умеешь!

Ближний — шестой — услышал, испугался и улетел.

«Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» — свистит рябчик.

Я молчу. Сам вижу, что пять. Улетел шестой.

А рябчик не унимается: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

— Я же не спорю! — говорю я. — Пять так пять!

«Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» — рябчик свистит.

— Без тебя вижу! — рывкнул я. — Небось не слепой!

Как залопочут, как замельтешат белые крылья — и ни одного тетерева не осталось! И рябчик улетел с ними.

ШЕПЧУЩИЕ СЛЕДЫ

В светлых осинниках и ольшаниках снег сошёл, палый лист сохнет на солнце, скручиваясь в рулончики, свёртываясь в кулёчки, сжимаясь в кулачки. Лист сухой, а земля под ним мокрая. Идёшь и вдавливаешь сапогом сухие листья в сырую землю.

Лось ли пройдёт, человек ли — всё одно оставит следы, вдавит лист в землю. Пройдут, вдалеке стихнут, а следы их вдруг и зашепчутся. То лист примятый распрямится и соседний заденет. То стебелёк высохнет и распрямится. Развяжется тесёмочка жёлтой травы. Или встряхнётся сжатый в гармошку пучочек брусники.

Давно ушагали из лесу лось и человек, где-то они уже далеко-далеко, а следы их всё шепчутся, шепчутся. Долго-долго...

ВСЕ ХОТЯТ ПЕТЬ

Жабы поют, совы бубнят. Шмель гудит басом. Про птиц и говорить нечего! От зари до зари поют.

Скворцу своей песни мало, так он чужие перепевает. Сидит на берёзе, блестящий и чёрный, словно в дёготь окунутый, разводит крылышками, словно сам себе дирижирует, и щёлкает клювом, как парикмахер ножницами.

То белобровником просвистит, то вер-
тишейкой прокричит, то уточкой крякнет.
И петухом, и гусаком, и барашком.

Иволгой, пеночкой, сорокой!

На разные голоса: и за себя, и за всех.

ЛЕСНОЙ ГРЕБЕШОК

Что ни куст густой, то гребешок лесной. И ни
одного неряху линючего гребешок не пропус-
тит — непременно причешет. Лиса ли, медведь
ли, заяц — ему всё равно: всех расчёсывает,
причёсывает, приглаживает. С зайца — белый
клок, с лисы — рыжий пук, с медведя — бу-
рые космы.

Иной куст, самый густой да колючий, —
шиповник или боярышник, — сам за весну
станет как зверь мохнатый. Шерсть на нём
звериная дыбом, даже подойти страшно!

Май

Грянул весёлый майский гром — всему живому языки развязал. Хлынули потоки звуков и затопили лес. Загремел в лесу май!

Зазвучало всё, что может звучать.

Бормочут хмурые молчаливые совы. Трусливые зайцы покрикивают бесстрашно и громко.

Полон лес криков, свистов, стуков и песен. Одни песенки прилетели в лес вместе с перелётными птицами из дальних стран. Другие родились здесь же, в лесу. Встретились песенки после долгой разлуки и от радости звенят от зари до зари.

А в нагретой парной чащобе, где сердито бубнит ручей, где золотые ивы загляделись в воду, где черёмуха перекинула с берега на берег белые трепетные мосты, пропищал первый комар. И белые бубенчики первых ландышей прозвучали чуть слышно...

Давно пронеслась гроза, но на берёзах с листика на листик, как со ступеньки на ступеньку, прыгают озорные дождевые капли. Повисают на кончике, дрожа от страха, и, сверкнув отчаянно, прыгают в лужу.

А в лужах лягушки ворочаются и блаженно ур-р-р-чат.

Даже перезимовавшие на земле скрюченные листья сухие ожили: то шмыгают и шуршат по земле, как мыши, то вспархивают, как табунки быстрых птиц.

Звуки со всех сторон: с полей и лесов, с неба, с воды, из-под земли.

Гремит по земле май!

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Увидела Сорока Зайца — ахнула:

— Не у Лисы ли в зубах побывал, косой? Мокрый, драный, запуганный!

— Если бы у Лисы! — захныкал Заяц. — А то в гостях гостевал, да не простым гостем был, а званым...

Сорока так и зашлась:

— Скорей расскажи, голубчик! Страх склоки люблю! Позвали, значит, тебя в гости, а сами...

— Позвали меня на день рождения, — говорил Заяц. — Сейчас в лесу, сама знаешь, что ни день, то день рождения. Я мужик смирный, меня все приглашают. Вот на днях соседка Зайчиха и позвала. Прискакал я к ней. Нарочно не ел: на угощение надеялся.

А она мне вместо угощения зайчат своих под нос суёт: хвастается.

Эка невидаль — зайчата! Но я мужик смирный, говорю вежливо: «Ишь какие колобки лопоухие!» Что тут началось! «Ты, — кричит, — окосел? Стройнененьких да грациознененьких зайчат моих колобками обзываешь? Вот и приглашай таких чурбанов в гости — слова умного не услышишь!»

Только от Зайчихи я убрался — Барсучиха зовёт. Прибегаю — лежат все у норы вверх животами, греются. Что твои поросята: тюфяки тюфяками! Барсучиха спрашивает: «Ну как детишки мои, нравятся ли?» Открыл я рот, чтобы правду сказать, да вспомнил Зайчиху и пробубнил. «Стройнененькие, — говорю, — какие они у тебя да грациознененькие!» — «Какие-какие? — оцетинилась Барсучиха. — Сам ты, кощей, стройнененький да грациознененький! И отец твой и мать стройнененькие, и бабка с дедом твои грациознененькие! Весь ваш поганый заячий род костлявый! Его в гости зовут, а он насмехается! Да за это я тебя не угощать стану — я тебя самого съем! Не слушайте его, мои красавчики, мои тюфячки подслеповатенькие...»

Еле ноги от Барсучихи унёс. Слышу — бел-

ка с ёлки кричит: «А моих душечек ненаглядных ты видел?»

«Потом как-нибудь! — отвечаю. — У меня, Белка, и без того в глазах что-то двоится...»

А Белка не отстаёт: «Может, ты, Заяц, и посмотреть-то на них не хочешь. Так и скажи!»

«Что ты, — успокаиваю, — Белка! И рад бы я, да снизу-то мне их в гнезде-гайне не видно! А на ёлку к ним не залезть».

«Так ты что, Фома неверующий, слову моему не веришь? — распушила хвост Белка. — А ну, отвечай, какие мои бельчата?»

«Всякие, — отвечаю, — такие и этакие!»

Белка пуще прежнего сердится:

«Ты, косой, не юли! Ты всё по правде выкладывай, а то как начну уши драть!»

«Умные они у тебя и разумные!»

«Сама знаю».

«Самые в лесу красивые-раскрасивые!»

«Всем известно».

«Послушные-распослушные!»

«Ну-ну?!» — не унимается Белка.

«Самые-всякие, такие-разэтакие...»

«Такие-разэтакие?.. Ну, держись, косой!»

Да как кинется! Взмокреешь тут. Дух, Сорока, до сих пор не переведу. От голода чуть живой. И оскорблён, и побит.

— Бедный, бедный ты, Заяц! — пожалела Сорока. — На каких уродиков тебе пришлось посмотреть: зайчата, барсучата, бельчата — тьфу! Тебе бы сразу ко мне в гости прийти — вот бы на сорочаток-душечек моих налюбовался! Может, завернёшь по пути? Тут рядом совсем.

Вздрогнул Заяц от слов таких да как даст стрекача!

Звали потом его в гости ещё лоси, косули, выдры, лисицы, но Заяц к ним ни ногой!

ПТИЦЫ ВЕСНУ ПРИНЕСЛИ

Грачи прилетели — проталины принесли. Трясогузки-ледоломки лёд на реке раскололи. Зяблики появились — зелёная травка заворсилась.

Дальше — больше. Пеночки прилетели — цветы запестрели. Кукушка вернулась — листья на берёзах проклюнулись. Соловьи показались — черёмуха зацвела.

Весна так и делается: каждый понемножку.

РАСТЕРЯВШИЕСЯ ПЕРЕЛЕСКИ

Перелески любят на солнце смотреть. Всю весну глаз с солнца не сводят. Глаза жёлтые, ресницы белые — куда солнце, туда и глаза.

Как проснутся — так глаза на восток. И весь день как замороженные поворачивают головки от востока на юг, а от юга на запад. Солнце за лес — перелески ресницы смежат и спят до утра. Весело и просто на солнце глядеть: знай только голову поворачивай.

Но однажды перелески растерялись. Солнце поднялось за тучей. В какую сторону голову поворачивать?

Растерянно смотрят золотые зрачки из-под белых ресниц. Головки повёрнуты в разные стороны. Смотрят, смотрят, а солнца и нет!

Согнулись слабые шейки. Поникли белые венчики. Глаза уставились в землю.

ЛЮБИТЕЛЬ ЦВЕТОВ

Весной все рады цветам. За долгую зиму стосковались глаза по яркому и цветному.

Ребята в лесу собирают цветы.

Спешат на первые цветы бабочки, пчёлы и мухи.

И рябчик туда же: ива цветёт — он на иве, черника и голубика — он к ним. Зацветут незабудки — не забудет и незабудки.

Ребята складывают из цветов букеты; букеты нежны, красивы, пахучи.

Бабочки и пчёлы угощаются на цветах. Цветы для них — расписные скатерти-самобранки. Садись и веселись: и мёд, и нектар, и сок.

А рябчик цветы ест! Оказывается, они ещё и вкусны! И очень любит незабудки. Наверное, у них особый, незабываемый вкус.

Все любят цветы. Только каждый по-своему.

ГОРЯЧАЯ ПОРА

Настала пора гнездо выстилать. Теперь каждое пёрышко на счету, всякая шерстинка в цене. Из-за иной соломинки целая драка.

И вот видит воробей: скачет по земле большущий клочок ваты!

Ну, если бы он лежал — другое бы дело. Тогда не зевай, налетай и хватай. Но клочок не лежит, а скачет по земле, как живой!

Воробьи даже клювы разинули от удивления.

Вот клочок ваты вспорхнул вверх и сел на дерево. Потом запрыгал с ветки на ветку. Потом поёрзал-поёрзал да как подскочит, да как полетит! И летит как-то смешно: ровно-ровно, словно по ниточке, как слепой. Да со-слепо-то, со всего-то разгона, бряк о телефонный столб! И вывалился тут из клочка ваты... воробей.

Тут уж все поняли, что не сама вата по земле скакала, не сама по воздуху летала: воробей её тащил. Такой клочок ухватил — больше себя ростом. Один хвост из ваты торчал.

Ухватить-то ухватил, да закрыла ему вата весь белый свет. Бросить жалко, а куда тащить — не видно. Вот и наткнулся на столб; нос расшиб и вату обронил. Другие воробьи сразу её утащили. Прямо из-под разбитого носа!

ГНЕЗДО

Дрозд в развилку берёзы положил первый пучок сухой травы. Положил, расправил клювом и задумался.

Вот он — торжественный миг, когда всё позади и всё впереди. Позади зимовка в чужих южных лесах, тяжёлый далёкий перелёт. Впереди гнездо, птенцы, труды и тревоги.

Развилка берёзы и пучок травы как начало новой жизни.

Что ни день, то выше гнездо и шире. Однажды дроздиха села в него и осталась сидеть. Она вся утонула в гнезде, снаружи торчали нос да хвост.

Но дроздиха видела и слышала всё.

Тянулись по синему небу облака, а по зелёной земле ползли их тени. Прошагал на ногах-ходулях лось. Неуклюже проковылял заяц. Пеночка-весничка, пушистая, как вербный барашек, поёт и поёт про весну.

Берёза баюкает птичий дом. И на страже его — хвост и нос. Торчат, как два часовых. Раз торчат, значит, всё хорошо. Значит, тихо в лесу. Значит, всё впереди!

СИПЛАЯ КУКУШКА

Зацвела черёмуха, и грянули черёмуховые холода. Туман на рассвете не поднялся колечком с лесной поляны, а замёрз и лёг на поляну инеем. Небо блёклое, не поймёшь,

каким оно днём станет: то ли синим, то ли серым?

Тихо в лесу. Одна кукушка кукует. Все другие птицы молчат: боятся, наверное, горлышки застудить. А кукушка орёт с придыханием, как в берестяную дудку. Кричит и кричит своё «ку-ку!».

И докричалась.

Вечером её слышал — совсем осипла. Вместо «ку-ку» кричит: «Хы-хо! Хы-хо!»

Видно-таки, застудила горло!

Кто не слышал таких осипших кукушек? Одни говорят, что это они от собственного крика сипнут. Ведь кричат от зари до зари, а бывает, и ночью! Другие говорят: колоском, мол, подавилась. Но какие в мае колоски?

Ещё говорят, что в черёмуховые холода самые неугомонные от холода сипнут. По-разному говорят.

Про черёмуховые холода у нас тоже говорят по-разному. Кто объясняет похолодание тем, что черёмуха цветёт, кто — ладожский лёд идёт. А знатоки утверждают, что в это время льды в Арктике раскалываются и сдвигаются.

Как всё-таки здорово!

Где-то в далёкой Арктике льды зашевелились, а у нас кукушка осипла. Где аукнулось — и где откликнулось!

ЧИЖИК

Ласточка день начинает, соловей кончает. А между ласточкой и соловьем любит петь скворец. В песне скворчиной чего не услышишь: есть там и ласточка, есть соловей и много других птиц. И никого это не удивляет: все знают, что скворец — пересмешник.

Знали это и мы, но скворец нас удивил. Сидел он на лиловой ольшинке у дома, взмахивал крыльями и насвистывал «Чижика»! Здорово так высвистывал: «Чижик, чижик, где ты был?» Потом разная скворчиная болтовня, тягучий печальный свист — и опять бодро и весело: «Чижик, чижик, где ты был?»

Мы постучали в дверь ближнего дома. Вышел паренёк, посмотрел на нас, потом на скворца и сказал:

— Мой скворчик. Я научил.

Случилось всё так. Выпал прошлым летом из скворечни голопузый скворчонок. Мальчонка хотел его назад положить, да не смог: уж больно тонок был у скворечни шест. Стал он кормить сироту рубленым яйцом и творогом. Скворчонок быстро рос и скоро стал есть сам: кормилец за стол — приёмыш на стол, поилец за чай — скворчонок в чай. Тут обоих из-за стола долой!

Сидит кормилец в углу и «Чижика» под нос свистит. Сидит скворчонок у него на плече и прямо в рот смотрит. Сидел так, смотрел, да и сам «Чижика» выучил. И назвали за это скворчонка Чижи́ком.

Осенью дикие скворцы сбились в стаи и потянулись на юг. Жалко мальчишке стало Чижика, вынес он его на луг и подпустил к дикой стайке. Прошумели птичьи крылья, и нет никого.

Долго тянулась зима. Мальчишка скучал без скворца и один насвистывал «Чижика». А скворец его не забыл: примчался весной жив и здоров!

Слушали мы скворца до соловьиного часа. Не близка была его дорога домой: крошечная птаха и необъятный горизонт. Где, бродяжка, зиму зимовал, какие земли видел? Чижик, Чижик, где ты был?

ДЯТЕЛ

Шёл я просекой. Вдруг слышу — стучит! На пути сухое дерево. Я к дереву — никого! Посмотрел наверх — дупло. А внизу, под сухостойной, свежая посорка.

Дятел старается!

Только старается он не на дереве, а в дереве. На сушине козырьком гриб-трухляк. Под грибом дупло, как слуховое оконце. Ударил я каблуком по дереву, а в слуховое оконце высунулась носатая голова в красной тюбетейке.

— Здравствуй, помощник!

Люблю я дятлов.

Дятлы поедают много разных вредных короедов, нам, лесникам, помогают. Увидел меня дятел, испугался и улетел.

Нелегко дятлу носом своим, как топором, вырубить в сухом дереве дупло для гнезда. А тут мешают ещё!

Я больше дятлу не мешал. Но покоя ему не было. То вихрь раскачивал сухостойну. То ко-сой ливень заливал дупло. А однажды забралась в дупло лупоглазая белка-летяга. Дятел кричал, прыгал у дупла, а летяга спокойно смотрела на него большими птичьими глазами из оконца под грибком.

И только когда я палкой стукнул по сухостойне, летяга выскочила и полетела, как кленовый лист, распластавшись в воздухе.

Каждый раз, шагая по просеке, я прислушивался: стучит ли? И слышал: стучит! Стук стал совсем глухой, видно, дятел долбил уже глубоко. А под деревом всё росла и росла кучка жёлтой посорки. И уже теперь, когда я стучал сапогом по сушине, дятел не улетал, а только выглядывал. Тюбетейка у него была засыпана трухой.

Однажды, проходя просекой, я увидел ястреба-перепелятника. Он промчал над самой моей головой и вдруг закружил вокруг сухостойны, шаркая крыльями по коре. А по сушине, спасаясь от ястреба, заметался мой дятел. Дятел в дупло, ястребок — хватать! И видно, цапнул! Полетели пёрышки. Я выстрелил, и разбойник упал. А дятел выпорхнул из дупла и прицепился на соседнее дерево. Он нахотился и спрятал клюв в перья. Белые перышки на крыле покраснели от крови. Выживет ли?

Назавтра, шагая по просеке, я ещё издали навоострил ухо. И слышу: стучит!

На радостях я так грохнул сапогом в сушину, что она качнулась.

В окошке под грибком показалась знакомая носатая головка в красной тюбетейке. Работяга весь был в древесной трухе. Он сердито покосился на меня одним глазом, качнул носом — будто чихнул. Видно, труха в ноздри набилась.

— Будь здоров! — крикнул я дятлу.

Дятел нырнул в дупло и застучал опять. Ему было не до шуток. Он спешил закончить своё гнездо.

Будет у меня летом целая семья помощников.

НОВЫЙ ГОЛОСОК

Три яичка лежали в гнезде чайки: два неподвижно, а третье шевелилось. Третьему не терпелось, оно даже посвистывало! Будь его воля, оно бы так и выскочило из гнезда и, как колобок, покатилося бы по бережку!

Возилось яичко, возилось и стало тихонько похрустывать. Выкрошилась на тупом конце дырочка. И в дырочку, как в оконце, высунулся птичий нос.

Птичий нос — это и рот. Рот открылся от удивления. Ещё бы: стало вдруг в яйце светло и свежо. Глухие доселе звуки зазвучали властно и громко. Незнакомый мир ворвался

в уютное и скрытое жилище птенца. И чайчонок на миг оробел: может, не стоит совать свой нос в этот неведомый мир?

Но солнце грело ласково, глаза привыкли к яркому свету. Качались зелёные травинки, плескали ленивые волны.

Чайчонок упёрся лапками в пол, а головой в потолок, нажал, и скорлупа расселась. Чайчонок так испугался, что громко, во всё горло крикнул: «Мама!»

Так в нашем мире одной чайкой стало больше. В хоре голосов, голосищ и голосишек зазвучал новый голосок. Был он робок и тих, как писк комара. Но он звучал, и его слышали все.

Чайчонок встал на дрожащие ножки, поёрзал шерстинками крыльев и смело шагнул вперёд: вода так вода!

Минует ли он грозных щук и выдр? Или путь его оборвётся на клыках первой же хитрой лисы?

Крылья матери-чайки распластались над ним, как руки, готовые прикрыть от невзгод.

Покатил в жизнь пушистенский колобок.

ВОРОБЬИШКИНА ВЕСНА

Песенка под окном

Весной в лесах и полях поют мастера песен: соловьи, жаворонки. Люди слушают их затаив дыхание. Я много знаю птичьих песен.

Услышу — и сразу скажу, кто поёт. А нынче вот не угадал.

Проснулся я рано-рано. Вдруг слышу: за окном, за занавеской, птичка какая-то завожилась в кустах. Потом голосок, но такой приятный, будто две хрусталинки ударились друг о друга. А потом просто по-воробьиному: «Чив! Чив!»

Диво!

Хрусталинкой — воробьём, воробьём — хрусталинкой. Да всё горячее, всё быстрее, всё звонче!

Перебирал я в памяти все птичьи песни — нет, не слышал такой никогда.

А птичка-невидимка не унимается: хрусталинкой — воробьём, воробьём — хрусталинкой!

Тут уж и под тёплым одеялом не улежишь! Вскочил я, отдернул занавеску и вижу: сидит на кусте обыкновенный воробей! Старый знакомый! Чив — Щипаный Затылок. Он всю зиму летал ко мне на подоконник за крошками. Но сейчас Чив не один, а с подружкой. Подружка спокойно сидит и пёрышки чистит. А Чиву не сидится. Он чирикает во всё горло и как заводной скачет вокруг подружки с ветки на ветку — со ступеньки на ступеньку. Тонкие ветки бьются одна о другую и звенят хрусталинками. Потому звенят, что дождевая вода замёрзла на них тонкими сосульками.

«Чив!» — воробей. Дзень! — сосулька.

И так это выходит хорошо и здорово, ей-ей,

не хуже, чем у заслуженных певцов — соловьев и жаворонков.

В о р о б ь и н ы е н о ч и

Всю зиму воробей Чив прожил в старой печной трубе. Долго тянулись страшные зимние ночи: стрелял мороз, ветер тряс трубу и сыпал сверху ледяную крупку. Зябли ножки, иней вырастал на пёрышках.

В е л и к и й д е н ь

Каждый день выше солнце. Каждая ночь хоть на воробьиный скок, а короче.

И вот пришёл он — Великий день: солнце поднялось так высоко, что заглянуло к Чиву в чёрную трубу.

С о с у л ь к и н а в о д а

На крышах сосульки. Днём с сосуллек капает вода. Это особая вода — сосулькина. Чив очень любит сосулькину воду. Перегнётся с карниза и ловко подхватит клювом сосулькину капельку, похожую на капельку солнца. Напившись воды, Чив начинает так отчаянно прыгать и чирикать, что прохожие останавливаются, улыбаются и говорят: «Ожил курилка!»

К а п! К а п!

Кусты набрякли водой. На каждой ветке гирлянды капель. Сядет воробей — сверкающий дождь! Нагнётся пить, а капелька из-под

самого носа — кап! Воробей к другой, другая — кап!

Скок, скок воробей. Кап, кап капельки.

В е с е н н и й з в о н

Схватил мороз. Каждая мокрая ветка оделась в ледяной чехольчик. Сел воробей на наклонный сучок — да и покатился вниз, как с горки. Синица тоже поскользнулась — повисла вниз головой. Ворона с лёту ухнула в самую гущину сучьев — вот наделала звону!

П е р е к у в ы р к

Каждый день новость. В воздухе появились насекомые! Чив столбиком взлетел с крыши, схватил на лету жучишку и, сделав в воздухе перекувырк, опустился на трубу. Наелся Чив жуков и мух, и начали твориться с ним странные вещи. Он вдруг схватил за загривок своего старого друга Чирика и стал трепать его, как собака кошку. Чирик орал, дрыгал ножками, бил крылышками. Но Чив трепал его и трепал, пока не выдрал у него клочок перьев. А всю зиму они были друзьями. И воду пили с одной сосульки. И отмывались в соседних лужах. Только вода после Чирика стала не чёрная, а рыжая. Потому что всю зиму Чирик спал в щели кирпичной трубы.

А теперь всё пошло кувырком.

С т у п е н ь к и

Обвисшие ветви ивы похожи на зелёные волосы. На каждой волосинке узелки, узелки.

Это почки.

Дождевые капли скатываются по ветвям, весело прыгают с почки на почку. Так на одной ножке прыгают вниз по ступенькам ребята.

Ива сверкает и улыбается.

Зелёные бабочки

На тополях понатужились и лопнули почки. Из каждой почки, как бабочка из куколки, вылупился зелёный листик.

Воробьи расселись по ветвям и стали склёвывать клейких зелёных бабочек. Угощаются; один глазок вверх — нет ли ястреба, другой вниз — не лезет ли кошка?

Драчуны

От сосулькиной воды и солнца, от жуков и мух, от свежих листиков воробьи ошалели. Драки тут и там! Схватятся на крыше двое — к ним мчит дюжина. Вцепятся друг в друга, трепыхаются, кричат и пернатой гирляндой валяются с крыши на головы прохожих.

Дерево песен

Вечером все воробьи — битые и небитые — слетаются на особое дерево — дерево песен. Дружным хором провожают они день. Так, песней, провожают они каждый день весны.

Прохожие с удовольствием слушают воробьиный хор, улыбаются.

П е р е п о л о х

Чив и его подружка Чука сложили гнездо в щели под карнизом. Выстлали его перьями, волосом, ватой, сеном и тряпочками. А Чука принесла фантик и два трамвайных билета: розовый и голубой. Получилось очень уютно. Чив вспоминал свою дымовую трубу и жалел, что раньше не догадался познакомиться с Чукой.

И вдруг — скрип, скрип, скрип! В люльке к карнизу поднимался штукатур. Поднялся и лопаточкой своей стал заделывать под карнизом щели.

Что тут началось! Все воробьи к нему скачут! Скачут по самому краю крыши, на все голоса ругают штукатура. Но штукатур не понимает воробьиного языка: замазывает щели да от воробьёв лопаточкой отмахивается. А гнездо Чива и Чуки выбросил. Полетели по ветру перья, вата, волосы, сено и тряпочки. А фантик и билетики упали вниз.

Д о м и к - л ю л ь к а

Чив и Чука заняли скворечник. Ветер покачивал шест и вместе с шестом покачивал их новый домик. Чива укачивало, и он клевал носом. Чука не дремала: она опять наносила в гнездо перья, вату и сухие травинки. И опять принесла фантик и трамвайные билетки.

В ы с е л е н и е

Вернулись с юга хозяева скворечника — серьёзные чёрные скворцы. Молча, деловито работая, они выбросили из скворечника сначала Чива и Чуку и наконец всё их гнездо. Опять полетели по ветру перья, вата, травинки, фантик и трамвайные билеты.

Л е п е с т к о в а я м е т е л ь

Засвистывает метель. По улицам течёт белая позёмка яблоневых лепестков. А в тупичках вихри. Белые вихри из яблоневых лепестков.

Н е к о г д а!

Везде из-под застрех настырные голоса желторотых воробьят. Старые воробьихи — туда-сюда, вперёд-назад! Залетают в гнёзда, шарахаются назад.

Слышал Чива. Он сидел у старого гнезда — на заброшенной старой трубе. Сидел и чирикал не своим голосом. Потому что в клюве у него торчала гусеница, как папироса. И чирикал он не раскрывая рта, «сквозь зубы». Некогда!

Кончилась воробьиная весна.хлопот полон рот!

ДЕРЕВЬЯ

Входишь в лес и гладишь ладонью деревья, будто старых друзей похлопываешь по спине.

Стволы тёплые, как тело живое, — чуть покачиваются, будто дышат...

А вершины гудят то грозно, то ласково. Листья лопочут зелёными язычками.

К стволу прислонишься, как к плечу друга. Плечо гладкое, скользкое — молодая берёзка. А то, всё в пупырышках, — это осина. Или изборождённое, изморщиненное, как кожа слона. Это кора дуба.

Всю жизнь с деревьями плечом к плечу. И хочется стиснуть ладонями их руки-ветви и крепко пожать.

СОЛОВЕЙ ПОЁТ

Соловей поёт, а вокруг все думают, думают.

Сосед-соловей думает: «Лучше нос к нему не совать, а то хвост выщиплет или в макушку клюнет!»

Соловья думает: «Раз поёт, значит, место для гнезда облюбовал! Слетать посмотреть, что ли?»

Птицелов думает: «Хорошо поёт, шельмец! Пора западню готовить!»

Прохожий думает: «Вот и ещё одна зима позади...»

А соловей поёт и поёт. А все вокруг думают, думают...

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ!

Малый подорлик, перед тем как вылупятся птенцы у него в гнезде, приносит им подарок. Так уж и знают все: раз подорлик в гнездо лягушку принёс, значит, вот-вот вылупятся орлята! Наверное, подорлик подслушивает, о чём его орлята ещё в яичках пищат. Они у него перед вылуплением перепискиваются. А как всё выслушает — так и спешит за подарком. Хоть он и хищный, а тоже орлят своих любит. Знает, что мягонькая лягушка для малышей орлят всё равно что для нас с вами конфетка! И только-только малыши из яйца, а он уж с лягушкой тут как тут. Поздравляет орлят с рождением.

ЛИШНИЙ ГВОЗДЬ

До сих пор не могу забыть, как мотал его, бедолагу, ветер! Он всё повыше сесть норовил — на самую высокую «свечку» самой высокой сосны. А там, наверху, ветер; вот и мотало его вместе с веткой, да так, что у меня внизу голова кружилась, на него глядя, но он упорно сидел, вцепившись в мохнатую «свечечку» коготками, и, запрокинув клюв в небо, из всех силёнок выкрикивал своё «крути-верти, крути-верти!».

Ему очень важно, чтоб песня его была слышна как можно дальше. Пусть все слышат, что здесь поёт он — пеструх-мухолов.

Что есть у него на примете уютный дом, о чём он всем и спешит объявить. Впрочем, не всем... Ну к чему ему, например, франт горихвост, который только и умеет трясти красным хвостом? Или скворец, который его передразнивает? Не для них он на самую высокую «свечку» взлетает и песни свои выкрикивает.

Он знает, кто его должен услышать. Для неё он и поёт. Для неё он на ветру мотается, под дождём мокнет. «Подумаешь, беда какая — на дожде вымокну, на ветру просохну!»

И вот она его услышала. Она — круглоглазенькая пеструшка. Пеструх встретил её по всем правилам мухоловкиного гостеприимства. С песенкой подлетел к дуплянке — посмотрите, пожалуйста! Первый туда впорхнул, повозился внутри — ах, какие удобства! Высунулся, повертел носом по сторонам — что за вид из дупла! Рядом с петрушкой сел — залетайте, убедитесь сами!

Пеструшка была недоверчива. Пять дупел уже проверила, и ни одно не годится. Послушаешь свистунов этих, так не дупло отыскали, а дворец. А проверишь — старая развалюшка. В бока сквозняк, на голову дождь. Ему-то что, а ей яички высиживать, птенцов растить.

Пеструшка впорхнула в дуплянку, долго чем-то шуршала, высунулась, повертела недовольно носом и улетела.

Пеструх в отчаянии кинулся вслед — да где там! Не понравилась пеструшке чем-то его

дуплюшка. Может, в ней щели, может, соседи не приглянулись — скворец и горихвост. У пеструшек мерка своя: главное, чтобы дом надёжный, а потом уж звонкие «крути-верти». Не для капризов, а для птенцов...

Полетел пеструх снова на свою «свечку», снова стал петь, запрокинув клюв в небо. И снова его ветер мотал и дождик мочил.

Прилетали к нему ещё пеструшки, но ни одной не понравился домик. Так и остался пеструх один.

Ах как вышло нехорошо! Ведь я во всём виноват, а не он! Ведь это я повесил плохую дюплюшку. Ну что мне стоило вбить в неё для крепости лишний гвоздь!

ОТЧЕГО У ЛИСЫ ДЛИННЫЙ ХВОСТ?

От любопытства! Не оттого же, в самом деле, что она следы свои будто бы хвостом замечает. Длинным лисий хвост становится от любопытства.

Начинается всё с той поры, как прорежутся у лисят глаза. Хвосты у них в эту пору совсем ещё маленькие и короткие. Но вот глаза прорезались — и хвосты сразу же начинают вытягиваться! Становятся всё длинней и длинней. И как же им не длиннеть, если лисята изо всех силёнок тянутся к светлому пятнышку — к выходу из норы. Ещё бы: шевелится там что-то невиданное, шумит что-то неслыханное и пахнет нечуянным!

Только вот страшно. Страшно вдруг оторваться от обжитой норы. И потому высовываются лисята из неё только на длину своего короткого хвостика. Словно придерживаются кончиком хвоста за родимый порог. Чуть что — чур-чура — я дома!

А белый свет манит. Цветы кивают: понюхайте нас! Камни блестят: потрогайте нас! Жуки скрипят: поймайте нас!

Лисята тянутся, тянутся всё дальше и дальше. Хвостишки их вытягиваются, растягиваются. И становятся всё длинней и длинней. От любопытства, конечно. Отчего же ещё?

СЕРДИТЫЕ ЧАЙНИКИ

Поляна была похожа на круглый стол, покрытый травотканой золотой скатертью. Чёрные чайники были расставлены посредине. Они пыхтели и булькали от нетерпения. Тут затевалось грандиозное чаепитие!

Как хорошо, что в это раннее утро я не нежился, подобно другим, в тёплой постели. В награду я увидел такое, что с тех пор всегда встаю на рассвете.

Чайники булькали и клокотали. Из чёрных носиков с шипением вырывался пар. Их так изнутри распирало, что они даже подскакивали! И дребезжали... крыльями.

До чего же и в самом деле косачи на току похожи на шипящие чайники! На шипящие,

булькающие, закопчённые до блеска охотничьи чайники. Шейки-носики задраны вверх, и косицы хвоста изогнуты ручкой. Вспыхивают раскалённые угли красных бровей. И из носика вырывается пар! И так друг на друга накидываются, что только брызги-перья летят!

Вы, любящие поспать, когда станете утром разливать чай, присмотритесь к своим чёрным чайникам. Они напомнят вам турнир косачей, который вы так беспечно проспали.

НОЧНАЯ КУКУШКА

Ночная кукушка дневную перекукует. Днём ей все мешают, а ночью она одна. Ночь весенняя, тёплая. Глухо вода бормочет, глухо урчат лягушки. Свет мутной луны с трудом делит темноту на небо и землю. И над приглушённо бормочущей тишиной разносится печальное и далёкое кукование, словно бьёт невидимым молоточком по сияющим шляпкам звёзд.

Любо петь в ночной тишине. Все тебя слушают и догадываются: скоро и их черёд.

Ночная кукушка как запевала. Всех будит до солнца. Проснутся и залетают над болотцем, скрипя крыльями, хохлатые чибисы. Уныло засвистят на седых кочках длинноносые кулики-кроншнепы: «Ку-ли-ик! Ку-ли-и-ик!»

Закудахтают в тёмной чапыге дрозды-рябинники. Журавли протрубят в гулкие тру-

бы. Зяблик пропоёт бойко, с трескучим росчерком, словно горлышко прополощет. А там, глядишь, и солнце взойдёт.

Но это потом. А пока тишина и кукует ночная кукушка. Бьёт и бьёт невидимый молоточек по звонким звёздам: «Ку-ку, ку-ку!»

Если хочешь долго жить, поторопись в лес годы считать. Вот уж накукует их тебе ночная кукушка! На две жизни хватит. Ещё и останется!

Июнь

Пришёл июнь и оставил от ночи один тёмный час.

Недовольно забубнили совы: «Для чего нам день?» Зато дневным птицам радость: ночь-то короче воробьиного носа!

Вот она, пора белых ночей!

Птичка-зорянка поёт на еловой пике: одним глазком зарю вечернюю провожает, другим утреннюю встречает.

Всё тайное стало явным. Всё невидимое — видимым.

Видно, как спят, смежив лепестки, цветы дневные. Как просыпаются в тёмной чаще ночные цветы, как испуганно приоткрывают

они лепестки-ресницы и зачарованно поворачивают головки за плывущей луной.

Видно, как слетаются ночные бабочки-бражники к нашей северной орхидее — ночной красавице любке. Ведь только ночью открываются её цветы и пахнут только ночью.

Ночной ёжик семенит по тропинке. Ночная летучая мышь порхает над головой.

Ночная кукушка годы считает. Козодой, прищурив сумеречные глаза, урчит заунывно и долго.

Туман повис над рекой; сонно чмокают мокрыми губами ленивые рыбы. Тростинки вглядываются в черноту — но не дрогнет даже их отражение.

Всё призрачно и невесомо: видно и не видно, слышно и не слышно. И деревья стоят по пояс в тумане, дыхание затая.

На землю оседает белый пух тополей — как иней, как ночная пороша. И даже падающая хвоинка тревожит чуткую тишину.

А звёзды тускнеют, не успев разогреться. А заря разгорается, не успев потускнеть.

И снова зорьки славят зарю.

КОМУ ПОМОЧЬ?

День и ночь Кукушка в лесу кукует:

— Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь? Кому помочь?

Только и слышно:

— Мне, Кукушечка, помоги, мне!

— Не все сразу! Не все сразу! — отвечает Кукушка. — По очереди! По очереди! Вот тебе, Дрозд, какая от меня помощь нужна?

— Ой, нужна, Кукушечка, уж как нужна! Первое моё гнёздышко разорили, второе тороплюсь кончить: стебельки-травинки нужны, глина нужна. Помогла бы?

— Ты, Дрозд, в своём уме? — удивилась Кукушка. — Я и своего-то гнезда не вью, охота ли мне с твоим возиться? Да и работа грязная: глину меси, глину носи, стебельки пыльные собирай. Уж ты как-нибудь сам справляйся. Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь? Кому помочь?

— Мне, Кукушечка, мне помоги, Иволге. День и ночь на яичках в гнезде сижу, ножки, крылышки затекли — ни попить, ни поесть. Подмени хоть на минутку!

— Что ты, Иволга, что ты! Я и своих-то яичек никогда не высиживаю — охота ли мне на чужих маяться. Подкинь ты их в чужое гнездо да и порхай без забот! Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь? Кому помочь?

— Мне, Кукушечка, помоги, — запищала Синица. — Дюжина синичат в дупле ждёт. Да у каждого аппетит за двоих. Шестьсот раз в день их кормлю.

— Только этого мне ещё не хватало! — рассердилась Кукушка. — Я и своих-то кукушат никогда не кормила.

Услыхал её Лесной конёк, подлетел и спрашивает:

— А мне, Кукушка, помочь сможешь?

— Помогу, коли захочу! — отвечает Кукушка. — Что у тебя за работа? Тоже небось меси да носи, лови да корми?

— Я, Кукушка, песни пою. Песни мне петъ помоги, — говорит Конёк. — От зари до зари пою. Аж в ушах звон!

— Вот это просьба так просьба! — обрадовалась Кукушка. — Вот это по мне! А то заладили: принеси, посиди, покорми — слушать противно! Сами носите-кормите! А я Лесному коньку песни буду помогать петъ. От зари до зари. День и ночь. Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

ЛЕСНЫЕ ТАЙНИЧКИ

Лес густой, зелёный и полон шорохов, писков, песен.

Но вот вошёл в него охотник — и мигом всё спряталось и насторожилось. Как волна от брошенного в воду камня, покати́лась от дерева к дереву тревога. Все за кусток, за сучок — и молчок.

Теперь хочешь увидеть — сам стань невидим; хочешь услышать — стань неслышим; хочешь понять — замри.

Я это знаю. Знаю, что из всех лесных тайничков следят за мной быстрые глаза, влажные носы ловят бегущие от меня струйки ветра. Много кругом зверьков и птиц. А попробуй найди!

Я пришёл сюда повидать сплюшку — крохотную, со скворца, сову.

Целые ночи она как заведённая кричит своё: «Сплю! Сплю! Сплю!» — будто лесные часы тикают: Тик! Тик! Тик! Тик!..

К рассвету станут лесные часы: сплюшка смолкнет и прячется. Да так ловко прячется, будто её никогда в лесу и не было.

Голос-то сплюшки — ночные часы — кто не слышал, а вот какая она на вид? Я знал её только по картинке. И так мне захотелось увидеть её живьём, что я целый день пробродил по лесу, каждое дерево, каждую ветку осматривал, в каждый куст заглядывал. Устал. Проголодался. Но так и не нашёл её.

Сел на старый пенёк. Молчу, сижу.

И вот, глядь, откуда ни возьмись — змейка! Серая. Плоская головка на тонкой шее как почка на стебельке. Выползла откуда-то и глядит мне в глаза, будто чего ждёт от меня.

Змейка — она пролаза, должна всё знать.

Я ей и говорю, как в сказке:

— Змейка, змейка, поведай мне, где спряталась сплюшка — лесные часы?

Змейка подразнила меня язычком да юрк в траву!

...И вдруг, как в сказке, открылись передо мной лесные тайнички.

Длинно-длинно прошуршала в траве змейка, показалась ещё раз у другого пня — и вильнула под его обомшелые корни. Нырнула, а из-под них вывернулась большая зелёная ящерица с синей головой. Точно кто-то вытолкнул её оттуда. Прошуршала по сухому листу — и шмыг в чью-то норку.

В норке другой тайничок. Хозяйкой там тупоморденькая мышка-полёвка.

Испугалась она синеголовой ящерицы, выскочила из отнорка — из темноты на свет, — заметалась-заметалась — и шасть под ежачую колодину!

Поднялся под колодиной писк, возня. Там тоже оказался тайничок. И целый день спали в нём два зверька — сони-полчки. Два зверька, похожие на белочек.

Выскочили из-под колодины сони-полчки, ошалели от страха. Хвосты ершом. Взвинтились по стволу. Поцокали — да вдруг опять им страшно стало, ещё выше по стволу винтом кинулись.

А выше в стволе — дупло.

Сони-полчки хотели в него — и сшиблись у входа лбами. Пискнули от боли, кинулись опять обе сразу — да так вместе в дупло и провалились.

А оттуда — фык! — маленький дупляной чёртик! Ушки на макушке что рожки. Глаза круглые, жёлтые. Сел на сучок, спиной ко мне, а голову так завернул, что смотрит на меня в упор.

Конечно, не чёртик это, а сплюшка — ночные часы!

Я моргнуть не успел, она — раз! — и в листу. И там завожилось, запищало: тоже кто-то таится.

Так от дупла к дуплу, от норки к норке, от колоды к колоде, от куста к кусту, от щели к ще-

ли шарахается от страха лесная мелюзга, открывая мне свои ухороночки-тайнички.

От дерева к дереву, от куста к кусту, как волна от камня, катится по лесу тревога. И все прячутся: скок-скок за кусток, за сушок — и молчок.

Хочешь увидеть — стань невидим. Хочешь услышать — стань неслышим. Хочешь узнать — затаись.

ПТЕНЦЫ-ХИТРЕЦЫ

Жил в лесу. Один-одинёшенек.

Скучно одному. «Хорошо бы, — думаю себе, — хоть щеночка завести. Весёлого, ласкового. Учил бы его уму-разуму. Вот скуки бы и не было».

В лесу щенков нет. Собрался я в деревню. Дорога туда была неблизкая.

Вышел из лесу, пошёл полем. Шёл-шёл — устал. Присел отдохнуть.

Г о в о р я щ и е я й ц а

Хорошо летом в поле! Кругом рожь шелестит.

Вдруг слышу: будто плачет кто-то тихонько во ржи...

Раздвинул колосья, а там целое лукошко яиц!

Лукошка-то, правду сказать, никакого нет — прямо на земле яйца лежат, в ямке. И много их: двадцать штук я насчитал!

Лежат и — вот чудеса! — переговариваются.

На птичьем языке — писком.

«Пик!» — скажет одно яичко.

«Пик-пик-пик!» — отвечают другие.

Осторожненько взял я одно яйцо и приложил к уху.

«Пи-ик!» — испугалось яичко. Потом что-то ворохнулось в нём, тюкнуло изнутри в скорлупку — и притихло.

Ясно: в яйце готовый цыплёночек! Гнездо — я знал это — красивой полевой курочки, серой куропатки. Куропатка-мама куда-то пропала. Может быть, ушла надолго. А может быть, и совсем не вернётся: где-нибудь ястреб её подхватил или хорёк поймал. Птенчики и волнуются. Пищат. Чувствуют, что пропадут без мамы.

Положил я обратно яйца. Задумался: что сделать? Верно ведь: выключутся — непременно пропадут они. Сколько кругом врагов-то!

Надумал: никакого мне щенка не надо! Сбегаю домой, принесу корзиночку, сложу в неё яйца. Будет у меня целых двадцать цыпляток — жёлтеньких, прехорошеньких. Кормить их буду, учить уму-разуму. Какая уж тут скука с ними!

«Пик!» — тревожно пискнуло в одном яйце.

«Пик-пик-пик-пик!» — тревожно отозвалось в других.

Боятся, бедненькие, одни, без мамы! Надо спешить.

— Не плачьте! — крикнул я им. — Живо прибегу, заберу вас к себе домой.

И побежал к себе в лес — за корзиночкой.

Яйцо на ножках

Прибегаю назад — нет в ямке яиц, одни пустые скорлупки лежат!

А из ржи с треском и шумом вырвалась вдруг красивая курочка с шоколадной подковой на груди. Взлетела, пала на дорогу — и побежала по ней, волоча по земле крылья.

— Знаю вас, знаю! — крикнул я ей. — Не обманешь!

Это была, конечно, куропатка-мама; они всегда так притворяются, чтобы отвести человека подальше от своих птенчиков.

— Очень рад, что тебя никто не съел. А одного сынка я всё-таки возьму у тебя, чтобы мне в лесу не так скучно было одному.

Я посмотрел себе под ноги. Там во ржи лежало одно только целое яичко.

Я нагнулся, чтобы взять его. Но яичко вдруг вскочило на ножки и побежало!.. Я даже руку отдернул от неожиданности. Потом кинулся его ловить, схватил... но в руке у меня осталась только сломанная скорлупка.

Просто это половина скорлупки прилипла к влажному пуху птенчика. Куропатка-мама ещё не успела схлестнуть её с сынка, он так и бегал со скорлупкой на спине. Я освободил его от скорлупки, он шмыгнул от меня в густую рожь, только я его и видел!

П о д ш а п к о й - н е в и д и м к о й

— Ну, этим птенчикам я не нужен! — решил я. — Боевые ребята. Пойду-ка к себе в лес: там, наверно, найдутся какие-нибудь бесприютные птенчики, которые могут пропасть без моей помощи. Пойду поищу.

Пошёл в лес.

В сухом ельничке с муравьиной кучи свечой взлетел рябчик. Во все стороны с кучи — как шарики — покатались крошечные рябчата. Они были в пуху и летать ещё не могли.

У меня глаза разбежались: кого ловить?! Кинулся за одним, кинулся за другим, в третьего шапкой бросил — и всех упустил!

Рябчата затаились — будто шапки-невидимки надели.

«Ладно, — думаю, — ваше счастье, что вы так хорошо умеете прятаться!» И пошёл поднимать свою шапку.

Глядь, а под ней два рябчонка лежат рядышком!

К земле прижались, глазёнки зажмурили, будто они и в самом деле под шапкой-невидимкой.

Я их — цоп!

Держу в руке и думаю: «А остальных как найду?.. Давай-ка я этих двух к тем подпущу: они побегут прятаться к своим — и покажут мне, где они».

Выпустил одного. Он ножками — чик-чик-чик! — отбежал, к земле припал и листком сухим накрылся, будто его тут и не бывало!

Рукой случайно не тронешь — ни за что не найдёшь. А других рябчат рядом не видно.

Выпустил я второго. Думаю: «Может, этот покажет?»

А он даже и не побежал. Тут же припал к земле и пропал: не то комок земли лежит, не то кусок коры.

Я понял: значит, и остальные так — кто комочком, а кто под листочком. Такой пушок у них — з а щ и т н о г о цвета.

Выходит, не шапка у них, а вся одежда н е в и д и м к а!

Что тут делать? Комочков земли да листочков сухих вокруг меня не счесть сколько. Всех их руками не перещупаешь! Тронешься с места — того и гляди, всех рябчат сапогами передавишь... Как тут быть?

Присел я на пенёк. Разулся. Потом осторожно опустился на колени, ладонью впереди себя пощупал, каждый листик перевернул пальцами.

Немножко вперёд продвинулся — опять пощупал.

Да так из ельничка и ушёл — на четвереньках.

В о д о л а з - п о д в о д н и к

Дополз до поляны на четвереньках — там стал на ноги.

«Ну, — думаю, — ни полевым, ни лесным птенчикам я не нужен. Эти отлично и без меня проживут. Пойду у озера гнёзд поищу, — вон под горой меж деревьев вода виднеется».

Спустился с горки, пошёл по берегу, смотрю: в воде на кочке чомгино гнездо. В гнезде — пустые скорлупки и один птенчик.

Птенчик такой махонький, что не может ни стоять, ни сидеть. Лежит на пузечке, вытянув вперёд шейку, и беспомощно растопырил лапки.

Я опрокинул его пальцем на спину. Малыш засучил ножками, силясь перевернуться. Наконец это ему удалось, но он скатился на край гнезда... и бульк в воду! Как камешек. И пропал — только круги пошли...

Я живо раздвинул траву и, прикрыв глаза рукой от яркого блеска воды, глянул в глубину.

Птенчик держался там под водой носом за камышину и не двигался.

Я сунул руку на дно, чтобы подхватить и спасти его. Но он оттолкнулся носом от камышины — и быстро поплыл под водой, работая лапками и культяпочками-крыльями. Точно сон вижу: птичонок как ни в чём не бывало плыл под водой!

Проплыл порядочное расстояние до того места, где стеной стоял камыш, и выскочил из воды. Смотрю — а там всё его семейство: чомга-мама и птенчики, мал мала меньше!

«Вот это, — думаю себе, — малыши так малыши! Водолазы-подводники. Птичонок ещё ходить не умеет, стоять не умеет, а плавать и нырять — пожалуйста!»

Семейство чомг под предводительством чомги-мамы скрылось у меня из глаз в гус-

тых тростниках. А я пошёл дальше по берегу озера.

П о с л у ш н ы й м а л ы ш

Смотрю: впереди меня бежит жёлтенький куличок — зуйёк-галстучник. За ним торопятся четыре зуйчонка величиной с напёрсток, на высоких ножках.

Путь зуйкам пересекла узкая лужица. Зуйчиха на крылья — и перелетела воду. А у зуйчат ещё и крыльев нет — один пух! А всё равно и они не остановились: мах-мах ножками по воде, как по песку! Такие лёгкие, что и вода их держит. Я даже вскрикнул от удивления.

Зуйчиха-мама оглянулась на меня с того берега лужи и негромко сказала своим зуйчатам: «Пи-у!» (ложись).

Трое зуйчат были уже на том берегу лужи. Услышав материнскую команду, они разом припали к земле и пропали из глаз: их серо-жёлтые спинки слились с жёлтым песком и серой галькой.

А четвёртый зуйчонок не успел перебежать лужу — и плюхнулся прямо в воду. Только головка его была на песке, а всё тельце — в воде; он лёг там, где его застала команда «пи-у!».

Я перешагнул лужу, сел на камень рядом с послушным птенчиком.

«Дай, — думаю себе, — дождусь, что он дальше будет делать».

Птенчик лежал не шевелясь. Было ему плохо: вода холодная, пушок намок, пальчики упирались в камешки на дне лужи, но он

не шелохнулся. Даже чёрные бусинки-глазки не моргали. Мама велела лечь, и он послушно лежал.

Я сидел долго, так долго, что у меня нога затекла. Я шаркнул ей около самого носа зуйчонка, но он не шевельнулся.

Комары одолели. Один комар сел зуйчонку на голову, проткнул ему носом кожу и стал толстеть, наливаясь кровью. На крошечной головке птенчика он казался чудовищем и всё рос, рос на глазах, наполнял брюхо алой кровью зуйчонка.

Зуйчонок терпел, чуть прижмурив от боли глаза, а не трогался с места.

А моё терпение лопнуло. Я наклонился и щелчком сшиб комара с бедного птенчика. Потом взял птенчика двумя пальцами поперёк тельца и поднял к своим губам.

— Полно тебе в прятки играть! — сказал я ему. — Беги, догоняй маму.

Но он не ворохнулся, не моргнул. И остался всё так же неподвижен, когда я положил его на песок — подальше от воды.

«Уж не умер ли он?» — с тревогой подумал я и вскочил с камня.

Это моё движение испугало зуйчиху-маму, скрывавшуюся где-то в камнях дальше по берегу.

«Кру-кру!» (выскакивай, беги) — крикнула она оттуда.

В один миг вскочили на ножки все четыре зуйчонка и — чик-чик-чик! — стремглав понеслись к маме.

Ч у р - ч у р а !

— Ну-ну! — сказал я себе. — Если б я так свою маму слушал в детстве, так, верно бы, из меня вышел толк. Куда уж мне учить таких...

И пошёл домой через большое лесное болото.

Шагаю да шагаю. Вдруг вижу: далеко впереди поднялся с кочки большой журавль и, как-то смешно пригнувшись, убежал в кусты.

Я сразу сообразил, что это не журавль, а журавлиха и что на той кочке у неё гнездо.

Подошёл к кочке — верно: в кочке — углубление и в нём на подстилочке из травы лежат два здоровых пятнистых яйца, каждое с мою ладонь.

Одно целое, а другое с дыркой наверху. И рядом лежала толстая скорлупка: птенец, видно, сию минуту только сделал себе в яйце окошко.

Я так и замер на месте: что дальше будет?

Вдруг из окошка высунулась взъерошенная голова на тонкой шее и покрутила носом.

Мир, в котором журавлёнок собирался родиться, был полон солнца и яркой зелени.

— Привет тебе, привет! — громко поздравил я его. — Ну, как тебе здесь у нас, нравится?

Журавлёнок беспокойно заёрзал, но, видно, не понял, что я стою рядом и разговариваю с ним.

Тогда я наклонился к нему.

Моя тень накрыла гнездо.

И вдруг — нырк! — журавлёнок исчез в яйце. В гнезде по-прежнему лежали два очень крупных яйца: одно — целое, другое — с дыркой в скорлупе.

— Вот это здорово! — удивился я. — Не успел ещё на свет родиться, а уж в прятки играет! Чур-чура, я дома!

Вспомнились мне тут говорящие яички серой куропатки, и я подумал: «А может, они тогда не со страха пикали, а между собой сговаривались, как от меня ловчее удрать?»

И ведь удрали! Видно, птенчата, ещё не родясь из яйца на свет, мастера в прятки играть. А я их уму-разуму учить собрался!»

Размахнулся я корзиночкой, что была у меня приготовлена для будущих моих воспитанников-птенчиков, и закинул её далеко в траву.

А сам пошёл в деревню — щеночка себе доставать.

Щенок ни прятаться не умеет, ни плавать. И непослушный.

Вот и буду его учить.

ВЕСЁЛАЯ ИГРА

Притащила лиса лисятам мышей на обед. А лисята сыты — давай с мышами играть. Двое одну мышь схватили — тянут-потянут.

А один сразу трёх мышей в пастишку — хап! Только хвостики висят.

Играли, пока не надоело. Тогда мышей бросили — в нору залезли. Легли у входа, мордочки на передние лапки положили — смотрят из тёмной норы на светлый мир. И видят: прилетели к норе мухи. Закружили, зажужжали. За мухами — птичка трясогузка. Тоненькая такая, серенькая. Хвостиком качает и ножками семенит. Пробежит и остановится, пробежит и остановится. А остановится — и закачает хвостиком. На мух смотрит.

Съёжились лисята. Трясогузка вправо, и лисьи глаза вправо, трясогузка влево — глаза влево. Так и перекатываются.

Лисята как выскочат! Чуть-чуть птичку не поймали.

Опять в нору забились — караулят.

Опять слетелись мухи. За мухами — трясогузка. У самой норы хвостиком дразнит.

Лисята как выскочат — чуть не поймали!

Тут уж и не поймёшь: игра это или охота?

Вот в который раз выскочили — и опять зря. Сбились в кучу. А сверху, с синего неба, нависла тень, заслонила солнце.

Кинулись лисята разом в нору — еле протиснулись.

Это орёл их припугнул.

Видно, ещё молодой орёл, не бывалый. Тоже, наверное, играл — у всех зверят да у птиц все игры в охоту. Только игрушки у всех разные. У одних — мыши, у других — лисята. Играй да поглядывай!

А удобная это игрушка — мышь. Хочешь — в охоту с ней играй, хочешь — в прятки. А надоело — хап! — и съел.

ПИЩУХИН ВАЛЬС

Пищуха танцевала вальс. Маленькая птичка — носик шильцем, хвостик подпорочкой — кружила на коре толстой ели. Легко два раза прыгала вверх, потом склоняла головку к плечу, касалась носиком ножки и вдруг поворачивалась вокруг себя! Прыжок, склонённая головка, клювик и ножка, быстрый поворот. Раз за разом, круг за кругом, фигура за фигурой. Шуршали по коре тонкие коготки и жёсткие пёрышки. Пищуха неслась в вальсе.

Когда видишь никогда до того не виданное, то хочется только смотреть. Но погода хочется всё понять. Почему пищуха танцует вальс? Птичка эта скрытная и малозаметная. Немудрено, что танца её никто раньше не замечал. Но что за радость у неё сегодня, отчего она так ловка и быстра, почему так блестит чёрный глазок? Ведь по-вчерашнему светит солнце, ни жарко ни холодно, всё те же вокруг травы и листья.

Я вглядываюсь в еловый ствол и внизу, у самой земли, вижу узкую тёмную щель. Так и есть: в щели гнездо, в гнезде птенцы! Но не от радости птичка танцует. Пищуха видит меня, и страх сжимает её крохотное сердчишко. И она танцует от страха... Прыжок впе-

рѣд, головка к плечу, носик к ноге, быстрый поворот. Раз за разом, поворот за поворотом, фигура за фигурой. Шуршат коготки, блестят глаза. Птичка танцует пицхухин вальс — та-нец страха.

ПОЧЕМУ ЗЯБЛИК — ЗЯБЛИК?

Давно я дознавался: почему зябликов зябликами зовут?

Ну славка-черноголовка — понятно: у самчика беретик чёрный на голове.

Зорянка — тоже ясно: поёт всегда на заре и нагрудничек у неё цвета зари.

Овсянка — тоже: на дорогах всю зиму овёс подбирает.

А вот почему зяблик — зяблик?

Зяблики ведь совсем не зяблики. Весной прилетают, как только снег сойдёт, осенью часто до нового снега задерживаются. А бывает, кое-где и зимуют, если корм есть.

И всё-таки назвали вот зяблика зябликом!

Этим летом я, кажется, эту загадку разгадал.

Шёл я по лесной тропинке, слышу — зяблик гремит! Здо́рово поёт: головку запрокинул, клюв разинул, на горлышке пёрышки дрожат — будто он горло водой полощет. И песенка из клюва так и брызжет: «Витт-ти-ти-ти, ви-чу!» Даже хвостик трясётся!

И тут вдруг тучка наплыла на солнце: накрыла лес тень. И зяблик сразу сник. На-

хохлился, насупился, нос повесил. Сидит недовольный и уныло так произносит: «Тр-р-р-рю, тр-р-р-р!» Будто у него от холода «зуб на зуб» не попадает, таким дрожащим голосом: «Тр-рю-ю!»

Кто такого увидит, сразу подумает: «Ишь зяблик какой! Чуть солнце за тучку, а он уже и нахохлился, задрожал!»

Вот почему зяблик стал зябликом!

У всех у них такая повадка: солнце за тучу — зяблики за своё «трю». И ведь не от холода: зимой-то и похолоднее бывает.

Разные на этот счёт есть догадки. Кто говорит — у гнезда беспокоится, кто — перед дождём так кричит. А по-моему, недоволен он, что солнце спряталось. Скучно ему без солнца. Не поётся! Вот он и брюзжит.

Впрочем, может, и я ошибаюсь. Разузнайте-ка лучше сами. Не всё же вам готовенькое в рот класть!

ПЕВЧАЯ ДОРОЖКА

Разные в лесу бывают дороги. Бывают такие, что прямо пойдёшь — назад не вернёшься, налево пойдёшь — в чащобе заблудишь, направо пойдёшь — в болоте увязнешь. Ну их, такие дорожки-то! Но бывают в лесу и другие. Такие бывают, что пройдёшь по ней раз да на всю жизнь и запомнишь. И опять к ней вернёшься.

Вот было однажды. Шёл я по лесной дороге и держал в руке листок. Простой листок из тетрадки. На листке написано: «Там, где развилка на Звениречку и Васильки, — кричит дергач». Я стою на развилке. В клинышке, между дорогами, птица кричит: «Зря-зря! Зря-зря!» Так только один дергач может кричать, у него одного такой голосище.

«Та самая развилка! — догадываюсь я. — На Звениречку и Васильки!»

Иду и читаю: «Две тропинки-вилюшки. У которой поёт зорянка — в болото заведёт, а у которой теньковочка — выведет к Василькам».

«Это какая же васильковская?» — думаю. И ухом угадываю: вот она! Теньковка около отвилка поёт. Поёт-выговаривает: «Те-тень-ка, те-тень-ка!»

Здóрово действуют певчие указатели! И столбов ставить не надо.

Придумываю, как я отвечу прохожему, если он спросит меня про путь.

«Пожалуйста, — попросит, — укажите мне, как к Василькам выйти? Совсем в лесу закружился».

И я отвечу:

«Это проще простого. В лесу не то что в городе. В городе и смотреть надо, и встречных расспрашивать. А тут только слушать. Идите всё прямо до той развилки, у которой дергач крикает. Сворачивайте направо и шагайте до тропинки с теньковкой. По этой тропинке всё прямо и прямо, пока не услышите овсянку.

От овсянки налево — тут вам и Васильки». Что за чудо-дорожка!

Идти да идти по такой: и прямо, и налево, и направо!

И я до овсянки дошёл. Сидит на ветле сгорбившись и распевает: «Неси-неси-неси, не труси-и!»

Свернул налево — тут тебе и деревня.

Здóрово, что ни говори! Прочитал на листочке и шагай — не заблудишься. Лучше всякого путеводителя. Лучше, потому что любой путеводитель быстро стареет. А песни никогда не стареют.

А теперь пора открыть маленькую тайну. Записи-то на листке сделал я сам, только много-много лет назад. И вот, после долгой разлуки, снова вернулся в родные места. Нашёл старую дорогу, но перекрёстки все позабыл. Так и плутал бы по перекрёсткам, если бы не птицы да не листок с полинялыми буквами. А теперь вышел без запинки. Птицы песенками указали путь. Только пели теперь, конечно, уже правнуки тех, что пели тут когда-то. Они остались верными месту. Никакие другие указатели не продержались бы в лесу такой срок.

Как ясно представил я себя мальчишкой, который шёл тут с блокнотом давным-давно, слушал птиц и записывал свои первые наблюдения! Стало радостно: я вернулся, я тоже остался верным своей лесной дороге.

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Всю ночь скрипело в лесу дерево: скрип-скрип, скрип-скрип... И ветер с шипеньем накатывался на вершины, как тяжёлая волна. И опять скрипело дерево о своей серой древесной жизни.

Сколько отшумело тысячелетий, пока в глухом лесу, рядом с мёртвым скрипом деревьев, роился настоящий, живой голосок? Сначала, наверное, и он был вот таким же нудным, робким и слабым, как этот скрип.

Волны накатывались и накатывались, а дерево всё скрипело и скрипело. И я уснул.

Проснулся я не от шума, а от тишины. Ветер утих, замолчало дерево, и стало слышно, как падают с ёлки сухие хвоинки.

И вдруг дерево запело! Сперва тихо и робко, а потом всё смелее и громче. Запело живым голосом, и звуки неслись не с ветвей, а изнутри ствола, из самой древесной сердцевины. Дерево верещало, стрекотало, что-то выкрикивало — дерево пело!

Это был не сон. Было утро, и я видел, как ленивым колечком поднимался с лесной полянки туман. Росинки стреляли в солнце синими и красными стрелами. А на сучке зевал и потягивался дятел.

Может, вот так когда-то и родился в лесу живой голос?..

Не хотелось вставать, а ещё больше не хотелось самому разрушать тайну поющего дерева.

Тайну разрушил дятел. Как волшебную палочку, поднял он вверх свой длинный нос, качнул головой и громко крикнул. И дерево, в ответ на крик, вдруг запищало, завопило отчаянно и нетерпеливо. Оно уже не пело: оно кричало, звало, торопило, просило и умоляло.

У каждой загадки — своя отгадка. В дереве дупло, в дупле — гнездо, а в гнезде — дятлята.

Всю ночь дерево качало их и баюкало, песни им лесные скрипело. Утром пришёл их черёд, и понеслось из дерева настырное и голодное верещание.

Много тысячелетий слышался в лесу унылый скрип. Но когда-то зазвучал в нём первый живой голосок. И может, вот так же зазвучал на рассвете, в дупле, под надёжной защитой какого-то дерева.

ПРИЁМЫШ

Отстал птенец от своих, остался в лесу один — слабый и неумелый. Один аппетит хоть куда.

Раньше от мягкой гусенички нос отворачивал, а теперь и колючему жуку бы рад. По вечерам, бывало, все садились рядком, крылышко к крылышку, весело и тепло. А сейчас один, страшно и холодно.

Зовёшь — не отзываются, кричишь — молчат. Вон сколько птиц в лесу, а ты как в пустыне.

Но повезло сироте: увязался он за семьёй славок. С куста на куст с ними перепорхнул и стал своим. Пискнул — ответили. Рот разинул — сунули в рот.

Стал он у славкиных детей вроде няньки. Чуть холодно — они к нему. Сядут рядом — всем тепло. Старым-то славкам с малышами возиться некогда: едва успевают для них корм добывать.

Так и стал приёмыш жить. Совсем другое дело теперь. Не только жук — и гусеничка перепадает. Спит со всеми, крылышко к крылышку. Крикнет — ответят, позовёт — отзовутся. Не то что один в лесу.

Сытно, тепло и весело. Клюв твердеет, крылья растут.

Чего ещё птенцу надо?

КАК МЕДВЕДЬ САМ СЕБЯ НА ПУГАЛ

Вошёл в тёмный лес медведь — хрустнула под тяжёлой лапой валежина. Испугалась белка на ёлке — выронила из лапок шишку.

Упала шишка — угодила зайцу в лоб.

Сорвался заяц с лёжки — помчался в гущину.

На тетеревиный выводок наскочил — переполошил всех до смерти.

Сойку из-под кустов выпугнул. Сороке на глаза попался — та крик подняла на весь лес.

У лосей уши чуткие, слышат: сорока стрекочет! Не иначе — охотников видит.

Пошли лоси по лесу кусты ломать!

Журавлей на болоте испугнули — те закурлыкали. Кроншнепы закружили, засвистели уныло.

Остановился медведь, насторожил уши.

Недоброе творится в лесу: белка стрекочет, сорока и сойка трещат, лоси кусты ломают, болотные птицы кричат тревожно. И позади кто-то топочет!

Не уйти ли подобиру-поздорову?

Рявкнул медведь, уши прижал да как даст стрекача!

Эх, знать бы ему, что позади-то заяц топтал, тот самый, которому белка шишкой в лоб угодила.

Так сам себя медведь испугал, сам себя из тёмного леса выгнал. Одни следы на грязи остались.

ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ

Летела летом над поляной иволга золотая, увидала Камень лежащий, свистнула:

— Глупый ты, Камень! Всю жизнь на одном месте лежишь, ничего-то не видишь и не знаешь. А я на далёком Юге была, много чудес видела!

Промолчал Камень.

Пролетал зимой над поляной Свиристель хохлатый, увидел Камень полусасыпанный и просвиристел:

— Глупый ты, Камень! Всю жизнь на од-

ном месте торчишь, ничего не видишь. А я на далёком Севере вырос, много чудес видел!

Опять промолчал Камень, но про себя подумал: «Больше вашего я видел, хвастунишки пернатые! Зимой ко мне Север сам в гости приходил, а летом — Юг. Знаю я и жару и мороз. Видел лес и зелёным и белым. Знаю я и тебя, Иволгу, птицу летнюю, и тебя, Свиристель, птицу зимнюю. А вот вы-то на одной земле каждый год бываете, а друг друга не видели! Тоже мне, путешественники знаменитые!»

БАКЛАН

Море на рассвете ещё спит. Оно тихое и почти бесцветное — серое в сумерках. Вдоль прибойной полосы чёрным строем, как солдатики, сидят бакланы. Я выстрелил по строю картечью. Бакланы разом, как по команде, взмахнули крыльями и полетели в море, трогая концами крыльев тихую воду. Но один остался на берегу. Я подошёл, поднял его за чёрные холодные и мокрые перепончатые лапки. Голова баклана беспомощно моталась на длинной шее. Он был убит наповал.

Я сел на песок и стал рассматривать новую для меня птицу. Вертел баклана в руках, дул ему под перо. Потом вынул циркуль-измеритель и измерил бакланий клюв, лапу, крыло и хвост, чтобы позже точнее определить его по определителю. Цвет баклана был чёрный,

то с зелёным, то с бронзовым отливом. Особенно хороши были глаза: косые, изумительного зелёного, малахитового цвета.

Долго я возился с мёртвым бакланом.

Вставало солнце. Лучи его будили всё живое. Проник луч в траву, и закопошились в траве разные жучки: усатые, горбатые, мохнатые. Пригрел луч цветочный бутон — бутон шевельнулся, тихонько раскрылся, как синий глазок. В бутоне букашки ночевали, расправили на солнце крылья и улетели.

Просыпалось и море. Я отложил птицу: море на восходе всего прекрасней.

Горизонт посинел. Ближе протянулись по морю полосы лазури, ещё ниже — лиловые, потом зелёные, как бакланьи глаза, и даже бронзовые, как отблеск бакланьего пера, — там, где было мелко и проглядывал песок дна. А с синего горизонта побежали по морю белые весёлые барашки.

Не оторвал бы я глаз от моря, если бы не сильный шум позади. Оборачиваюсь и вижу: мёртвый баклан ожил! Хлеща крыльями, он бежал по жёлтому песку к морю, на ходу выплёвывая рыбу.

Птицы-рыбоеды всегда так делают, когда хотят облегчить свой полёт. Этот воскресший обжора выплюнул тридцать бычков — чуть не килограмм рыбы! И полетел в море, сшибая чёрными крыльями белые гребешки волн. Вот он сел на воду и закачался на волнах.

Уж не оживил ли и его солнечный луч? Конечно нет. Просто картечина чиркнула по

голове и оглушила, и баклан «потерял сознание». Ну а отлежался на ветерке, солнышком его пригрело, он и ожил.

Я не жалел. Мясо баклана не ахти какое — рыбой пахнет. Шут с ним!

РОЗОВОЕ БОЛОТО

Само слово «болото» уже не радует. Что-то чавкающее, мокрое, грязное. Ни присесть, ни прилечь. Хлюпъ и зыбъ под ногами. Жара и одуряющий запах. Рои назойливой и липкой мошкары над головой.

Но бывают болота другие — неправдоподобной, удивительной красоты. Вот такие, о котором я сейчас расскажу.

Ночью я с трудом продирался по раскисшей, чмокающей тропе сквозь кусты и тростник. Хлябь становилась всё жиже и глубже. Чёрной нефтью заблестела открытая вода. Дальше ночью идти было нельзя. Я прислонился спиной к коряжистой иве, шатром окунувшей плакучие ветви в чёрную воду, и задремал. Можно и стоя спать, если только чуть-чуть приспособиться.

Проснулся я от теплоты на лице и какого-то сияния под закрытыми веками. Значит, поднялось солнце. Я открыл глаза и тихонечко охнул! Ясные солнечные лучи высветили каждый листик, всё стало ярким, резким, гранёным. А над синей водой на стройных ножках-стеблях стояли зелёные чаши из

малахита, и в чашах лежали розовые бутоны.

Розовые бутоны, каждый в два кулака!
Может быть, я всё ещё сплю?

Солнце коснулось чаш-лопухов и немыслимо нежных бутонов. Бутоны проснулись и зашевелились. Наружные белые лепестки — каждый в ладонь! — раскрылись, показав солнцу красную сердцевину цветка лотоса. Словно белые нежные ладони осторожно и ласково грели на солнце прозябшие за ночь цветы, словно каждый лотос, воздев в небо тонкие руки, протягивал к солнцу свою красоту.

Медленно двигалось в небе солнце, и, словно зачарованные, словно во сне, поворачивались за ним и цветы лотосов. Зелёные чаши огромных листьев, как антенны локаторов, тоже поворачивались за солнцем, ловя его ласкающие лучи. И тяжёлые капли росы внутри них, словно лужицы ртути, тяжело колыхались и матово посверкивали своими закруглёнными краями.

Чуть видный розовый пар курился над лотосовым болотом. Медленно, словно во сне, махая белоснежными крыльями, пролетела немыслимая белая цапля. Крылья её, пронзённые солнцем, вдруг вспыхнули и запылали.

Потянул ветерок, сморщил воду, озорно растолкал цветы. Всё огромное розовое болото зашевелилось, засуетилось, залопотало — проснулось. Очнулся и я.

Настырный комар гнусил прямо в ухо. Из-под ног, покачиваясь и переливаясь, всплыва-

ли болотные пузыри и высовывались из воды, как глаза лягушки. Да это же сон — вокруг и под ногами болото. Но какое болото!

СОЛОВЕЙ И ЛЯГУШКА

Журчал в кустах ручеек. Жила в ручье лягушка. А в кустах — соловей.

Только солнце садилось на лес — лягушка и соловей начинали петь. Лягушка урчала и квакала, а соловей щёлкал и свистел.

Конечно, соловей не лягушка. Ему, наверное, было противно слушать её, поэтому он свистел и щёлкал всё громче и громче.

Но и лягушка не соловей: она, наверное, боялась, что её из-за свиста не слышно, и тоже всё громче квакала и урчала.

До того раззадорятся — гул и стон!

Соловей раскат за раскатом — только листики вздрагивают.

Лягушка надрывается — даже рябь по воде.

А ты стоишь и слушаешь, хоть и грызут тебя комары.

Все на лягушку сердились: не даёт соловья толком послушать! И в ладоши хлопали, и камни в ручей бросали. А ей хоть бы что.

Но вдруг она замолчала. Наверное, её уж сожрал. Толстенный пятнистый уж жил в этом ручье.

Все очень обрадовались: вот теперь-то мы послушаем голосистого соловья!

Вечер за вечером опускается на тугай (густые заросли по берегам рек), и тишь, и покой, а соловей всё никак не распоётся. Посвистит, пощёлкает — и умолкнет.

И всё как-то вполсилы, лениво и нехотя. И как-то небрежно, с помарками, кое-как. Ни листик от свиста не дрогнет, ни сердце. Наверное, спорить ему стало не с кем — он и размяк.

Худо стал петь: дрябло, сонно и вяло. Хоть снова лягушку в ручей подбрасывай!

КУКУШКИНЫ ГОДЫ

Для песни кукушке нужен звонкий лесок: чтобы голос стал упруг и звучист. Есть в лесу такие уголки: всё там звенит — и птицы, и ветер.

Любят кукушки чужие годы считать. Уж и дроздам надоест свистеть, утонут кусты в ночном тумане, а они всё кричат да кричат.

Стоим мы в звонком борке, и над нами кричит кукушка. Сидит она на чёрной сосне, над которой дрожит звезда. Сидит и кланяется зелёной заре: чуть приподнятый хвост, чуть обвислые крылья и набухшее толстое горло.

Это умелый крикун.

Сосновый борок подхватывает крик, делает его громче и мчит к заре, за зубчатую полосу леса. А оттуда — из далека-далёка! — отвечает ему другая кукушка. «Ку-ку» да «ку-ку» — и складно, и ладно, и точно в такт.

Наша строит «ку-ку-ку!» — и другая строит.

Наша крикнет вдруг «хо!» — и чужая откликнется «хо!».

И не собьётся, не перепутает, не опередит. Такое у них согласие, такой ритм — слушал бы до утра.

Уж много звёзд над чёрной сосной. Потухла заря. Не видно стало, зато слышно-то как! Все другие кукушки умолкли, а наша кричит: уж больно соперник упрям, не одолеть никак!

Давно мы со счёта сбились, давно разгадали тайну ответного крика.

Вторит нашей кукушке не соперник, а лесное далёкое эхо, перекликается она сама с собой, сама себя хочет перекричать.

И годы падают в лес, как весомые чистые капли. Кукушкины годы — звонкие, как борок, чистые, как заря, и длинные, как лесное тягучее эхо.

Жить бы да слушать, слушать да жить!

ВОРОНИЙ ГЛАЗ

Боятся птицы человеческого глаза. Я сам проверял. Стоит посмотреть на птичье гнездо — и кончено: птица яйца и птенцов унесёт, а гнездо бросит. Я фотографировал птичьи гнёзда. Сегодня сниму — завтра гнездо пустое. До чего доходило: снимал птенцов в отсутствие стариков. И всё равно старики узнавали, что я на их птенцов глядел! К утру в гнезде ни птенцов, ни яиц.

Наметились три загадки. Как птицы узнают, что я их гнездо видел? Куда переносят своих птенцов? И, главное, почему боятся человеческого глаза? Что это за глаз такой роковой?

Но разгадка на три загадки получилась одна.

Человеческий глаз совсем ни при чём.

Виноватым оказался вороний глаз.

Пока я копошился в кустах, наводя аппарат на гнездо, за мной следила ворона. Слышала ворона тревожные крики птиц. И только я уходил, она летела в кусты. Не напрасно ведь тревожилась птичка, когда в кустах копошился человек.

Вот помятая трава, вот пригнутые ветви, а вот и гнездо.

Пяток птенцов вороне на один глоток.

Так чаще всего и бывает. Найдут люди гнездо, поднимут шум, траву и ветки вокруг помнут и погнут. Птичек-родителей встревожат. А ворона в сторонке сидит и всё замечает.

Страшен для птичек вороний глаз.

А человеческий тем виноват, что ворону вовремя не замечает.

ГРИБ-ПОДГНЕЗДОВИК

Лесной конёк свил на земле гнёздышко, отложил в него яички и сел высиживать. И вот тут начались события необыкновенные! Чувствует конёк, что гнездо его кто-то снизу

потихонечку приподнимает! Толчки — словно от землетрясения!

Конёк сидит, терпит. А гнездо под ним приподнимается, приподнимается и уже набок переворачивается!

Не стерпел тут и терпеливый конёк. Соскочил с гнезда — и бегом! А гнездо уже на боку, а гнездо уже вверх дном — как перевёрнутое лукошко. А рядом вылез из земли... гриб! Толстоногий и толстолобый. По виду — гриб-подосиновик, а по делам — подгнездовик.

ТОПИК И КАТЯ

Дикого сорочонка назвали Катей, а крольчонка домашнего — Топиком. Посадили домашнего Топика и дикую Катю вместе.

Катя сразу же клюнула Топика в глаз, а он стукнул её лапой. Но скоро они подружились и зажили душа в душу: душа птичья и душа звериная. Стали две сироты друг у друга учиться.

Топик стрижёт травинки, и Катя, на него глядя, начинает травинки щипать. Ногами упирается, головой трясёт — тянет изо всех своих птенцовых сил. Топик нору роет — Катя рядом крутится, тычет носом в землю, помогает рыть.

Зато когда Катя забирается на грядку с густым мокрым салатом и начинает в нём купаться — трепыхаться и подскакивать, — к ней на обучение ковыляет Топик. Но ученик

он ленивый: сырость ему не нравится, купаться он не любит, и поэтому он просто начинает салат грызть.

Катя же научила Топика воровать с грядок землянику. Глядя на неё, и он стал объедать спелые ягоды. Но тут мы брали веник и прогоняли обоих.

Очень любили Катя и Топик играть в догонялки. Для начала Катя взбиралась Топику на спину и начинала долбить в макушку и щипать за уши. Когда терпение у Топика лопалось, он вскакивал и пытался удрать. Со всех своих двух ног, с отчаянным криком, помогая куцыми крыльями, пускалась вдогонку Катя. Начиналась беготня и возня.

Однажды, гоняясь за Топиком, Катя вдруг взлетела. Так Топик научил Катю летать. А сам потом научился от неё таким прыжкам, что никакие собаки стали ему не страшны.

Так вот и жили Катя и Топ. Днём играли, ночью спали на огороде. Топик в укропе, а Катя на грядке с луком. И так пропахли укропом и луком, что даже собаки, глядя на них, чихали.

ТРЕТИЙ

Две птички сплели гнездо — круглое, как яичко.

Две птички маскировали его — мохом, лишайником, паучиными коконами. Две птички поочерёдно высиживали яички — круг-

ленькие, как горошинки. Две птички тревожились у гнезда. Всегда и везде они были вдвоём. Две долгохвостые синички. Неотличимые и неразлучные.

И вот у парочки вылупились птенцы. И тут у гнезда объявился третий! Тоже долгохвостая синичка: чужак или чужиха. А ведёт себя как свояк.

Будто и он гнездо сплетал. Будто и он маскировал. И яйца высиживал, и тревожился. Нос свой короткий в гнездо суёт, птенцов пауками и мухами угощает. И парочка моя его терпит!

Горихвостки бы третьего до смерти заклевали, дятлы бы из леса прогнали, дрозды бы хвост выщипали. А эти — хоть бы что!

Три птички у гнезда стали жить. Дружной троицей улетают, дружно в ветвях перекликаются, дружно насекомые ищут. Дружно к гнезду летят и один за другим птенцов кормят. Птенцы быстро растут. В окошко выглядывают. Ждут папу с мамой. И третьего, неизвестного.

Кто же он, этот третий?

Может, несчастный, который своих птенцов потерял и вот к чужим прибился? Такое у птиц бывает. Может, это сын их или дочь прошлогодние? И такое у птиц бывает. А может, родственник или знакомый, что сам гнезда не свил? Кто его знает, на лбу у него не написано.

Вырастили птенцов три дружные птички. Да не мало, а целую дюжину!

ТОНКОЕ БЛЮДО

Хороши муравьиные куколки. Они, наверное, как зефир — так и тают на языке.

Неплохи голые зелёные гусеницы: мягкие, вкусные. Птицы хорошо знают это и балуют своих птенцов вкусной и нежной едой.

Но синице-гренадёрке эта еда кажется грубой. Вертится она около своих птенцов, не знает уж, чем их и угостить. Птенцы-то с горошину: рот да живот. Слепые ещё: что в рот ни сунь — всё бы пошло. Проглотили бы и куколку, гусеничку, ещё бы попросили. Так нет, такая пища для её драгоценных детей не подходит. Подавай ей соки. Не виноградный, не вишнёвый, не помидорный, не морковный, не апельсиновый, не земляничный. Подавай паучиный сок! Носит гренадёрка птенцам пауков и выдавливают их прямо птенцам в рот.

Растут птенцы не по дням, а по часам. Растут, хорошеют, толстеют. Да так, что становятся перед вылетом больше своей мамы.

Сок есть сок. Хоть и паучиный.

СОРОКА-ВОРОВКА

Сорока-воровка деток кормила. Яичко украдала — этому дала. Птенчика утащила — этому дала. А этому не дала: больше украсть не вышло.

Этот терпел-терпел да как заорёт! Тут и попался мне в руки.

Я рад: сорочонка поймал!

Принёс домой, посадил в корзину. А он в корзине сидеть не хочет. Хочет, как все, на стуле. Сидит и орёт. Так рот разевает, что страшно: как рот пополам не разорвётся!

Заметался я с места на место.

В одном месте слепня поймал, в другом жука нашёл. Сунул сорочонку в рот, а ему мало. Крыльями трясёт, рот не закрывает, а уж орёт так орёт!

Я все места обегал — ничего не нашёл. А сорочонок со стула слез, стал за мной гоняться.

Я в буфет — крошки собрал, в кладовую — творогу взял, в огород — клубничку сорвал.

А ему всё мало. Клеваться начал.

Что делать? Я к соседям во двор. Из тазика рыбку утащил, с кустов смородины нащипал, на сливу за сливами полез. Тут-то меня и поймали: что тут за сорока-воровка?

Первый раз в жизни подумал я о сороке хорошо. Чем она виновата? Этому дай, этому дай, а взять-то где?

Меня вон один сорочонок и тот чуть до воровства не довёл. А у неё их пять!

Июль

Бело солнце на сизом небе. Земля пышет жаром. Дали плывут и переливаются.

Струятся синие полосы лесов. Колышутся рощи, холмы и курганы. Дрожат кусты и нагретые камни. Столбы извиваются нехотя и лениво. Пыльные лопухи разлеглись у пыльных дорог.

Плывут далёкие станции и посёлки — как сказочные корабли с разноцветными парусами.

Клонит ветер рожь и пшеницу — гонит жёлтые волны. Гладит траву на затучневших лугах — будто мех драгоценного зверя. Раздувает бурные колоски и метёлки — открывает зелёную подпушь.

И бегут, завиваются по калёным дорогам вихри горячей пыли.

Кузнечики по обочинам чиркают спички. Кобылки взлетают, как красные искры. Разомлевшие вороны разинули клювы. Ласточки на лету окунают в воду горячие грудки.

Ветви обвисли, отяжелели. Жаркие выруб-ки пахнут вареньем. Солнечные зайчики лениво переливаются с боку на бок.

Лениво плывут облака: огромные и таинственные, как снежные горы. Зной, расслабленность, тишина.

Макушка лета. Июль.

НЕПОСЛУШНЫЕ МАЛЫШИ

Сидел Медведь на поляне, пенёк крошил. Прискакал Заяц и говорит:

— Беспорядки, Медведь, в лесу. Малые старых не слушают. Вовсе от лап отбились!

— Как так?! — рывкнул Медведь.

— Да уж так! — отвечает Заяц. — Бунтуют, огрызаются. Всё по-своему норовят. Во все стороны разбегаются.

— А может, они того... выросли?

— Куда там: голопузые, короткохвостые, желторотые!

— А может, пусть их бегут?

— Мама лесные обижаются. У Зайчихи семеро было — ни одного не осталось. Кричит: «Вы куда, лопоухие, потопали — вот вас

лиса услышит!» А они в ответ: «А мы сами с ушами!»

— Нда, — проворчал Медведь. — Ну что ж, Заяц, пойдём, поглядим, что к чему.

Пошли Медведь и Заяц по лесам, полям и болотам. Только зашли в лес густой — слышат:

— Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл...

— Это что ещё за колобок объявился? — рявкнул Медведь.

— И совсем я не колобок! Я солидный взрослый Бельчонок.

— А почему тогда у тебя хвост куцый? Отвечай, сколько тебе годов?

— Не сердись, дяденька Медведь. Годов мне ещё ни одного. И с полгода не наберётся. Да только вы, медведи, живёте шестьдесят лет, а мы, белки, от силы десять. И выходит, что мне, полугодке, на ваш медвежий счёт — ровно три года! Вспомни-ка, Медведь, себя в три годочка. Небось тоже от медведицы стрекача задал?

— Что правда, то правда! — проворчал Медведь. — Год ещё, помню, в пестунах-няньках ходил, а потом сбежа-а-ал. Да на радостях, помню, улей разворотил. Ох и покатались же на мне пчёлы тогда — посеючас бока чешутся!

Пошагали Медведь с Зайцем дальше. Вышли на опушку и слышат:

— Я, конечно, всех умней. Домик рою меж корней!

— Это ещё что за поросёнок в лесу? — взревел Медведь. — Подать мне сюда этого киногероя!

— Я, уважаемый Медведь, не поросёнок, я почти взрослый самостоятельный Бурундук. Не грубите — я укусить могу!

— Отвечай, Бурундук, почему от матери убежал?

— А потому и убежал, что пора! Осень на носу, о норе, о запасах на зиму пора думать. Вот выroyте вы с Зайцем для меня нору, набейте кладовую орехами, тогда я с мамой до самого снега в обнимку готов сидеть. Тебе, Медведь, зимой забот нету: спишь да лапу сосёшь!

— Хоть я лапу и не сосу, а правда! Забот у меня зимой мало, — пробурчал Медведь. — Идём, Заяц, дальше.

Пришли Медведь и Заяц на болото, слышат:

— Хоть мал, да удал, переплыл канал. Поселился у тёти в болоте.

— Слышишь, как похваляется? — зашептал Заяц. — Из дома удрал да ещё и песни поёт!

Рыкнул Медведь:

— Ты почему из дома удрал, ты почему с матерью не живёшь?

— Не рычи, Медведь, сперва узнай, что к чему! Первенец я у мамы: нельзя мне с ней вместе жить.

— Как так нельзя? — не унимается Медведь. — Первенцы у матерей завсегда первые

любимчики, над ними они больше всего трясутся!

— Трясутся, да не все! — отвечает Крысёнок. — Мама моя, старая Водяная Крыса, за лето три раза крысят приносила. Две дюжины нас уже. Если всем вместе жить, то ни места, ни еды не хватит. Хочешь не хочешь, а расселяйся. Вот так, Медведушко!

Почесал Медведь щёку, посмотрел на Зайца сердито:

— Оторвал ты меня, Заяц, от серьёзного дела! Всполошил по-пустому. Всё в лесу идёт, как тому и положено: старые старятся, молодые растут. Осень, косой, не за горами, самое время возмужания и расселения. И быть по сему!

ЛЕСНОЕ ВРЕМЯ

Время лесное не торопкое...

В щели зелёного потолка пробились синие лучи. От них на тёмной земле лиловые ореолы. Это солнечные зайчики.

Один зайчик лежит рядом со мной, он чуть шевелит ушами. Над ним тихое матовое сияние, вокруг сумрак, а там, где зайчик, видна на земле каждая еловая иголка, каждая жилка на упавшем листе. Под зайчиком серое поленце с чёрными трещинами. А на поленце — змея. Будто кто-то выдавил, не жалея, из толстого тюбика густую бурую краску; краска легла тугими извивами и застыла. Сверху

крохотная головка со стиснутыми губами и с двумя колючими искорками — глазами.

Всё тут внизу неподвижно и тихо. Кажется, время остановилось.

А наверху, над зелёным лесным потолком, катятся голубые волны ветра; там небо, облака, солнце. Солнце медленно плывёт на запад, а солнечный зайчик по земле ползёт на восток. Я это вижу по тому, как тонут в тени пригладевшиеся листики и соринки и как выступают с другой стороны тени новые травинки и палочки.

Луч солнца как стрелка лесных часов, а земля с палочками и соринками — лесной циферблат.

Но почему же змея не тонет в тени, как получается так, что она всё время в центре сияющего овала?

Лесное время дрогнуло и остановилось. Я напряжённо вглядываюсь в извивы упругого змеиного тела: они движутся! Двигутся чуть заметно, навстречу друг другу; я замечаю это по зубчатой полоске на змеиной спине. Тело змеи чуть пульсирует: то оно расширяется, то спадает. Змея невидимо передвигается ровно настолько, насколько передвигается солнечное пятно, и потому постоянно находится в центре его. Тело её — как живая ртуть.

Двигается в небе солнце, движутся по всей огромной лесной земле крохотные пятна солнца. И вместе с ними движутся во всех лесах сонные змеи. Двигутся медленно, незаметно,

как медленно и незаметно движется ленивое лесное время. Двигутся, как во сне...

ТЕНЬ

Удивительная в лесу тишина: лес отдыхает. Солнечные зайчики сидят смирно. Подмигивает ленивая паутинка.

Хорошо идти по такому лесу от поляны к поляне: в каждой, как в зелёной чаше, свой тёплый настой. На одной — медовый: отцветает лиловый вереск, на другой грибной, на третьей настоем на вялом листе. Идёшь и из каждой чаши отпиваешь глоток, пока голова не закружится!

На поляне с брусничным настоем стоял медвежонок. Он был один и делал то, что хотел. Делал он что-то очень странное. То вдруг взмахивал головой, а лапешками и носом тыкался в землю. То переваливался через тощий задок и скрёб когтишками землю. Он явно что-то ловил и никак не мог поймать.

Долго он перекашивался, хватал, кусал и сердился. А я всё смотрел и ничего не мог разобрать.

И вдруг понял: медвежонок ловил свою тень! Этот дурень не мог ещё сообразить, что тень — это тень и что поймать её нельзя. Он видел: рядом шевелится тёмное. Бросался на тёмное и скалил зубы. Но тень — это тень.

Даже старый матёрый медведь не очень-то верит своим глазам. Вот и медвежонок: поню-

хает тень — не пахнет. Наклонит ухо к земле — не шуршит. Стукнет лапой — сдачи не даёт. Значит, её и нет!

Пошагал медвежонок прочь, а тень за ним. Вот это да!

Надо всё не спеша обдумать. Стал приседать медвежонок на задок. Вот приседает и — раз! — наткнулся на острый сучок! Подскочил, а оглянуться боится: тень перед носом скачет. Кто её знает, чего замышляет.

Поёрзал, поёрзал и опять стал приседать. Сел. На сучок. Как подскочит! Да и сучок ли это? Это мне видно, что вправду сучок, а медвежонок и оглянуться боится. Может, это чёрное, без вкуса, без запаха, так кусает?

Шерсть на мишкиной холке встала торчком. Даже клыки показал. Пятиться стал. Попятился и... опять напоролся на сук! Тут заорал медвежонок басом и, как заяц, упрыгал в кусты.

И вот тихо на полянке, и нет никого, будто никогда и не было. Убежал медвежонок, ускакала тень. Остался один сучок. Да брусничным настоем пахнет.

ПРИЁМЫШИ

Я сидел на озере, задвинув лодку в тростник.

Был полдень — тихий и сонный. По зелёным тростникам лениво ползли золотые солнечные колечки. Как хорошо!

В тростнике зашуршало. Кто-то продирался сквозь тесные стебли.

Вот дрогнули тростники — высунулся плоский нос. Тотчас и по носу, как по тростнику, заколыхались солнечные колечки.

Утка!

У всех уток всегда деловой, ужасно занятой вид. Но эта маленькая утица — с носом в колечках, с ярко-зелёными зеркальцами на крыльях, — эта чируша была сама озабоченность. Она тихо крякнула и, упираясь перепончатыми лапами, продиралась вперёд, на чистую воду. За ней гуськом, по пробитой дорожке, торопились пуховые утята — хлопунцы лапчатые.

Последний, самый маленький, отстал. Заспешил, подскочил — и попал шейкой между двумя стеблями тростника, заклинился и повис в воздухе. Запищал отчаянно и лапками зашлёпал по воде.

Утица, хлеща жёсткими крыльями по воде, ринулась назад. Схватила утёнка носом за мягкую шейку, подняла и понесла на чистую воду. Глупыш и в материнском клюве пищал и дрыгал ногами.

Много, ох много трудов приняла утица, пока вывела своих утят из болота, где было её гнездо, на открытый плёс. Вот и последнего брыкуна вытащила и пустила на воду. Сама окунула головку, вскинулась столбиком, забила в воздухе крыльями — и закрякала что-то

своё, утиное, радостное... Да вдруг так столбиком и ушла вниз, под воду, захлебнулась на утином полслове.

Утята захопали по воде культяпочками и бегом — лапками по воде — помчались в тростники.

А там, где исчезла утица, звонко, как ладоною, хлопнул по воде рыбий хвостик — и побежали, побежали по воде круги до самого того места, где я сидел. Сердито застучали тростники друг о друга, будто костяные палочки.

Вот так сомище!

Бедные юнцы-хлопунцы! Как без утицы будете? Кто сигнал тревоги подаст, кто под крылом согреет? Кто за шейку из беды вытащит?

Завозился я в лодке, шлёпнул веслом по воде — хоть напугать губастого обжору! И вдруг радостный утиный крик!

Утица-чируша стоит на воде, крыльями бьёт и кричит, кричит! Только это другая утица, не та...

Она тоже вывела хлопунцов своих на широкую воду — вот и празднует, и кричит от радости. И хлопунцы другие: совсем ещё маленькие. Плоские носики на зобок уложили, щёчки пухленькие, в жёлтом пушке.

Утица — один глаз в небо — не летит ли хищный лунь? — другой вниз — нет ли под водой сома? Оглянулась по сторонам, помолчала немножко. Крякнула — и поплыла вдоль стены тростника.

И утята за ней гуськом, один за другим. И все вниз, в воду, смотрят: первый раз себя в зеркале

увидели. Увидели — и сами себе очень понравились.

«Где-то сейчас те сироты-утята?» — подумал я.

А они тут как тут! Выплывают из тростника, культяпочками по воде бьют — спешат вдогон за утицей.

Вот догнали, пристроились к её утятам в хвост — тоже гуськом, один за другим. Только росточком чуть побольше, а то бы и не отличить.

Утица задержалась, повернула назад. Каждого утёнка носом тронула, будто пересчитала. И то ли в счёте она слаба, или тут другое что, — только не прогнала она чужих утят. Сказала им что-то по-своему, по-утиному, и вся большая семья — свои и приёмыши — скрылась в тени нависшего над водой куста ольхи.

Тихая волна от утицы с утятами еле дошла до тростников, где я сидел. По зелёным тростникам снизу вверх — до самых серебряных метёлок — наперегонки побежали улыбчивые золотые солнечные колечки. Ай да утица — плоский нос!

Как хорошо!

ПОГАНЧИКИ

Ловил я на озере рыбу. Тростники тревожно стучали друг о друга, как костяные палочки.

Быть дождю!

Я стал собирать удочки.

Вдруг вижу: из густого чакана — озёрной травы — выплывают на чистую воду поганки. Поганка-папа, поганка-мама и крошечные — с жука — поганчики. Поганка, по-учённому — чомга, скрытная птица, не всегда её увидишь.

Я задержался.

Чомга-папа выплыл на середину плёса, насторожил глаз в небо — нет ли луны? — встал на караул. Чомга-мама забила крыльями, забарахталась в воде, будто курица в пыли. Да вдруг и ушла под воду.

Чомги похожи на маленьких уточек-чирков, только клюв у них не плоский, как у уток, а тонкий и острый; а уж нырять и плавать, как чомги, не сможет ни одна утка.

Нет поганки-мамы! Мохнатенькие поганчики, как чёрные жуки-вертячки, закружили по воде. Попробовали они и нырять, но были такие лёгкие, что тотчас выскакивали из воды, как пробки.

Вынырнула мама. Поганчики успокоились и стали играть в пятнашки, шлёпая по воде крыльями-культяпками.

Но не зря тревожно стучал тростник. Прорвался ветер, погнал волну с гребешком. Начали лёгкие поганчики на гребешках переворачиваться. Перевернётся — и стучит в воздухе своими лягушечьими лапками. Плохая игра получается.

Поганка-мама насторожила тонкую шейку и что-то сказала, а что — за ветром не было

слышно. Поганчики все к ней, окружили её со всех сторон да вдруг и полезли к ней на спину! Лапками чик-чик, культяпочками мах-мах и — ловкачи какие! — забрались. Да ещё и в перья забились, одни головки чёрные торчат. Сидит на воде многоголовая птица.

Тепло поганчикам в пере, сухо и не дует. А не сидится! Копошатся, выглядывают — видно, проголодались после купания.

Мама-чомга опять что-то сказала. Мне не слышно, а чомга-папа услышал. Ключнул он носом воду и ушёл на дно. Теперь чомга-мама встала на караул, насторожила глаз в небо.

Вынырнул папа, в клюве что-то держит. Видно, вкусненькое — поганчики вытянули навстречу шейки. Папа-чомгич сунул вкусненькое в разинутый роток крайнего поганчика, а сам опять на дно. И до тех пор нырял, пока всех не накормил.

Сытые чомгята с головой спрятались в перо на спине. Спина у чомги-мамы стала горбиком.

Я так загляделся, что совсем забыл, о чём стучали тростники. Вдруг вся вода вспыхнула — сверкнула молния. Ударили тяжёлые капли, запрыгали по воде фонтанчики.

Хлынул дождь. Поганки заспешили в тростники. Мама за папой, как два одинаковых пароходика. Только у заднего пароходика на спине горбок. Потому что не простой это пароходик, а пассажирский.

Чомги спрятались от дождя. А я промок.

Ну да и что за рыбак, коли сухой!

СЕРЬЁЗНАЯ ПТИЦА

В лесу у болота колония цапель. Каких только цапель нет! Большие и маленькие, белые, серые, рыжие. И дневные, и ночные.

Разные цапли по росту и цвету, но все очень важные и серьёзные. И больше всех важна и серьёзна цапля-кваква.

Цапля-кваква — ночная. Днём она отдыхает на гнезде, а ночью ловит на болоте лягушат и рыбьих мальков.

Ночью на болоте ей хорошо — прохладно. А вот днём на гнезде — беда.

В лесу духота, солнце печёт. Кваква сидит на краю гнезда, на самом припёке. Клюв от жары разинула, крылья широкие свесила — совсем разомлела. И дышит тяжело, с хрипом.

Подивился я: серьёзная на вид птица, а такая глупая! В тень спрятаться — и на то ума не хватает. И гнездо построила кое-как — у птенцов ноги в щели проваливаются.

Жара. Хрипит на припёке, разинув клюв, кваква. Медленно движется по небу солнце. Медленно передвигается по краю гнезда кваква...

И вдруг кровь ударила мне в лицо — так стало стыдно. Ведь кваква телом своим птенцов от жгучего солнца закрывала!

Птенцам ни холодно, ни жарко: сверху тень, снизу в щели гнезда ветерок поддувает. Сложили они длинные носы свои один на другого, ноги в щели свесили и спят. А как проснутся и есть запросят, кваква полетит на

болото ловить им лягушат и мальков. Накормит птенцов и опять на гнездо сядет. Носом по сторонам водит — караулит.

Серьёзная птица!

ТРИ ЯИЧКА

Шёл я по лесу. Вижу: лежит на земле яичко. Яичко как яичко: беленькое, круглое, небольшое.

«Что, — думаю, — за птица это яичко снесла? Хоть бы посмотреть на неё!»

Посмотрел я вокруг — нет никого. Заметил тогда я место и дальше пошагал.

По лесу ходить — не по панели шагать. Под ноги смотреть надо. А я всё по сторонам глазею. Вот и споткнулся о кучу прелых листьев.

Поднялся и вижу: белеется в листьях ещё яичко! Тоже белое, продолговатое, небольшое.

Я листьями яичко прикрыл, место заметил. И дальше пошагал. И хоть по делу иду, а не могу по сторонам не глазеть! Бабочки из цветочных вазочек нектар пьют. Кузнечик собственной ногой, как смычком, на своих же крылышках играет. Жук-листоверт сворачивает из листьев зелёные кулёчки. Муравей под листом стадо тлей пасёт. У каждого своё дело.

Загляделся я — и кувырк с обрыва! Так в песок и зарылся. Хорошо ещё, в речку не угодил.

Встал, а в ушах песок, в глазах песок и даже в карманах песок. Отряхнулся, протёр глаза и вижу: торчит из песка яичко! Простое: беленькое, круглое, как теннисный шарик. Ну и везёт же мне сегодня!

Присыпал яичко, заметил место. Сам думаю: «Три яичка — и все без гнезда! Может, их и не птицы снесли?» Но тут же вспомнил поговорку: «Если нету птиц, то не может быть и яиц». И сразу успокоился.

Я и ч к о в п е с к е

Говорят: «Из яичка вылупится птичка». «Птичка-то птичка, — думаю, — да вот только какая?»

День прошёл, два прошло, на третий собрался я в лес. По сторонам уж больше не глазею, спешу. Вот обрыв у воды, вот песок, в песке яичко. В самый раз поспел: яичко-то уж с трещинкой! Вот-вот высунется в трещинку птичий нос. Качнулось яичко, кусочек скорлупки выпал — высунулся птичий нос. Смешной такой, нос-коротышка. Толстый, короткий, как у попугайчика. Но попугайчики-то только в жарких странах живут!

Треснула скорлупка, яичко расселось, и... выползла из яйца черепашка! Сама с пяточок, глаза как у змейки, ножки лопаточкой. Один нос птичий. Ковыль-ковыль по песку. Да ловко так, будто всю жизнь по песку бегала. И хоть бы помедлила — сразу в поход!

Тут рядом песок зашевелился: полезли из-под него другие черепашки. Не одно яич-

ко было зарыто в песке. Бойкие черепашата: сами из яиц вылезли, сами из песка выползли, сами в воду нырнули. Прямо как большие, хоть ростом с пуговицу.

Я и ч к о в л и с т ь я х

День прошёл, второй прошёл, собрался я снова в лес. Опять в самый раз поспел. Яичко, что в листьях лежало, набухло, стало упругим, и дырочка в нём проклюнулась. Вот-вот высунется птичий нос!

Шевельнулось яичко, дырочка раздалась, и выползла из него, как краска из тюбика, змейка! Длиной с карандаш, на затылке два белых пятна. Ужонок, конечно. И только глаза как у птички.

Подразнил меня раздвоенным языком, прошипел что-то себе под нос и пополз. Ловко пополз, будто всю жизнь по листьям ползал. За ним другие ужата: тоже не одно яичко под листьями было.

Растерялся я. Вот уже два яичка без птички. Что-то в третьем яйце будет?

Я и ч к о н а з е м л е

День дома просидел, два просидел, на третий не вытерпел. Пошёл туда, где яичко прямо на голой земле лежит. Последнее из трёх!

Мне торопиться надо, а я опять по сторонам смотрю: столько в лесу интересного! Вот жук-навозник в старый гриб вгрызается; уж одни ноги торчат. Вон гусеницы по земле пол-

зут, да не как попало, а стройной колонной, ряд за рядом, как солдаты на марше. А вон муравей улитку укусил — она как запищит! Вот никогда не думал, что улитки умеют пищать! Надо будет запомнить.

На этот раз я опоздал. Вот та полянка, вот моя метка, а яичка нет! Растёт на месте яичка... гриб! Здоровый, в два кулака, дождевик.

Понял я, что вовсе не яичко я тогда нашёл. Просто торчала из земли маленькая грибная шляпка, только что высунулась. Потому-то и не вылупилось из неё ничего: ни птички, ни змейки, ни черепашки. Просто гриб вырос.

И хоть бы гриб какой стоящий, а то грибок-дождевик! Это тот самый, из которого, если наступить, бурая пыль летит, ни варить его, ни солить, ни жарить. Только ногой поддать.

Я так и сделал: как наподдал, так пыль и за клубилась!

Вот вам и «простые» яички!

Вот вам «из яичка вылупится птичка».

Вот вам и «если нету птиц, то не может быть и яиц».

Всё может быть.

СКВОРЦЫ-ЗНАХАРИ

Хорошее место для гнезда выбрали себе скворцы — в щели сарая, под крышей. Крыша была земляная, и на ней, как на полянке, росла зелёная трава.

От дождя и ветра скворчата укрыты надёжно. Да вот беда — развелись в гнезде птичьи блохи. А скворцы — птички опрятные. Они любят купаться и чистить свои пёрышки. Даже скворчата, как подрастут, в гнезде не пачкают, а высовывают для этого из гнезда свои куцые хвостики.

Блохи кусали скворчат.

Скворчата бились в тесном гнезде, как рыбы в сачке. Один скворчонок даже вывалился из гнезда, и его схватила кошка.

Птичьи блохи и разные насекомые-кусаки чувствовали себя в гнезде, под чужой зелёной крышей, как у себя дома.

Но однажды утром, выйдя на крыльцо, я увидел, что зелёная крыша сарая стала голубой! На ней густо закурчавилась какая-то голубая травка. В голубой траве сидели чёрные скворцы.

Защемив жёлтыми клювами голубые листочки, скворцы изо всех сил упирались в землю ножками и отчаянно трясли головами — рвали траву.

С пучком травы в клюве сперва один скворец, за ним второй залетели в щель под крышей и выстлали травой своё гнездо.

И тут уж не скворчата, а блохи-кусачки начали выскакивать из гнезда! Да так быстро, будто начался в гнезде пожар!

Скоро блох и разных птичьих кусак не осталось в гнезде ни одной.

Скворчата успокоились и перестали биться. Потом запросили есть и — такие чистюли! —

снова стали показывать из щели свои куцые хвостики.

Я сорвал листок голубой травы и размял его в пальцах. В нос ударил такой резкий запах, что я чихнул. Горькая полынь!

Оказывается, запах полыни для блох страшней, чем едкий дым для комаров.

Ай да скворцы-знахари!

НОЧНЫЕ ОХОТНИКИ

Сидел я в лесной избушке при свете лампы. В окно постучали. Я поднял глаза. На чёрном стекле, с той стороны, билась большая ночная бабочка! Она прилетела из ночного леса на огонёк и билась в стекло так отчаянно, будто за ней гнались. Я хотел открыть окно и впустить бабочку, но вспомнил про комаров и передумал.

Но только я опять взялся за дело — по стеклу зацарапали. Кот! Глазищи дикие, усы торчком, а лапой на стекле бабочку ловит. Прижал бабочку мягкой пятернёй, нос свой розовый под лапу сунул и зашевелил усами — съел. Охотничек...

— Брысь! — крикнул я.

Кот не ушёл. Он, видно, знал, что на свет прилетят ещё бабочки. Тогда я вышел во двор.

Ночь тёмная и тёплая. Свет из окна похож на луч прожектора. И в этом луче, как пылинки на солнце, толкутся ночные насекомые:

мотыльки, бабочки, комары. Там, где свет из окна совсем слабый, носились быстрые тени. Мелькнёт что-то, потом слышится хруст, и сверху, сверкая, летят бабочкины крылышки. Хруст — и падают жёсткие надкрылья жуков. Летучие мыши разбойничают!

Долго я следил за ночной охотой. Увидел я ещё, как метнулся кто-то из темноты на пролетающую летучую мышь, скогтил её и пропал. Не узнать бы кто, да невидимка голос подал: «Ку-вит, ку-вит!»

Сыч! Ну и ловкач! А я раньше и не знал, что сычи летучих мышей ловят. Да и всё тут было ново: коты на бабочек охотятся, птицы на мышей...

Из чёрного ночного леса доносятся незнакомые голоса — значит, и там есть охотники. Да, может, такие, что... Лучше, пожалуй, в сторожку уйти!

ЧЕКАНЧИК

— Пора луга косить — чекан косу чеканит!

Чекан — это луговая птичка. Птичка как птичка: вострый носок, быстрый глазок, белая бровка. Чеканит — это кричит: «Чек-чек! Чек! Чек-чек!»

Будто в далёкой деревне косарь косу отбивает, косить собирается.

«Чек-чек! Чек-чек!»

За это и назван чеканом.

Живёт чекан в лугах тихо и незаметно.

Поднимаются травы, наливаются колоски, тучнеют луга. Люди на лугах бывают всё чаще. Ходят, смотрят, прикидывают: не пора ли косить? И к этому-то времени у чеканчиков из гнёзд вылетают птенцы. Птенцы как птенцы: кургузый хвосток, глупый глазок. А брови из пуха.

Начинаются у чеканов тревоги, чеканят они целый день. Всем теперь слышны и видны.

«Чек-чек! Чек! Чек-чек!» — будто косу отбивают.

— Пора! — люди говорят. — Время косы отбивать! В самый раз: налились травы, затучнели луга. Чекан зачеканил!

ТУК-ТУК!

Тук-тук!

— Да!

Тук-тук!

— Войдите!

Тук-тук! Тук-тук!

Ого! Стучат не в дверь, а в окно!

Выглядываю: дятел!

Прицепился на открытую раму и серьёзно так стучит.

— Здорóво! — говорю. — Влетай!

А он как испугается! И в лес.

Бревенчатая изба для него, наверное, как огромное толстое дерево. Окно — как дупло. И в дупле кто-то страшный сидит.

Белку в дупле дятел встречал, летучую мышь встречал, даже филина видел. А такое страшилище — никогда!

Наутро дятел опять прилетел — «дерево» дуплистое выстукать. Для начала все брёвна пересчитал. Потом в каждое дупло-окно заглянул. Чудо: всё видно, а влезть нельзя.

Ступеньки пересчитал: шесть.

В трубу тукнул: крепкая. Что бы ещё проверить?

Начал в заборе доски считать. С доски на доску, с доски на доску. Считал, считал — сбился. Начал сначала.

Считал-считал — невмоготу!

Не может больше считать — вот как наелся! На каждом брёвнышке по муравью, на каждой ступеньке по жуку, на каждой доске — по личинке. Нос набил, язык натёр. И живот из-под пёрышек вздулся. Синий такой и голый. Ну да, голый: дятел-то совсем молодой!

Крылья и хвост у него как у большого, а живот голый. Перья ещё короткие. И хоть шапка красная и нарядная, да ум в голове не тот. Это ж надо — дом с деревом спутал! Ну да ничего. Дней у него впереди — считать не пересчитать! Во всём ещё разберётся...

Тук-тук!

Будем знакомы!

БЕЖАЛ ЁЖИК ПО ДОРОЖКЕ

Бежал ёжик по дорожке — только пяточки мелькали. Бежал и думал: «Ноги мои быстры, колючки мои остры — шутя в лесу проживу». Повстречался с Улиткой и говорит:

— Ну, Улитка, давай-ка наперегонки. Кто кого перегонит, тот того и съест.

Глупая Улитка говорит:

— Давай!

Пустились Улитка и Ёж. Улиткина скорость известно какая — семь шагов в неделю. А Ёжик ножками туп-туп, носиком хрюк-хрюк, догнал Улитку, хруп — и съел.

Дальше побежал — только пяточки замелькали. Повстречал Лягушку-Квакушку и говорит:

— Вот что, пучеглазая, давай-ка наперегонки. Кто кого перегонит, тот того и съест.

Пустились Лягушка и Ёж. Прыг-прыг Лягушка, туп-туп-туп Ёжик. Лягушку догнал, за лапку схватил и съел.

Съел Лягушку — дальше пятками замелькал. Бежал-бежал, видит: Филин на пне сидит, с лапы на лапу переминается и клювищем щёлкает.

«Ничего, — думает Ёж, — у меня ноги быстрые, колючки острые. Я Улитку съел, Лягушку съел — сейчас и до Филина доберусь!»

Почесал храбрый Ёж сытенькое брюшко лапкой и говорит этак небрежно:

— Давай, Филин, наперегонки. А коли догоню — съем!

Филин глазищи прищурил и отвечает:

— Бу-бу-будь по-твоему!

Пустились Филин и Ёж.

Не успел Ёж и пяточкой мелькнуть, как налетел на него Филин, забил широкими крыльями, закричал дурным голосом.

— Крылья мои, — кричит, — быстрее твоих ног, когти мои длиннее твоих колючек! Я тебе не Лягушка с Улиткой — сейчас целиком проглочу да и колючки выплюну!

Испугался Ёж, но не растерялся: съёжился да под корни и закатился. До утра там и просидел.

Нет, не прожить, видно, в лесу шутя. Шути, шути, да поглядывай!

КРУТЫЕ МЕРЫ

У пеночки-зарнички клюв до того маленький, что только комар в нём и поместится. Сразу много еды в клюве не принесёшь.

А птенцов в гнезде пять. И у каждого рот — кулёк! Сколько в него ни суй, всё равно мало. Одному комара отдашь — другие голодные. На всех разделишь — все голодные. Как разинут свои кульки: «Мне, мне, мне!»

Вот пеночка и хитрит. Одному в рот комара сунет, а другому пустой клюв. Вроде успокоительной соски! Так и бьётся одна с пятью: кто комара глотает, кто соску дёргает.

Скоро птенцы оперились, пора из гнезда прыгать. А им неохота! В гнезде и тепло, и

уютно, и сытно. А в сырых да холодных кустах ещё неизвестно что.

— Ах так! — рассердилась пеночка. И улетила.

Конечно, это я сказал за неё «ах так». Может, я и не точно перевёл её выкрик. Но только она и в самом деле вдруг перестала выманивать птенцов из гнезда, пискнула и улетила.

Сперва птенцы даже обрадовались: никто не беспокоит. Но скоро проголодались и дружно заёрзали: «Эй, кто тут нас должен кормить?»

Муха у гнезда покрутилась — птенцы так к ней шеи и вытянули. Но муха сама в рот не лезет. Бабочка у гнезда запорхала. Заглянула в гнездо птичка-чечеви́чка — и у неё стали кланчить: «Дай же чего-нибудь, дай!» Но никому до них дела нет.

Стали тогда друг у друга выпрашивать. Только один пошевелится — все к нему с раскрытыми ртами. А у того у самого рот до ушей и даже трясётся от нетерпения.

И вот, когда уже не знали, у кого и просить, появилась мама-пеночка с гусеницей. С зелёной, как леденец. Не успела она и позвать, как птенцы наперегонки стали выпрыгивать из гнезда ей навстречу! Ни холод, ни сырость уже нипочём: «Мне, мне, мне!»

Проучила пеночка упрямых птенцов. А что ей было делать? Одна она, и в клюве только один комар помещается. А их пятеро, и каждый ростом уже с неё!

Вечером вся семейка собралась на одной ветке. Прижались друг к другу, сытые и довольные. Даже соски не просят!

КАРЛУХА

Карлуха — воронёнок. Живёт он во дворе. Тут он делает всё, что хочет. А больше всего он хочет прятать.

Прячет всё, что только в клюв попадёт. Корка попадёт — корку спрячет, кожура от колбасы — кожуру, камешек — камешек. Прячет он так. Шагает и по сторонам смотрит, а как высмотрит местечко укромное — тык в него носом! Положит и сверху травой прикроет. Оглядится — никто не видел? — и опять пошагает. Ещё что-нибудь прятать.

Раз он пуговицу прятал.

Сунул её в самую густую траву. Ромашки там росли, колокольчики, колоски разные и метёлки. Стал пуговицу травой прикрывать. Пригнул колосок, а колосок распрямился. Метёлочку пригнул — и метёлочка выпрямилась. Ромашку наклонил — и ромашка поднялась. Колокольчик согнул — и колокольчик поднялся! Старался-старался, прятал-прятал, а пуговица сверху лежит. Вот она. У всех на виду. Любая сорока украдёт.

Растерялся Карлуха. Даже крикнул от удивления. Забрал свою пуговицу и на новое место пошагал прятать.

Сунул в траву, колосок пригнул — а тот распрямился. Колокольчик нагнул — а тот поднялся!

А сороки уже близко в кустах тарахтят, прямо как спички в коробке. Вот-вот пуговицу увидят. Скорей запихнул Карлуха её под кирпич. Побежал, щепочку принёс, заткнул дырочку.

Моху нащипал — все щёлочки законопатил. Камешек сбоку привалил. И для верности ещё и сам сверху на кирпич сел.

А сороки нахальные всё равно тарахтят! Уж, наверное, замышляют что-то.

Карлуха сердится. Ромашку сорвал, лапой прижал, клювом лепестки ощипывает — так и летят во все стороны. А мне со стороны кажется, что он на ромашке гадаёт: украдут — не украдут, украдут — не украдут?

И всё-таки пуговицу ту сороки у Карлухи украли.

СКАТЕРТЬ-САМОБРАНКА

По лесу идёшь — под ноги смотришь. Лес не тротуар, можно и споткнуться.

Я ногу занёс, а под ногой живой ручеёк. Широкое шоссе.

Вперёд и назад торопятся муравьи: вперёд налегке — назад с добычей. Я посмотрел назад и увидел большой муравейник. Там у самой муравьиной тропы птичка — лесной конёк. Она нагибается и хватает муравьев одного за другим.

Не везёт муравьям: их все любят. Любят дрозды и зорянки, дятлы и вертишейки. Любят синицы, сороки и сойки. Любят хватать и глотать. Вот ещё один любитель — лесной конёк.

Только вижу, любитель это особый: не ест муравьёв, а грабит! Отнимает у муравьёв гусениц, мух и жучков. Высматривает, что повкусней, и, как увидит, отнимет.

Тянется живой конвейер. На нём — чего твоя птичья душа желает. Клюй — не хочу! Молочная река, кисельные берега. Скатертью муравьиная дорожка. Всё на ней припасено. Сам выбирай, сам бери. Скатерть-самобранка.

ЯГОДОЗНАНИЕ

В лесу как на ноги встал, глаза открыл — так и школьник. Изучай лесные науки: хищниковедение, пряткоумение, послушание. Науки серьёзные, не одолеешь — голову сложишь. Но есть предмет и полегче — ягодознание. Это самый любимый предмет глухарят. Морошку и землянику глухарята одолевают легко и быстро. И никогда их ни с чем не путают. А вот чернико- и голубикознание даются им с трудом.

Давно заметили охотники, что у молодых глухарят набиты зобишки одной голубикой. А голубика совсем не так хороша, как черника! Черника вкуснее, нежнее и слаще. Знают про то и глухарята. Только одно дело — знать,

а другое дело — самим найти! Попробуй-ка разберись, которая черника, а которая голубика! Кустики похожи, листики похожи, ягоды похожи. Ягоды как ягоды: чёрные, круглые, частые. Наглотаешься с охотки, а потом только поймёшь, что вместо черники на голубику набрёл! Голубики-то в лесу больше.

Но заметили также охотники, что чем больше подрастают глухарята, тем чаще у них в зобишках черника попадает. Практика на пользу идёт!

Приятный предмет — ягодознание. Но и его без труда не возьмёшь.

Зато лапки крепнут, крылья растут; сам глухарёнок становится как ягодка наливная. С такой силой да ловкостью и другие предметы легче одолевать. И хищниковождение, и пряткоумение.

Учатся глухарята, умнеют.

И становятся взрослыми.

МЕДОВЫЙ ДОЖДЬ

Нет над лесом туч, а дождь идёт. Шуршит по листьям, листья становятся блестящими. С листьев дождевики скатываются на траву.

Я посмотрел на небо в лесной просвет, и мне на лицо тоже упали тёплые капли. Капли я вытер ладонью и вдруг почувствовал на губах вкус мёда!

Я выставил под дождь ладонь и потом лизнул ладонь языком. Сладко!

Я сорвал мокрый лист и приложил к губам. Мёд!

Сыплет медовый дождь! На траве — роса медвяная!

А небо голубое — ни облачка.

А пчёл не видно.

Растерянно смотрю по сторонам.

Тут и там опускаются на мокрые листья полосатые, как тигры, шершни. Тут и там бегают по мокрым травинкам шустрые муравьи. Шершни и муравьи слизывают с листьев сладкие дождевики.

Я всматриваюсь, всматриваюсь и вдруг понимаю, что дождевики падают не с неба, а из-под каждого листа высокого клёна. Каждый кленовый лист как дождевая тучка!

Под каждым листом крохотные зелёные букашки. Букашки похожи на зелёные капельки. Но у каждой капельки ножки. И хоботок.

Живые капельки погрузили хоботок в лист и высасывают из него сладкий сок. Время от времени капает вниз дождевик сока.

Зелёные букашки — это тли. Целые стада тлей пасутся на исподе каждого листа. Целые стада листьев трепещут на дереве. Листья нависли над землёй, как зелёные тучи.

Из этих зелёных туч и сыплет медовый дождь! Раздолье в лесу сладкоежкам!

Июнь для них — медовый месяц.

ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ

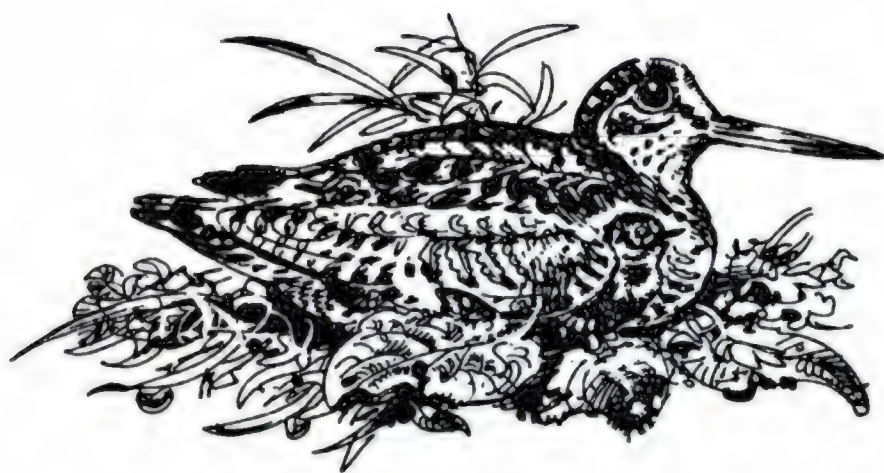
Вылупившись из яйца — ни в мать, ни в отца! Как одуванчики пушистые, клювики с гулькин нос, и ушки не на макушке, а под глазами! Пальцы на лапках длинные-предлинные: всё время сами себе на ноги наступают и падают. Глядит вальдшнепиха на вальдшнепят — только крылышками разводит.

И вдруг грохот, топот, треск! Ломится по лесу самый, казалось бы, безобидный зверь — человек. Под носом не чует, у глаза не видит, над ухом не слышит. Того и гляди, сослепу-то и затопчет!

Стиснула вальдшнепиха лапками ближнего вальдшнепёнка, прижала к груди, взметнулась с ним в воздух и по воздуху унесла. За вторым вернулась, а никого уже нет. Кто в траву шмыгнул — как в воду канул, кто в листья сухие — как сквозь землю провалился. Хоть носами вальдшнепята и не вышли в родителей, зато цветом точь-в-точь: цвета листьев сухих, сухих кориннок, травинок, хвоинок. Самый глазастый ястреб не разглядит. Да что ястреб, родная мать не найдёт, пока пересвистываться не начнут!

Пересвистнулись, сбежались, к матери под крылья спрятались и выглядывают. Вверху листья, как сороки, лопочут. В траве солнечные зайчики ушами прядут. Комар зудит — укусить хочет. Жабёнок лупоглазый под крылья к птице тянется — тоже погреться хочет.

Чутко дремлет вальдшнепиха, а вальдшнепята беззаботно попискивают. А кого им бояться? Ястреб глазастый не разглядит. Лису чутыстую мать заманит и отведёт. А если опять человек в сапожищах — мать кинется, схватит, к грудке прижмёт и унесёт по воздуху.

Август

Утро и белый туман. Туман весёлый, весь солнцем пронизан, сияет и светится — хоть глаза жмурь!

Над головой кляксы синие — просветы неба. Под ногами пятна седые — луговинки росистой травы. По сторонам неясные тени шепчутся и шевелятся. Весь мир утонул в тумане!

Но вот всё поплыло, заколыхалось — и просияло! Дали чёткие, краски яркие, звуки звонкие. А роса такая, что хоть умывайся! Росинки дрожат на кончиках листьев. Росинки стреляют красными стрелами. Росинки переполнили цветы-бокалы.

На листьях манжетки — гранёные звезды. Колоски и метёлки согнулись от ожерелий. Еловые лапы как хрустальные люстры.

Качнула синица еловую люстру — обрушились сверкающие подвески. Ударили они по осинке — осинка вспыхнула и затрепетала.

В гамачках паучиных ртутные бусы. Нити паутины — как нити жемчужин. А сети паучьи — созвездия в лесной вселенной.

Струится парок над тропинкой. Синие лучики проткнули чащу. От радости повизгивают дрозды.

Но главное чудо уже совершилось. Когда туман поднимался и таял, на миг в просветах повисла радуга. Не привычная семицветная, а невиданная — снежно-белая. Белая на голубом.

ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ!

Поставил грибник на пенёк корзину с грибами. Сам к ручью отдохнуть отошёл. Увидел кузовок Дрозд да как затрещит:

— Ах, батюшки, ох, матушки, что же такое делается? Ядовитые поганки в кузове сидят, а вкуснейшие съедобные грибы рядом валяются! Благороднейший гриб — Боровик! Вкуснейший гриб — Шампиньон! Что тут творится? Что это за грибник такой — незнайка и растяпа? Набрал одних поганок, да ещё и радуется небось? Надо нам его от беды спасти!

А тут ещё Мухомор из-под листка высунулся:

— Эх, была не была, назовусь груздем, да и полезу в кузов! Что я, хуже других поганок, что ли?

— Какой же ты груздь, — закричал Боровик, — когда ты Мухомор!

— Никакой ты не груздь, почему ты лжёшь? — вскрикнул гриб Шампиньон.

— Все лгут, и я лгу, — отвечает Мухомор. — Ты, Боровик, лучше посмотри, кто в кузове-то справа сидит? Вон Ложный опёнок. Вон Ложная лисичка! Все ложные: лгун на лгуне! А слева ещё хуже! Вон Сатанинский ядовитый гриб. А вон, полюбуйся, ядовитая Бледная поганка торчит! А это горький, как горчица, Жёлчный гриб! Вот какая компания в кузове собралась! А я что — хуже их? Я тоже поганка. Пустите меня к своим!

Полез Мухомор в кузовок, а поганки его не пускают.

— Братцы поганки! — завопил Мухомор. — Вы что, своих не признаёте? Чего вы пихаетесь? Это ж я, Мухомор! Бледная поганка, замолви словечко за родственника. Мы же с тобой друзья до гроба!

— Ну уж нет! — отвечает Бледная поганка. — И не подумаю! Полюбуйтесь на этого дурня в красной шапке. Да ещё и в белую крапинку. Тебя же любой грибник с первого взгляда узнает, сразу поймёт, что ты за фрукт! А из-за тебя и нас ещё из кузова вышвырнет.

— Жёлчный гриб, дружище, — кричит Мухомор, — хоть ты мне протяни руку! Ты поганка, и я поганка. Друг друга нам выручать надо!

— Была бы охота! — ворчит Жёлчный гриб. — Ты же, дуралей, все наши поганкины обычаи нарушил, всю нашу ядовитую семью подвёл. Ну чего ты в красную шапку вырядился? Разве настоящая поганка станет сама в глаза всем кидаться да в ногах путаться? Уж коли ты поганка, так хоть прикинься порядочным грибом, под съедобного замаскируйся. Бери, глупыш, с нас пример! Правду я говорю, гриб Сатанинский?

— Ты, Жёлчный гриб, — отвечает гриб Сатанинский, — прав, как всегда! Ты, Мухомор, нас знаешь: мы до мозга костей поганки! А взгляни на нас — по виду разве заметно? То-то вот и оно! Мы в чужую одежду стараемся нарядиться. Да не во всякую там одежду, а с выбором. Кто среди всех грибов самый образцовый и положительный? Конечно же Белый гриб — Боровик. Он во все блюда мастер: в жарено, варено и в маринад. Хоть соли его, хоть суши — он только лучше становится. Вот я, Сатанинский гриб, и гриб Жёлчный в его одежду и вырядились! Попробуй-ка нас различь с ходу! И пиджачок одинаковый, и шляпа похожа. Потому нас грибник и спутал. А тебя пусти — ты ведь нас с головой выдашь!

— Учись у меня, — хвалится ядовитая Бледная поганка. — Из всех поганок я самая ядовитая, прямо как змея! А по одеж-

ке — распрекраснейший и нежнейший гриб Шампиньон! Меня вон грибник-незнайка и не распознал, а тебя, дурня, за версту узнает!

Полез Мухомор опять в кузов, а его опять выпихнули.

— Значит, так и не пустите? — рассердился он.

— Так и не пустим! Лучше и не проси! — отвечают поганки.

— До трёх считаю: раз, два... — пригрозил Мухомор.

— Три, четыре... — издеваются поганки.

— Ну, поганки, держитесь! — заорал Мухомор. — Пеняйте на себя теперь! Я вас сейчас всех на чистую воду выведу! Все ваши приметы и хитрости грибникам выдам. «Мы — как белые! Мы — как шампиньоны!» Хоть вы и похожи, да не одно и то же! — И выволок из кузова грибы Жёлчный и Сатанинский, схватил их за шляпки и поставил рядом с Боровиком. — Смотрите все и запоминайте! По виду эти поганки и в самом деле похожи на гриб Боровик. Но если Сатанинскому надломить шляпку — вот так! — то на изломе она станет лиловатой, а если то же сделать с грибом Жёлчным — вот так! — то его шляпка на изломе станет розовой. Запомнили? А у тебя, благородный гриб Боровик?

— А у меня излом шляпки всегда белый! — ответил гордо гриб Боровик. И сам надломил себе шляпку. — Видели? Беленькая, чистенькая и не горькая!

А Мухомор не унимается:

— Теперь, Бледная поганка, твоя очередь! Становись рядышком с Шампиньоном. Сверху ты и впрямь на него похожа, а вот снизу — совсем другая! Какие у тебя пластинки под шляпкой? Белые, бледные. А у Шампиньона? А у Шампиньона они розоватые, а то буроватые. Вот и весь мой сказ! Кто там ещё в кузове прячется? Ага, ещё Ложный опёнок с Ложной лисичкой! Ну, эти обманщики не страшные, если их съедите — не отравитесь. Кыш по кустам!

Разогнал Мухомор всех поганок, посадил в кузовок гриб Боровик и гриб Шампиньон и говорит:

— Ну а меня-то вы уж ни с кем не спутаете! Как говорится — по Сеньке и шапка. И рад бы божьей коровкой прикинуться, да пятнышки выдают!

И снова под листок спрятался.

Вернулся грибник, взял свой кузовок и пошagal домой. Так ничего и не заметил. Вот растяпа!

ЛЕСНЫЕ СИЛАЧИ

Ударила первая капля дождя, и начались соревнования.

Соревновались трое: гриб Подосиновик, гриб Подберёзовик и гриб Моховик.

Первым выжимал вес Подберёзовик. Он поднимал листик берёзы и улитку.

Вторым номером был гриб Подосиновик. Он поднимал три листика осины и лягушонка.

Моховик был третьим. Он раззадорился, расхвастался. Раздвинул головой мох, полез под толстый сучок и стал выжимать. Жал-жал, жал-жал — не выжал. Только шляпку свою раздвоил: как заячья губа стала.

Победителем вышел Подосиновик.

Награда ему — алая шапка чемпиона.

ТАИНСТВЕННОЕ ОЗЕРО

Озеро это красивое и большое. Называется оно Городно. На нём много островов, полуостровов и заливов. А сколько разных мысов! Окуневый мыс, Долгий мыс, Перевозный мыс и даже Собачий.

Городно — капризное озеро. То тишь да гладь, и тогда все его острова и полуострова как бы повисают в млеющей дымке, отражаясь в зеркальной воде. То вдруг почернеет, взъярится, оскалится белыми гребешками, раскачает волну — и давай бухать в берега.

Хороши у озера берега: песчаные, каменистые, травяные. На берегах звонкие мачтовые сосны с зелёными парусами вершин.

Но главная прелесть озера в его таинственной необычности...

Странные события происходят в нём. Однажды вдруг все мысы его стали вытягиваться и подниматься из воды! Дальше — больше. За мысами стали расти острова. Они соединялись между собой, потом соединялись с берегом и превращались в полуострова. Тут и там

из воды, словно спины гигантских тюленей, стали всплывать новые острова, до этого никем не виданные.

Неудержимо стали расти пляжи. Самый большой пляж — Белые пески — был шириной в десять шагов. И вдруг стал в двадцать, потом в тридцать, сорок шагов! Изумлённые купальщики сперва радовались, а потом испугались: пляж вырос в десять раз и стал шириной в сто шагов!

А заливы стали исчезать. Там, где недавно кипели волны, стало вдруг сухо. Где плескались щуки и окуни, теперь бегали птицы и порхали бабочки.

У деревни подсохли мостки и причал. За водой для банек, некогда стоявших у самой воды, теперь приходилось бегать с вёдрами далеко. Вода уходила из озера, как из дырявой лоханки!

Уходила, уходила — да и ушла! От озера в девять километров осталась лужа метров на сто.

Обнаженное дно стало сохнуть и трескаться, словно торцовая мостовая. На другое лето всё дно заросло травой — превратилось в луг. На дне озера стали пасти лошадей, коров. Ещё через лето косари косили на дне траву. Посеяли на дне овёс. Превратилось озеро в поле. Накатали по дну дороги. Натоптали тропинки. По ним запылили телеги со снопами и сеном...

И стали уже забывать, что не так-то уж и давно над этими полями овса и пыльными дорогами качались челны рыбаков...

Но озеро напостило о себе. Маленькая, но глубокая лужа, что осталась от озера, как-то однажды вздулась, перелилась через край и поползла на берега! «Яма рыгнула» — так называют это местные жители. Впадающие в лужу ручьи вдруг повернули вспять. Стали тонуть луга; странно было видеть ромашки и колокольчики... под водой! И уже не бабочки порхали над ними, а серебристые рыбки. Тонуло жнивье — жители торопливо увозили с полей снопы. Утонули дороги. Утонули шалаши и копны сена. Горки снова превратились в острова. Полуострова отделялись от берега. Снова появились заливы. Мыски укорачивали носки, а пляжи сужались на глазах. Снова из края в край покатились по озеру синие волны, и над утонувшими дорогами и полями снова закачались челны.

А яма неистовствовала, яма гнала и гнала воду — «рыгала»! Гнала с такой же яростью, как когда-то её всасывала.

Вода подошла к порогам изб. Баньки очутились в воде. В баню приходилось теперь ездить на лодке, нагружая её дровами, тазами и вениками.

За долгую историю озера так бывало не раз. Вода то куда-то уходит, то откуда-то наливается. И вместе с водой, по неведомым подземным ходам и тоннелям, уходит и приходит рыба. И всё это через одну дыру в дне, «яму», как говорят местные жители, или «потор», «прорву», как говорят краеведы.

Ни один человек ещё не видел понора озера Городно. Ни один аквалангист не стоял на краю этой чёрной ямы. Никто не знает, куда ведут и где выходят наружу подземные карстовые ходы. И куда время от времени исчезает на год, на два, на три года огромное озеро со своей рыбой?

Туман лёг на воду. Не видно ни островов, ни берегов. Кричат в тумане гнусавые чайки. Туман. Тишина. И тайна...

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗВЕРЬ

Кошка ловит мышей, чайка ест рыбу, мухоловка — мух. Скажи, что ты ешь, и я скажу, кто ты.

И слышу я голосок:

— Угадай, кто я? Я ем жуков и муравьёв!

Я подумал и твёрдо сказал:

— Дятел!

— Вот и не угадал! Ещё я ем ос и шмелей!

— Ага! Ты птица-осоед!

— Не осоед! Ещё я ем гусениц и личинок.

— Гусениц и личинок любят дрозды.

— А я не дрозд! Ещё я грызу сброшенные лосями рога.

— Тогда ты, наверное, лесная мышь.

— И вовсе не мышь. Бывает, я сама ем даже мышей!

— Мышей? Тогда ты, конечно, кошка.

— То мышка, то кошка! И совсем ты не угадал.

— Покажись! — крикнул я. И стал вглядываться в тёмную ель, откуда слышался голосок.

— Покажусь. Только ты признай себя побеждённым.

— Рано! — ответил я.

— Иногда я ем ящериц. А изредка рыбу.

— Может, ты цапля?

— Не цапля. Я ловлю птенцов и таскаю из птичьих гнёзд яйца.

— Похоже, что ты куница.

— Не говори мне про куницу. Куница мой старый враг. А ем я ещё почки, орехи, семена ёлок и сосен, ягоды и грибы.

Я рассердился и крикнул:

— Скорей всего, ты — свинья! Ты лопаешь всё подряд. Ты одичавшая свинья, которая сгруппе забралась на ёлку!

— Сдаёшься? — спросил голосок.

Ветки качнулись, раздвинулись, и увидел я... белку!

— Запомни! — сказала она. — Кошки едят не только мышей, чайки ловят не только рыбу, мухоловки глотают не одних мух. А белки грызут не только орешки.

БАБОЧКИ

Бабочки только тогда живут, когда хорошо живётся. Чуть только им плохо — холодно, ветрено, сыро, — они обмирают. Впадают в особый сон: ничего не видят, не слышат, не

чувствуют. И тогда всё плохое и неприятное проходит мимо, будто и вовсе его нет. Нет в жизни бабочек дней тяжёлых и пасмурных — только светлые, тёплые, солнечные. Потому-то так беззаботно и весело порхают они над лугом.

ЗАДУМЧИВЫЙ ДЯТЕЛ

Было лето — и нет, загудел над лесами ветер. Солнце теперь появляется только вдруг, и тогда всё просияет! Блеснёт вода, блеснут склонённые травы — и воздух заструится блескучими паутинками.

В тёмном лесу сыро сейчас, а над лесом солнце и ветер. И чёрные ели, как вышки, торчат из багрового и золотого. И на каждой вышке белый сверкающий флаг — прицепились летучие паутинки.

На елях таких любит осенью сидеть дятел. Всё лето возился он в чапыге — сейчас захотел на простор.

С еловой вышки далеко видно. Над головой небо и облака. Горизонт как лиловое колесо.

А внизу, а внизу — даже в глазах рябит! И жёлтое там, как янтарная смола, и багряное, как закат, и зелёное, как предрассветное небо.

Всё лето дятел носом стучал: в барабан бил, дупло долбил, личинок выстукивал.

С рассвета до темноты, от зелёной зари до красной, некогда и вокруг посмотреть было. Всё заботы, заботы, заботы.

И вот сам себе голова.

Нет больше суеты у гнезда. Дятлята выросли и разлетелись.

Хорошо теперь просто так посидеть, вокруг посмотреть, послушать писк золотых паутинок.

Ветер уносит лето. Внизу уже осень. А вверху небо и облака. Далёкие-далёкие, как воспоминания...

КОЗОДОЙ

Назвали птицу козодоем, а она молока в рот не берёт! Осоед ос ест, овсянка овёс клюёт. Что правда, то правда. А вот козодой коз не доит.

Летать над стадом он любит. Бывает, покрикивает над стадом и в крылья, как в ладошки, похлопывает. Но это он не молока выпрашивает, просто жуков и бабочек ловит. Стадо испугивает их из травы, а он ловит. Рот у него большущий, словно сачок. Ловкий рот. Но коз он не доит. И не доил никогда.

...А всё равно козодой!

ПТИЧЬИ ПОСТЫ

Залетела осенью на нашу речку серая цапля. Стал я за ней охотиться. Да только время зря потерял.

Ноги у цапли высокие, шея длинная. Вытянется, жёлтым глазом с высоты поведёт — сразу увидит охотника. Днём от её глаз не спрячешься.

Стал я ночью счастье пытаться.

Я так думал: замечу с вечера, на какой речной косе цапля сядет на ночлег, и ночью, в темноте, подтаюсь к ней.

Лёг я с вечера на высокий берег и стал смотреть.

Вода в реке розовая, и сизый парок над ней шевелится. На розовом речная коса — как чёрный клин. И на самом острие клина — точка. Это цапля. Днём по такому открытому месту подобраться и не думай. Тут всё как на ладони. А вот ночью попробовать можно. По песку можно тихо пройти. Заблудиться негде — справа и слева вода. Прямо к цапле и выйду.

Солнце опустилось за лес. Река стала серой. Холодом потянуло. Жду. Вот и первые звёздочки на небе: одна, две, три... Пора! До полной темноты добрался я до кустов у основания косы.

Тишина. Слышно только, как вода под берегом бормочет да сердце моё стучит.

Постоял, отдышался, ружьё половчее перехватил: ни пуха ни пера!

Но только шагнул — хрустнула под сапогом сухая тростинка! Я замер. Но, кажется, обошлось. Только луговые коньки в тростнике услышали — перепискнулись. Коньков кулички слышали — ответили с косы тон-

ким куличным свистом. Ещё дальше селезень крякнул. И стихло всё.

Крадусь по песку чуть слышно.

Чувствую, что суживается клин косы всё больше и больше — всё громче бормочет вода справа и слева. И какой-то шорох — то ли ветерок, то ли птичьи крылья.

Стоп! Конец косы, самое остриё. А цапли нет!

Свечу фонариком: вот следы трёхпалые на песке, белые кляксы, пёрышко серое. Только что тут была!

Топчусь по песку на одном месте. Увидеть цапля меня не могла. Ночь — хоть глаз выколи. И услышать не могла. По песку я неслышно шёл, а что тростинка под сапогом хрустнула, так то полкилометра от цапли. Разве хруст тростинки за полкилометра слышен?

Тростинка... А зачем ей тростинка? Цапля другое услыхала!

Хрустнула тростинка — всё равно что сказала: «Враг!» Услыхали хруст только коньки в кустах. Услыхали и пискнули по-своему: «Враг! Враг!» Коньков кулики услыхали, по куличному свистнули: «Враг!» Куликов — утки. Утиный кряк услышала цапля. Все насторожились.

Я ещё далеко, а про меня уже все знают, все ждут. Не спят, прислушиваются, всматриваются.

Кулички крылышками прошумели — утки шеи вытянули: близко! Утки взлетели — цапля приготовилась. И улетела.

Вот что значит наступить на тростинку, когда вокруг тебя птичьи посты!

Хитрые птицы! На ночлег так садятся, чтобы их кто-нибудь да сторожил.

Коньков — тростинки сухие сторожат. Куликов — коньки. Уток — кулики. А цапля ночует посреди стаи уток. Попробуй-ка захвати таких врасплох!

Здóрово у птиц: всяк пищит за себя, а польза всем!

Так и не добыл я для музея цаплю. Не сумел перехитрить птиц.

ДУБ И ВЕТЕР

— Ну, Дуб, и вымахал же ты, братец, — чуть не до неба! Выше тебя в лесу и дерева нет. С чего это тебя так вытянуло?

— От любопытства, Ветер, от любопытства! Я страх какой любопытный! Помню, только ещё из жёлудя высунулся, траву вокруг увидел, а уж думаю про себя: «А что там, за травой, скрывается?» Вырос выше травы, кусты увидел и опять думаю: «А что там дальше, за кустами?» Ни днём ни ночью покою не было: так и хотелось узнать, что за низенькими деревцами, что за высокими? Всё тянулся да тянулся — эвон какой вымахал!

— Ну, теперь-то небось успокоился? Теперь-то всё вокруг видишь, всё вокруг знаешь?

— Где там успокоился! Разве всё увидишь да узнаешь? А вон там, за горизонтом, что?

А за горами, за морями? Эх, мне бы ещё подрасти да потом на цыпочки встать — хоть бы одним глазком туда заглянуть!

СОРОЧИЙ КЛАД

Клад я нашёл там, где кладу и должно быть, — в папоротнике. В сказках клад скрывается под цветущим папоротником. Мой папоротник не цвёл, да и не может папоротник цвести, но клад под ним сказочный. На чёрной земле, под зелёной замшелой корягой, лежали драгоценные камни, золото и серебро.

Когда солнце пробивалось сквозь резные листья, то золото становилось золотистее золота, серебро — серебристее серебра, а драгоценные камни горели ярче радуги. Несмотря на то что это было совсем и не золото, вовсе не серебро и тем более не драгоценные камни. На чёрной земле, под корягой, лежали цветные стекляшки, «золотые» и «серебряные» бумажки от конфет. Лежали пуговицы, бусинки, разноцветные камешки. И даже железный перочинный нож.

Это конечно же был чей-то клад. Какого-то жителя леса.

У жителей леса бывает гнездо или нора, где они растят детей. Бывает спальня, где они спят. Бывает, наконец, кладовая, где хранятся запасы еды. Но у них не бывает потайных сундуков с украшениями и безделушками.

Кому понадобился этот хлам? Ни съесть его, ни выпить, ни сделать подстилку.

Но кто-то живёт в этом овраге, кому дороги яркие никудышки.

Кто?

Ночью никто не пришёл. Мерцали в кустах гнилушки, уныло скулили комары да перешёптывались листья осины.

Днём проползла змея — чёрная с красным глазом.

Потом слышался шум — и выскочила сорока!

В клюве она держала ложку.

Знакомая ручная сорока. Она жила у соседей.

Вот чей это тайник.

Не гнездо, не спальня, не кладовая, а шкапулка с яркими безделушками!

Я попробовал взять — она подняла крик.

Тогда я взял только ножик и ложку. Остальное оставил сороке. Мне стекляшек не нужно. Но зачем всё это ей?

ДЕЖУРНЫЙ

Поле пшеницы на вырубке так и мозолит всем глаза, так и щекочет всем носы. Хозяин поля знает про это и отваживает любителей вершков как умеет. Против кабанов он выставил колотушки. Вода из ручейка крутит колёсико с лопастями, колёсико поднимает

лёгкие молоточки, и те всю ночь без перерыва стучат по звонкой железке. Против птиц поставлено чучело. Чучело размахивает на ветру лоскутами растопыренных рукавов. Кабаны и птицы обходят и облетают поле сторонкой. А вот полёвки и мыши ничего не боятся: ни колушек, ни чучела. Они валят пшеницу, подгрызая стебель зубами, и растаскивают колосья по норам. И ничего с ними не сделать. Хозяин только сердито бормочет и грозит кулаком.

Так, наверное, и растащили бы мыши всю пшеницу по колоскам, если бы не желтоглазый сыч. Сыч встал на караул. Лишь только зарозовеет заря — он уже торопится на дежурство. Мягко опустится чучелу на голову, потопчется, переминаясь с лапы на лапу, усядется поудобней и притихнет. И кажется со стороны, что сыч уснул. А он в два глаза смотрит и в два уха слушает. Полёвка ли чуть качнёт колосок, мышь ли едва слышно пискнет — сыч мигом взлетит. И неслышно, как лоскут мягкой тряпки, накроет воришку.

Дежурит сыч каждую ночь. Стоит на посту, не смыкая глаз. Хозяин на него не нарадуется. И сыч доволен.

СЕРАЯ ЦАПЛЯ

Странный случай произошёл со мной на охоте у Ленкорани.

Рано утром я шёл по обочине залитого водой рисового поля. Вдруг из-за кустов еже-

вичника, углом вдающихся в это поле, взлетела серая цапля. Видно, до этого она была чем-то сильно занята, прозевала мой подход и теперь поспешно била большими крыльями, стремясь как можно скорей улететь. Она была так близко, что я видел её испуганный глаз, косящий на меня через плечо, и мокрые длинные ноги, с которых стекала вода.

Мне нужна была цапля для музея. Чтобы не разбить зарядом птицу, я отпустил её в меру, выстрелил, и цапля, свесив длинную шею, плюхнулась в воду. Когда я подошёл, птица была уже мертва, только шея её длинная конвульсивно изгибалась.

Я спешил; подняв цаплю за длинные ноги, я запихнул её в рюкзак и зашагал дальше.

Вышло так, что отдыхать я сел только в полдень.

Сунул я руку в рюкзак, чтобы вытащить свёрток с едой, но рука вдруг наткнулась на что-то живое! Это «что-то» было холодное, но я отдёрнул руку так быстро, будто обжёгся.

В рюкзаке была змея! Я вытряхнул змею из мешка, и она быстро уползла, шевеля траву. Это был пятнистый водяной уж.

Вот загадка, ведь рюкзак-то весь день был у меня на спине. Может, змея упала с дерева и случайно угодила в мешок?

Здесь змеи иногда заползают на деревья и нередко падают оттуда, шлёпаясь о землю.

Но ведь рюкзак мой был завязан!

И вдруг я вспомнил, как странно шевелилась и изгибалась шея убитой мной цапли!..

Так вот оно что! Цапля поймала змею, проглотила её, да не совсем — я ей помешал. В рюкзаке змея выползла из цаплиного горла и уютно пригрелась на моей разгорячённой спине.

Я часто видел, как цапли ловят змей на рисовых полях. Схватив змею за хвост, цапля вскидывает шею, взмахивает змеёй, как кнутом, и, широко разинув клюв, отправляет её в глотку. Но как только цапля опустит голову за новой добычей, змея выскальзывает у неё из клюва. Цапля опять хватает её за хвост, глотает — и всё начинается сначала. Старые цапли хитрей: они сперва оглушают змею ударами клюва и уже тогда глотают.

Убитая мной цапля была совсем молодая и, значит, ещё не научилась убивать змей, прежде чем их съесть. И не научилась бояться человека. Ей не пришлось поумнеть.

Зато я стал немножко опытнее и осторожнее.

ЖАБИЙ КОРОЛЬ

Царевну-лягушку на белой кувшинке я и раньше встречал. А теперь повстречал и жабьего короля! С белым пушистым пером на голове.

Король прыгал, и белое перо-султан мелькало в сумеречной траве. А когда голый король шагал раскорякой на своих четырёх кривых лапках, перо виляло из стороны в сторону, словно веер. Перо ему было к лицу. Белый сул-

тан на бугристой короне. Прямо над бессмысленным золотым глазом. Совершенно непонятный и необъяснимый. Даже сказочный.

Непонятный и необъяснимый... если бы рядом не стоял курятник! Из него-то жаба и выползла. Там-то и прилипло к её голове пушистое куриное пёрышко.

ЗВЕРИНАЯ БАНЯ

Дикие звери тоже в баню ходят. И больше всех любят бегать в баню... дикие свиньи! Баня у них простая: без жара, без мыла, даже без горячей воды. Всего-навсего одна ванна — лунка в земле. В лунке — вода болотная. Вместо мыльной пены — жижа. Вместо мочалки — пучки старой травы и мха. Вас бы в такую «баню» и не заманить. А кабаны так и лезут. Вот до чего баню любят!

Но ходят кабаны в баню совсем не затем, зачем ходим мы. Мы зачем в баню ходим? Мыться. А кабаны ходят... пачкаться! Мы грязь с себя мочалкой смываем, а кабаны нарочно грязь на себя намазывают. И чем больше вымажутся, тем хрюкают веселей. И после своей свиной бани они в сто раз грязнее, чем до неё. И рады-радёшеньки! Уж теперь-то сквозь грязевой панцирь никакие кусаки до их шкуры не доберутся: ни комары, ни москиты, ни слепни. Щетина у них летом редкая, вот они и намазываются. Выкатаются, вымажутся — и не почешутся!

В КОНЦЕ ТАИНСТВЕННОГО СЛЕДА...

Сверху озерко с песчаным пляжем казалось голубым блюдечком с золотой каёмочкой. Не бороздили воду рыбацьи лодки, и не топтали песок грубые ребячьи сапоги. Безлюдно вокруг. А там, где безлюдно, там всегда многоптично и многозверно.

Я приходил к озерку смотреть звериные росписи на песке. Кто был, что делал, куда ушёл?

Вот лиса воду лакала, ножки намочила.

Зайчишка на плюшевых лапках проковылял.

А вот след со звериными когтями и утиными перепонками — это выдра из воды вылезла.

Знакомые следы знакомых зверей.

И вдруг следок незнакомый! Бороздки и двоеточия: то ли зверёк, то ли птица, то ли ещё кто? Пересёк след песок и исчез в кустах.

Вот ещё непонятный след — бороздка протянулась из кустов и пропала в траве.

Следы, следы — незнакомые следы незнакомых жителей берега.

Кто там, в конце этих бороздок, двоеточий, чёрточек? Скачет он, ползёт или бежит? Чем покрыто его тело — перьями, шерстью или чешуёй?

Ничего не известно.

И потому интересно.

Потому я и люблю приходить на безлюдный бережок озера, похожего на голубое блюдечко с золотистой каёмочкой.

ВЫЕДЕННОЕ ЯЙЦО

Хочешь жить — мух лови. Хочешь муху поймать — сеть плети. Паучишка только тем и занят, что сети плетёт. А это ой как не просто!

Сплёл между деревьями — ветер сеть разметал. Сплёл между кустами — роса на сеть осела, все нити порвала. Соткал сеть внизу, между травинок, — и тут не уцелела! Ёжик бежал, колючками зацепил, сеть порвал и самого чуть не заколол.

Другой бы, может, после таких бед вовсе перестал бы сети плести. А паучишке что делать? Хочешь жить — мух лови. Хочешь муху поймать — сети плети.

Опустился паучишка на самую землю и поселился... в пустом птичьем яйце! Ворона яйцо расклевала, белок и желток выпила, а пустую скорлупку бросила. Вот дом так дом — всем домам дом!

Ветер не дует, дождик не мочит, птицы и звери внимания не обращают: кому выеденное яйцо надо? Паучишка и рад: не мешают дело делать, сеть серебряную плести, мух сетью ловить.

БАБОЧКА И СОЛНЦЕ

Жила-была на лесной поляне бабочка. Крылышки у бабочки яркие, как цветочные лепестки. Все любовались ими. Умела бабоч-

ка себя показать: крылышки всегда держала вразлёт.

Но появилась в лесу птица-мухоловка. Она села на сухой сучок и стала высматривать.

Бабочку мухоловка не трогала. Это была простая серая мухоловка, которая ловит только мух. Но бабочка на всякий случай перестала раскрывать яркие крылышки. Она стала складывать их так, что из двух ярких крылышек получался один бурый листик.

Подолгу сидела бабочка неподвижно, изо всех сил стараясь быть похожей на простой привялый листок.

Так бабочка стала бояться самой себя.

Но однажды, к своему ужасу, бабочка заметила, что от её сложенных крылышек на земле видна тень. У бабочки задрожали усики-сяжки. Бочком, бочком стала она поворачиваться головой к солнцу, чтобы тень свою спрятать под брюшко. С этого дня бабочка стала бояться не только своей красоты, но и собственной тени. И солнце ей не в радость. Бабочка стала самым пугливым существом на свете.

Замечали вы это? Только когда вокруг нет никого, бабочки становятся сами собой, раскрывают крылышки и радуются солнцу. А чуть что — нет их. Одни сухие листики.

КРАПИВНОЕ СЧАСТЬЕ

Выросла на краю поляны Крапива. Поднялась над травами и смутилась. Цветы вокруг

красивые и душистые, ягоды вкусные. Одна она бесталанная: ни вкуса приятного, ни яркого цвета, ни сладкого запаха!

И вдруг слышит Крапива:

— Не велико счастье красивым-то быть! Кто ни увидит — сорвёт... — Это белые ромашки прошептали.

— Думаете, душистым быть лучше? Как бы не так! — прошелестел Шиповник.

— Хуже всего быть вкусной! — покачала головкой Земляника. — Всяк съесть норовит.

— Вот так так! — удивилась Крапива. — Выходит, что самая счастливая тут я? Меня ведь никто не трогает: не нюхает, не срывает.

— Мы завидуем твоей спокойной жизни! — хором пропели цветы и ягоды.

— Как я рада, как я счастлива! — крикнула Крапива. — Как мне хорошо, — добавила она задумчиво. — Расту — не обращают внимания, цвету — не нюхают, засохну — и не вспомнят...

И вдруг Крапива всхлипнула:

— Будто меня и не было совсем, будто я и не жила! Пропади пропадом такое крапивное счастье!

Цветы и ягоды внимательно слушали Крапиву. И больше никогда не жаловались на свою беспокойную жизнь.

Сентябрь

Сыплет осенний нудный дождь. До листика вымокли кусты и деревья. Лес притих и насупился.

И вдруг осеннюю тишину нарушает ярое, прямо весеннее бормотание тетерева!

Певчий дрозд откликнулся — просвистел свою песню.

Затенькала птичка-капелька — пеночка-теньковка.

И на опушке, и в глубине леса слышались птичьи голоса. Это прощальные песни птиц. Но и в прощальных песнях слышится радость.

Странный в сентябре лес — в нём рядом весна и осень.

Жёлтый лист и зелёная травинка.

Поблёкшие травы и зацветающие цветы.

Сверкающий иней и бабочки.

Тёплое солнце и холодный ветер.

Увядание и расцвет.

Песни и тишина.

И грустно и радостно!

ОСЕНЬ НА ПОРОГЕ

— Жители леса! — закричал раз утром мудрый Ворон. — Осень у лесного порога, все ли к её приходу готовы?

Как эхо, донеслись голоса из леса:

— Готовы, готовы, готовы...

— А вот мы сейчас проверим! — каркнул Ворон. — Перво-наперво осень холоду в лес напустит — что делать станете?

Откликнулись звери:

— Мы, белки, зайцы, лисицы, в зимние шубы переоденемся!

— Мы, барсуки, еноты, в тёплые норы спрячемся!

— Мы, ежи, летучие мыши, сном беспробудным уснём!

Откликнулись птицы:

— Мы, перелётные, в тёплые края улетим!

— Мы, осёдлые, пуховые телогрейки наденем!

— Вторым делом, — Ворон кричит, — осень листья с деревьев сдирать начнёт!

— Пусть сдирает! — откликнулись птицы. — Ягоды видней будут!

— Пусть сдирает! — откликнулись звери. — Тише в лесу станет!

— Третьим делом, — не унимается Ворон, — осень последних насекомых морозцем прищёлкнет!

Откликнулись птицы:

— А мы, дрозды, на рябину навалимся!

— А мы, дятлы, шишки начнём шелушить!

— А мы, щеглы, за сорняки примемся!

Откликнулись звери:

— А нам без мух-комаров спать будет спокойней!

— Четвёртым делом, — гудит Ворон, — осень скукою донимать станет! Туч мрачных нагонит, дождей нудных напустит, тоскливые ветры науськает. День укоротит, солнце за пазуху спрячет!

— Пусть себе донимает! — дружно откликнулись птицы и звери. — Нас скукою не проймёшь! Что нам дожди и ветры, когда мы в меховых шубах и пуховых телогрейках! Будем сытыми — не заскучаем!

Хотел мудрый Ворон ещё что-то спросить, да махнул крылом и взлетел.

Летит, а под ним лес, разноцветный, пёстрый — осенний.

Осень уже перешагнула через порог. Но никого нисколько не напугала.

НА ВЕЛИКОМ ПУТИ

Спешили мы до ночи в лес попасть — не успели. Заночевали в поле. Палатку привязали к телефонному столбу. Потому что тучи на небе кипят: быть буре! И только устроились — задуло.

Стенки палатки напружинились и загудели. Загудели и провода над головой. Страшно в такую ночь в голой степи.

Гудит вокруг, ревёт, свистит, воет.

И вдруг слышим голоса! Станные голоса. Будто кто-то вздыхает тяжело: «Ох! Ох! Ох!» А другой подгоняет сердито: «Но! Но! Но!»

Выбрался из палатки. Как в чёрный водоворот нырнул: крутит, толкает, не даёт дышать. Но всё же разобрал — голоса-то с неба! Птицы кричат.

Летят птицы на юг и вот кричат в темноте, чтобы не потерять друг друга.

Большие и сильные высоко летят. А мелюзга разная — голосишки пискливые, крылышки мокрые дребезжат! — над самой землёй мчат. Гонит их вихрь, как сорванные листья. Не разобрать по голосам — что за птицы? На пролёте птицы кричат особыми, «дорожными» голосами, непохожими на их всегдашний зов.

Всю ночь рвал палатку ветер. Гудели провода. И кричали в темноте птицы.

А утром тишина. Ни туч, ни ветра. Солнышко проглядывает. А ничего живого не видно.

Вот только лисичка вдоль столбов бежит. Да чудная какая-то — бежит и кланяется! Пробежит — поклонится, пробежит — поклонится. Поклон — носом до земли.

До нас добежала — стоп! Пастишку разинула, вильнула да так по земле пошла, что кажется — над землёй полетела!

А когда вильнула, выронила из пастишки чёрный комочек. Пошёл я посмотреть. И вижу — птичка! А дальше под проводами ещё. Ночью о провода побились!

Так вот почему кланялась лисичка! Каждой мёртвой пичужке — лисий поклон.

Сколько тут птиц! Рыжегрудые зорянки упали на сухой бурьян, и бурьян расцвёл оранжевыми цветами. Куличок угодил в лужу — заломившееся крылышко торчит вверх. Гонит ветер мёртвого куличка, как лодочку под парусом.

У лужи — каменка. Тонкие пальчики стиснуты в кулачки, видно, от боли...

Далёк, далёк и труден птичий путь. Много ещё птиц потеряется в темноте и не откликнется на зов пролетающих стай. Много попадёт в зубы лисиц и когти ястребов. Но ещё больше долетят.

Обязательно долетят.

Счастливого им пути!

ПАУЧОК

С дерева спускался на паутинке паучок. Да ловко так: выпускал паутинку и на ней, как на канате, спускался всё ниже и ниже. Я подошёл, чтобы лучше разглядеть этого акробата. Зацепил пальцем паутинную ниточку повыше паука, покачал паука в воздухе, как бумажный мяч «раскидай» на резинке, и стал поднимать поближе к глазам. Да не тут-то было!

Тяну паука за паутинку вверх, а он паутинку разматывает и опускается вниз. Я быстрее тяну — он быстрее разматывает. Я руками перебираю, только пальцы мелькают, а он паутину выпускает и скользит вниз. Как будто я катушку за нитку тяну вверх: тяну, тяну, нитка разматывается, а катушка — ни с места. Крутится, вертится, а вверх ни на сантиметр!

Изо всех сил тяну, а паучок всё равно вниз!

И тут подумал я, что этак я паука, как катушку с нитками, до конца размотаю! Ведь иссякнет же он когда-нибудь, будет же конец его паутине? Разматывается весь на паутину — тут ему и конец. За что же беднягу так?

Оборвал я паутинную нить, пустил паука на землю. Помчался он со всех своих восьми ног. Здо́рово так, сразу видно, что не весь ещё вымотался. Осталось ещё паутины на сеть — комаров ловить. Пусть ловит: кусаются комары здо́рово!

ВРЕМЯ

Никогда я раньше не думал о времени. Идёт оно неслышно, течёт невидно. Час за часом, день за днём. Смотришь, уж и суббота, а там воскресенье. Ну и хорошо, что суббота и воскресенье!

Смотреть на часы или заглядывать в календарь — это ещё не значит понимать время.

Думать о времени меня научили... мыши и дятлы.

Встречаю я их в лесу весь год. Вся их жизнь на моих глазах.

У птиц и зверюшек тоже есть свои причуды. Вот мышь-полёвка. Эта до невозможности чистоплотная. Моется после еды и перед едой, моется перед сном и после сна. Зевнёт — помоемся, чихнёт — помоемся, почешется — помоемся. После игры моется, после драки моется. В жару моется, в холод моется. Вымоется и помоемся.

Или летучая мышь. Эта любит поспать. Всю зиму спит беспробудно — сразу полгода! Потом от восхода до заката спит. А по ночам как повезёт: чуть дождь — спит, ветер — спит, холодно — спит. Выспится и дремлет.

Ну а дятлы — работяги. Уткнутся носом в дерево и долбят. Зима ли, лето — долбят. От зари до зари. В вёдро и в непогоду. Круглый год; как только носы не ломают!

Одни моются, другие спят, третьи долбят. Час за часом, день за днём. Так незаметно, а

если прикинуть? И выйдет, что полёвка полжизни моется, дятел три четверти жизни долбит, а летучая мышь живёт только двадцатую часть своей мышиной жизни — остальное время спит!

Заставили меня мыши время считать. А вдруг и я только и делаю, что сплю да долблю. И очень просто!

ПТИЦЫ

Улетят осенью птицы — пустынные станут леса. А вернутся весной — и снова жизнь переливается через вершины. И как удивительна эта жизнь, перелетающая на крыльях!

Шумное, пёстрое облако жизни кочует по нашей Земле. То оно тут, у нас, — и леса наши переполнены щебетом, свистом и пискom. То оно где-то там, за морями и за горами, — и леса наши пусты и глухи. И мы тоскуем и ждём, мы ругаем себя, что не наслушались летом про запас птичьих песен и голосов.

Но приходит пора, и волна жизни снова выплёскивается в наши леса.

Волны птиц — как в прилив и отлив: то накатятся, то отхлынут. И у живого этого моря тоже есть свои берега. Эти тучи живые, как настоящие тучи, то рассеиваются и редуют, подобно туману, то сгущаются и темнеют, как гроззовые облака. А вдруг оно, это облако, однажды высохнет и испарится? Ведь рассеиваются же настоящие облака!

И мне становится жутко. Мы привыкли, что каждую весну сама собой накатывается волна. А вдруг однажды прилива не станет? Всё ли мы делаем, чтобы облако не редело? А вдруг мы что-то не поняли и не успели?

Кочуют над Землёй облака жизни. Чистое ли над ними небо? Приветлива ли под ними Земля?

БЕЛКИН МУХОМОР

Зима для зверей — время суровое. Все к ней готовятся. Медведь и барсук сало нагуливают, бурундук орехи кедровые запасаает, белка — грибы. И всё, казалось бы, тут понятно и просто: и сало, и грибы, и орехи ой как зимой пригодятся!

Просто совсем, да не со всеми!

Вот, например, белка. Сушит она осенью на сучках грибы: сыроежки, опята, моховики. Грибы все хорошие и съедобные. Но вот среди хороших и съедобных находишь вдруг... мухомор! Наткнут на сучок — красный, в белую крапинку. Для чего белке мухомор ядовитый?

Может, молодые белки по незнанию мухоморы сушат? Может, когда поумнеют, их не едят? Может, сухой мухомор становится неядовитым? А может, мухомор сушёный для них что-то вроде лекарства?

Много разных предположений, а точной отгадки нет. Вот бы всё разузнать и проверить!

КРЫЛАТАЯ ТЕНЬ

Он появляется там, где случилось несчастье. Медленно тянет он в вышине, а за ним по земле ползёт его тёмная тень.

Ночью накатывал ветер тяжёлые валы, утром на берегу задыхались рыбы. Над берегом медленно плыла тёмная птица.

Днём мчались по шоссе машины, давя неосторожных лягушек и змей. И над шоссе пролетала мрачная птица.

Вечером торопились на юг перелётные птицы. Налетали в сумерках на невидимые провода и падали вниз с перебитыми крыльями. А чуть свет вдоль проводов летел он — чёрный коршун.

Где беда — там и он.

На берегу, на шоссе, под проводами ждёт богатая добыча. Он знает, где искать!

Всегда он появлялся вовремя. Он не тронет здоровых и сильных: зачем рисковать? Он хватает малых и слабых. Безошибочно узнаёт больных и неловких. Подбирает раненых и убитых. Если надо, он умеет терпеливо ждать.

Как его ненавидят!

Его гонят все кто может. Слабые собираются в стайки и мстят. С криком, с клевками бросаются на него ласточки и трясогузки. Им помогают соколки и вороны. Ведь когда-то и они станут старыми и слабыми — придёт их черёд.

Вот опять он тянется над лесом: большой, неуклюжий, трусливый. Куда торопится его чёрная тень? Кому его крылья сегодня закроют солнце?

СОВА, КОТОРУЮ ПОЗАБЫЛИ

У знакомого моего жила сова-сплюшка. Она так долго жила у него, что стала совсем ручной. Больше всего любила она сидеть неподвижно и дремать. Если её сажали на раму картины, она сидела на раме. Сажали на этажерку — сидела на этажерке.

Незнакомые люди часто принимали её за чучело. Да что незнакомые, даже свои, стирая пыль с вещей на этажерке, часто машинально обтирали тряпочкой и её...

Сплюшка умудрялась спокойно сидеть на руле мотоцикла или велосипеда — и тогда все принимали её за тряпичный талисман, которые так любят вешать на руль мотоциклисты и велосипедисты.

Брали её с собой и в лес, когда выезжали за город. Сажали на сучок, но она не оживлялась и на сучке. Сидела и дремала, полузакрыв влажные свои глаза.

Она забыла лес. Она всё позабыла. Сидела и ждала, когда её угостят.

А сколько раз её где-нибудь забывали! Приедут домой, спохватятся, а сплюшки-то и нет! Вернутся в лес — сидит сплюшка там, где её забыли!

Вот какой она стала ручной и домашней.

Однажды её опять забыли. И забыли, где подзабыли. Поездили, искали — да и махнули рукой. А она, может, и сейчас ещё там сидит...

ХИТРЫЙ ОДУВАНЧИК

Говорят, хитрей лисицы и зверя нет. Зверя, может, и нет, а вот одуванчик хитрее лисы! На вид простак простаком. А на деле себе на уме. Страсть хитрый!

Холодно весной, голодно. Все цветы в земле сиднем сидят, ждут своего тёплого часа. А одуванчик уже зацвёл! Лучится, как ясное солнышко. С осени он в корнях еду припас; всех обскакал. Спешат на его цветы насекомые. Ему и ладно: пусть опыляют.

Завяжутся семена, одуванчик бутон закроет и, как колыбельку с близнецами, тихо опустит бутон вниз. Малышам ведь нужны покой и тепло: пусть набирают сил, лёжа спокойненько на земле в тёплой люльке.

А подрастут малыши, вырастут у них крылья-летучки — пора в путь-дорогу, на новые земли, в зелёные дали. Теперь им высота нужна, нужен простор и ветер. И одуванчик снова поднимает свой стебель, выпрямляет его, как стрелу, выше всяких ветрениц, кошачьих лапок, мокриц и травок-купавок.

Разлетайтесь и прорастайте!

Лисице что: у неё четыре ноги, острые зубы.

И лисенят всего пяток. Попробовала бы она вырастить сотню детишек, когда вместо ног только корень, а вместо зубов — стебель да лист. Ни убежать, ни спрятаться, ни увернуться. Букашка и та грозит. Вот и хитрит одуванчик, не сходя с места.

И ничего — процветает.

ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

— Слепые мои глаза, глупая моя голова, глухие мои уши! — причитал Медведь, в отчаянии мотая башкой.

— Странно сильного видеть в слабости! — буркнул головастый Филин. — Что с тобой случилось, Медведь?

— Не спрашивай, Филин, не бреди рану! Один я остался в несчастье и горе. Где мои верные друзья и товарищи?

Филин хоть и страшноватый на вид, но сердце у него отзывчивое. Говорит он Медведю:

— Поделись, Миша, бедой. Может, и полегчает.

Раньше бы Медведь на Филина и не взглянул, а теперь, как один остался, снизошёл.

— Ты, — говорит, — меня знаешь. Я самый сильный в лесу. И было у меня много друзей. Куда ни повернусь — все в глаза заглядывали. И вдруг сразу ни одного! Как ветром сдуло.

— Странно, Медведь, очень странно, — сочувствует Филин.

— А уж обидно-то как! Раньше, бывало, Сорока чуть свет все лесные новости на хвосте приносила. Вороны про мою силу и щедрость на весь лес каркали. Мыши пятки во сне щеко-тали. Комары хвалебные песни трубили. И вот никого...

— И все верные друзья были? — Филин выпрашивает.

— Закадычные друзья-товарищи! — прослезился Медведь. — Как начнут наперебой: «Ты у нас самый умный, ты у нас самый добрый, самый сильный и самый красивый!» Сердце пело! А теперь разбежались...

— Ну не надо, не надо! — заморгал Филин. — Не убивайся уж так! Назови-ка мне своих лучших друзей, может, что и узнаю.

— Называл уже: Ворон, Сорока и Мышка. Где вы?..

— Хоть меня ты в друзьях и не числишь, — обещает Филин, — но послужу я тебе подружески. Отыщу всех, порасспрашиваю. А ты меня тут жди!

Взмахнул Филин широкими мягкими крыльями и бесшумно взлетел. Замелькала его тень по кустам и деревьям. И сам несётся как тень: ветки не заденет, крылом не скрипнет. Два оранжевых глаза глядят пронзительно. Сразу Сороку увидели.

— Эй, Сорока, ты с Медведем дружила?

— Мало ли с кем я дружила... — осторожно отвечает Сорока.

— А что ж теперь его позабыла и бросила?

— Мало ли кого я бросаю и забываю...

А Медведь сам виноват! Я ведь не простой друг, а друг доверительный. Доверяла ему все секреты. Сообщала, где овца захромала и от стада отбилась, в каком дупле пчёлы мёд спрятали, когда рыба на нерест косяками пошла. Медведь, бывало, распорядится по-своему, по-медвежьи, глядишь — и мне перепадёт что-нибудь. А теперь его охотники из нашего леса угнали. С глаз долой — из сердца вон!

Полетел Филин дальше. На лесной опушке увидел Ворона.

— Здравствуй, Ворон! Что ж ты с Медведем дружить перестал?

— Это с каким? Которого охотники из нашего леса прогнали? А для чего он мне теперь? Я ведь не простой друг, а друг обеденный. Бывало, после Медведя и мне косточки оставались. А теперь небось другим достаются. Пусть другие и каркают про него. А мне некогда: я себе другого медведя ищу!

Полетел Филин дальше.

Мышь он, хоть и привычное дело, увидел не сразу: уж очень та ловко пряталась.

— Эй, Мышь, ты ли это?

— Не я, не я! — пискнула Мышь.

— Да не бойся ты, не отказывайся сама от себя! Мне только спросить: ты почему пятки Медведю щекотать перестала?

Опомнилась Мышка, заверещала:

— Как же мне щекотать их, если Медведь из нашего леса ноги унёс? Пятачки только сверкали! Комарам и тем не догнать было. Мы теперь Лосю служим. Комары кровь со-

сут, я линючую шерсть для гнезда собираю. Звон за кровь, шерсть за щекотку. Мы друзья расчётливые. Друг-то друг, да не будь и сам глуп!

— Живи пока, — буркнул Филин. — Жаль, что мне некогда... — И поспешил к Медведю.

— Ты ли, Филин! — обрадовался Медведь. — Не томи, что с друзьями случилось?

— Нет у тебя больше друзей! — говорит Филин. — Да и не было никогда!

— Как же так, а Сорока, а Ворон?

— Друг — когда просто друг. А эти...

— Понятно: беда в дверь, а друзья за дверь! Все двуличные, все ничтожные. Негодяи! А-а-а! У-у-у!

А Филин не успокаивает, Филин думает. И говорит:

— Сдаётся мне, что у вас, медведей, других друзей и быть-то не может. Не друзья вам нужны, а угодники. Уж больно вы, медведи, на похвалу слабы. «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты!» Ты, Медведь, тоже Мышь. Только сильная.

Медведь заворчал сердито, скосил страшный глаз, стал кору когтями драть. Но Филин уже не смотрел на него. Филин опять думал.

«Верный друг познаётся в беде, — думал Филин. — Друг в ногах не валяется. Давным-давно это сказано, а вот поди ж ты...»

— Слушай, Медведь! — сказал Филин. — Скажу понятную тебе примету на друга: «Не тот друг, кто мёдом мажет, а тот, кто правду скажет». Понял?

— Ещё бы! — обрадовался Медведь. — Мёд, медок, медовуха... Слаще любой правды!

«Не понял, — сказал про себя Филин. И устало закрыл глаза. — Медведь...»

ЛЕСНЫЕ ШОРОХИ

Л о с ё н о к и В о р о н

— Ой, Ворон, Ворон, посмотри-ка скорей в лужу: что там за пугало отражается? Ну и ну! Ноги — жерди, уши — лопухи, а нос-то, нос — словно тыква! Вот так зверь! Как такого уroda земля держит!

— А это, Лосёнок, тебя надо спросить. В луже-то, голубчик, ты отражаешься. Собственной персоной! От ушей до копыт!

О д у в а н ч и к и Д о ж д ь

— Ура! Караул! Ура! Караул!

— Что с тобой, Одуванчик? Уж не заболел ли? Ишь жёлтый весь! Чего ты то «ура», то «караул» кричишь?

— Закричишь тут!.. Корни мои рады тебе, Дождю, радёшеньки, всё «ура» кричат, а цветок «караул» кричит — боится, что пыльцу испортишь. Вот я и растерялся — ура, караул, ура, караул!

К о р о л ё к и П а у к

— Э-э, Паук, да у тебя праздник! Вся паутина в росе. Иллюминация и фейерверк! Вот небось радости-то!

— Меняю всё это сверкание на одну муху! Третий день из-за этой иллюминации комаришки во рту не было. Паутина отсырела. Сети рвутся. Сам окоченел. Ещё день так пропраздную — и готово: закрою все восемь своих глаз, все восемь ног протяну!

К о л ю ш к а и У к л е й к а

— Ну и влипли мы с тобой в историю, Уклейка!

— Ох и не говори! Прямо рыболову в ведёрко угодили. У меня от испуга даже спинка побледнела!

— А у меня от злости живот покраснел!

К у р о п а т к а и К л ю к в а

— Батюшки, вот так Клюква-ягода! Щёки-то, щёки какие! Красные, блестящие — так вся и сияет!

— Вот и сияю — мой черёд настал! Раньше только и слышно в лесу: ах, земляника, ох, черника, ух, малина! А теперь, осенью, я самая главная ягода. Я, Клюква болотная!

С о р о к а и О с е н ь

— Слыхала, Осень, что Лебедь, Рак и Щука сговорились тебя из леса прогнать? Пусть только нос сунет, хвалились, мы-де ей покажем, где раки зимуют!

— Э-э, Сорока, не первый год они мне грозят! Сговариваются, а как приду, так кто куда: Лебедь — в облака да на юг, Рак упя-

тится в нору, а Щука спрячется в глубину.
И до весны о них ни слуху ни духу!

О с о е д и З м е е е д

— Знаешь, Осоед, а ведь мы с тобой, брат, герои!

— Какие там, Змееед, герои — птицы как птицы!

— Ну не скажи! Все от змей да ос в кусты шарахаются, а мы с тобой уплетаем их за обе щеки и даже не вздрагиваем. Геройские мы, брат, с тобой едоки!

К т о к а к с п и т

— Ты, Заяц, как спишь?

— Как положено — лёжа.

— А ты, Тетёрка, как?

— А я сидя.

— А ты, Цапля?

— А я стоя.

— Выходит, друзья, что я, Летучая мышь, ловчее всех вас сплю, удобнее всех отдыхаю!

— А как же ты, Летучая мышь, спишь-отдыхаешь?

— Да вниз головой...

Октябрь

Всё лето листья подставляли солнцу свои ладошки и щёчки, спинки и животики. И до того налились и пропитались солнцем, что к осени сами стали как солнышки — багряными и золотыми.

Налились, отяжелели — и потекли.

Полетели иволгами по ветру. Запрыгали белками по сучкам. Понеслись куницами по земле.

Зашумел в лесу золотой дождь.

Капля по листику щёлкнет — сорвётся лист. Синицы на ветке завосятся — брызнут листья по сторонам. Ветер вдруг налетит — закружится пёстрый смерч. А если тяжёлый

косач с лёту вломится в ветви — хлынет сверкающий водопад.

По колено в листьях деревья стоят.

Ёлочки листьями украсились.

Папоротники под листьями пригрелись.

Грибы под листьями спрятались.

Листья шуршат, скребутся, лопочут. Листья летят, скачут, плывут. Листья качаются на паутинках. Листья вверху, внизу и вокруг.

Шумит золотой дождь.

ШВЕЙНЯ

Зима на носу, майку на шубу пора менять, босоножки — на валенки. Задумались звери: где шубу достать? А Лисица тут как тут.

— Ко мне, ко мне, желанные, торопитесь! У меня швейня «Семь шкур». На всех угожу!

Первым прискакал Заяц:

— Поторопись, Лиса, снег со дня на день, того и гляди, а я в летней безрукавке. Зуб на зуб не попадает, да не от холода, а от страха: хорош я буду в тёмном-то на белом снегу! Можешь ты мне раздобыть шубку защитную — беленькую, как снежок?

— Это мне что хвостом вильнуть! — отвечает Лиса. — Только вот мерку сниму, скачи ко мне ближе...

— Какую ещё мерку? — насторожился Заяц. — А ты на глазок.

— Без мерки не могу, — отвечает Лиса. — Глазам я не верю, мне надо пощупать. Кто следующий?

Белка на ёлке стрекочет:

— Мне, Лиса, сделай шубку на беличьем меху, тёплую, зимнюю. И хвостик чтоб попушистей, да на ушки кисточки не забудь, да на грудку белый передничек. Моя-то летняя рыжая пообносилась. Зябну...

— Фу-ты ну-ты, франтиха какая! — проворковала Лиса. — Кисточки ей, хвостик, передничек... И кому на тебя в лесу-то смотреть? Ну да ладно, слезай с ёлки, мерку снимать буду.

— А без примерки разве нельзя? — испугалась Белка.

— Без примерки я только Ежу делаю: иголок натыкаю — и готово. Есть там ещё кто?

Из воды высунулась Выдра:

— Мне, Лиса, нужна шуба тёплая и непромокаемая, из водоотталкивающей шерсти. Я ведь и зимой в воде-сырости, мне в шубе и нырять и плавать!

— Могу и непромокаемую, — обещает Лиса. — Я всё могу! Вылезай на берег, мерку с тебя сниму.

— Только мерку снимешь?

— А что же ещё?

— Мне бы лучше без мерки... — упирается Выдра.

— И чего это вы все недотроги такие? — не понимает Лиса. — Или вы щекотки боитесь? Видали на мне лисью шубу — какая работа!

Пушнина, мягкое золото! Охотники прямо глаз с неё не сводят. А всё потому, что по мерке. И медвежью шубу шила, и волчью доху — нахвалиться не могут!

— Так-то оно так... — жмутся звери. — Да мы-то не волки и не медведи. Как бы в твоих «Семи шкурах» свою последнюю не потерять. Вместе с меркой-то, гляди, и голову снимешь. Лучше уж мы, Лиса, без твоей помощи обойдёмся, сами выменяем майку на телогрейку.

И разбежались во все стороны. Лиса только зубами щёлкнула.

СТРАШНЫЙ НЕВИДИМКА

Страшный невидимка объявился в лесу. Жуткие дела стали твориться там. Кто-то безжалостно содрал с деревьев листья. Кто-то примял, перепутал и положил траву.

Бесследно исчезли птицы — пеночки, зяблики и дрозды.

Вчера ещё видели и слышали их, а сегодня нет ни одной.

Звери и птицы испуганно прятались в чаще.

Но невидимка находил их и там. Он делал всё что хотел, всё перекраивал на свой вкус и лад. Взял и выкрасил зайцам задние ноги в белый цвет, будто на каждого зайца белые трусы надел. Рыжих белок сделал серыми, пёстрых куропаток — белыми. Барсуков, ежей и енотов

до того запугал, что попрятались они в норы, забились под корни деревьев и носа не кажут. Перетрусили лесные жители. Что ни день, в лесу страшные новости. Исчезли куда-то лягушки и жабы. Пропали бабочки и мухи.

Больше всех перетрусили сеголетки, те, кто только нынче на свет появились. Ничего подобного они не видели; вот натерпелись страху!

Да что сеголетки, если старый медведь и тот стал берлогу облюбовывать, чтобы спрятаться от страшного невидимки.

А невидимка бродит по лесам и полям, гнёт деревья, свистит, волны на берега выплёскивает. То землю дождём размочит, то морозцем закуёт. Все дороги, мосты поломал, канавы водой залил. И никто с ним ничего поделать не может: не видно его, невидимка он!

ФАЗАНИЙ БУКЕТ

Фазана я подстрелил ещё осенью. Нагнулся, чтобы взять его, и не мог. Руку боюсь обжечь! Перо горит: медью, бронзой, пурпуром!

Жар-птица, да и только.

Моя дочка-первоклассница подняла фазана за крыло и говорит:

— Ой, папа, что ты наделал!

А я уж и сам не рад.

— Фазана не оживишь, — говорю дочке, — пусть он хоть науке послужит! Давай запишем его размеры и окраску и посмотрим, чем он питается?

Зоб у фазана был туго набит насекомыми, ягодами и семенами. Всё это я разложил на отдельные кучки и стал смотреть, чем питается фазан осенью. Насекомых я определил быстро. Были там кузнечики, кобылки и муравьи. Ягоды тоже узнать было нетрудно — одна лиловая ежевика. Вот семена — беда! Попробуй-ка определи, от каких они растений!

Жаль было, но пришлось семена ссыпать в спичечный коробок и положить на стол. Написал я на коробке: «Семена» и оставил до лучших времен. Может, найдётся специалист, определит.

Прошла зима. Только к весне вспомнил я про коробок с семенами. Открыл коробок — пусто!

Спрашиваю дочку:

— Ты взяла семена?

— Это те, что в коробке, как погремушки, стучали?

— Те самые, что стучали.

— Я взяла. Я их в горшок с землёй посадила. У нас в классе сейчас все опыты делают — семена сажают.

Я подумал, подумал и не стал ругать дочку. Даже ещё и похвалил.

— Молодец! — говорю. — Прорастут семена — вырастут в твоём горшочке разные растения, может, даже и цветы. Вот мы и узнаем, какие семена клевал фазан! Без специалиста обойдёмся. Послужит наш фазан науке.

Дочка, конечно, все мои слова мимо ушей пропустила, только про цветы запомнила.

Наклеила на горшочке с семенами ярлычок. И на ярлычке печатными буквами написала: «Фазаний букет».

ДЕРЕВЬЯ СКРИПЯТ

Каждое скрипучее дерево на свой лад скрипит. Интересно слушать в лесу этот скрип. Раньше, бывало, я все ночёвки свои только под скрипучими деревьями и устраивал. Солнце за лес — и начинаешь прислушиваться. Как услышу — скрипит! — тут и рюкзак сбрасываю.

Валежник собираешь — оно скрипит, рогульки для котелка вырубаете — скрипит, лапник стелёшь — всё скрипит, скрипит...

И за треском костра слышен скрип, и за бульканьем чая. Сквозь дремоту, всю ночь, — скрип да скрип.

К утру уже знаешь, почему скрипит.

То растут два дерева тесно, упёрлись друг в друга сучьями, одно другое отталкивает, отпихивает — вот и скрипит. Бывает, ветер повалит одно другому на плечи — тоже оба скрипят.

Иное на вид живо-здорово, да сердцевина трухлява: чуть ветерок — скрипит. А то снег зимой в дугу скрючит — за всё лето распрямиться не может. Стоит гнущее, голова лохматая в землю уткнута, — тоже скрипит.

Наслушался я по лесам скрипа. Ни роши нет, ни бора и ни дубравы, где бы дерево не

скрипело. И каждое по-особому. И каждое о своём...

ТАЙНА СКВОРЕЧНИКА

В галечниках живут галки, в синичниках — синицы. А в скворечниках должны быть скворцы. Всё ясно и просто.

Но в лесу редко бывает просто...

Знал я один скворечник, в котором жила... сосновая шишка! Она высовывалась из летка и шевелилась!

Помню, когда я подошёл к скворечнику, шишка в летке задёргалась и... спряталась!

Я быстро шагнул за дерево и стал ждать!

Напрасно!

Лесные тайны так походя не разгадываются. Лесные тайны прячутся в дождях и туманах, скрываются за буреломы и болота. Каждая за семью замками. И первый замок — это комары; они испытывают терпение.

Но какое уж тут терпение, когда шишка в летке поворачивается, как живая!

Я взобрался на дерево, сорвал со скворечника крышку. По самый леток скворечник был набит сосновыми шишками. И больше в нём ничего не было. И не было живой шишки: все лежали неподвижно.

Так и должно быть: больно быстро захотел разгадать. Попьют ещё комары твоей кровушки!

Я выбросил из скворечника все шишки и слез с дерева.

Через много дней, когда ночи стали холодными и исчезли комары, я снова пришёл к лесному скворечнику. На этот раз в скворечнике поселился берёзовый лист!

Я долго стоял и смотрел. Листик насторожился, выглянул из летка и... спрятался!

Лес шуршал: опадали побитые заморозком листья. То мелькали они в воздухе, как иволги — золотые птицы, то сползали с шорохом по стволам, как рыжие белки.

Вот осыплется лес, прибьют осенние дожди травы, запорошит землю снег. И останется тайна неразгаданной.

Я опять полез на дерево: не ждать же другого лета!

Снял крышку — скворечник до летка набит сухими берёзовыми листьями.

И больше ничего.

И живого листика нет!

Поскрипывает берёза.

Шуршат сухие листья.

Скоро зима...

Я вернулся на другой же день.

— Посмотрим! — пригрозил я скворечниковой невидимке. — Кто кого перетерпит!

Сел на мох, спиной привалился к дереву.

Стал смотреть.

Листья кружат, поворачиваются, порхают; ложатся на голову, на плечи, на сапоги.

Сидел я, сидел, да вдруг меня и не стало! Так бывает: ты идёшь — тебя все видят, а встал, затаился — и исчез. Теперь другие пойдут, и ты их увидишь.

...Дятел прицепился с лёту к скворечнику да как застучит! А из него, из таинственного жилья живой шишки и живого листика, выпорхнули и полетели... мыши! Да нет, не летучие, а самые обыкновенные, лесные желтогорлые. Летели, как на парашютах, растопыря лапки, попадали все на землю; от страха глаза на лоб.

Была в скворечнике их кладовая и спальня. Это они поворачивали, мне на удивление, шишки и листики в летке. И успевали удрать от меня незаметно и тайно. А дятел свалился им прямо на головы; быстрота и внезапность — хороший ключ к лесным тайнам.

Так скворечник превратился в... мышатник.

А во что, интересно, могут превратиться синичник и галочник?

Что ж, походим — узнаем...

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Приятно встречать старых друзей. Даже в лесу. Но встречи в лесу случайны и мимолётны.

Увидишь на миг зверя или птицу — и вот уже нету их. И только редко-редко, если здорово повезёт, встречаешь ты их вновь и вновь.

Я познакомился с дятлом. Шёл по тихой тропинке и вдруг услышал стук. На засохшей вершине сидел дятел и разбивал шишку. Прикрываясь толстой соседней сосной, я подкрал-

ся и, осторожно высунувшись, прицелился в него фоторужьём.

Дятел деловито стучал. Иногда он переворачивал шишку, отдыхал или перебирал пёрышки на спине. На затылке у него было красное пятнышко.

С тех пор прошло пять осеней. И каждую осень я приходил по тихой тропинке к сухой сосне и встречал на ней знакомого дятла. На сосне у него «кузница», и он разбивает на ней шишки.

Он не очень меня боится и позволяет себя снимать.

В последний раз — в пятую осень — я не услышал на сушине знакомого стука. Я долго сидел на валежине, но всё было тихо. В слабой надежде я постучал ножом о пенёк: дятлы не любят, когда другие дятлы стучат на их участке. И сейчас же послышался шорох крыльев — и пёстрая птица прилепилась к дереву над головой.

Здравствуй, дятел, я рад, что ты ещё жив!

Дятел сорвал шишку — и прямиком на свою «кузницу». Раздался знакомый стук. Так я снял его в пятый раз.

СОРОЧИЙ ПОЕЗД

Полустанок назывался Рыбный. И не зря. На нём всегда, даже зимой, продавали рыбу: жареную, варёную, солёную, вяленую. Только, бывало, остановится поезд, а уж изо всех

вагонов выскакивают пассажиры. Ещё не тронется поезд, а уж из окон летят на снег кулёчки с рыбьими головами, хвостами и потрохами.

И вот повадились на это угощение сороки. Со всей округи слетались. Ровно за минуту до прихода поезда рассаживались на деревьях вдоль пути и нетерпеливо стрекотали. Так они встречали поезд каждый день.

Услышав сорочье чекотанье, пассажиры брали свои чемоданы и выходили на платформу.

Начальник полустанка, не глядя на часы, надевал красную фуражку. Выходил из будки и стрелочник, засунув флажок за голенище.

Поезд приходил — и на снег летели кулёчки с рыбьими головами и потрохами. Начиная сорочий пир! Подобрав всё до косточки, сороки улетали в лес по своим сорочьим делам.

Сороки к поезду никогда не опаздывали. Но вот однажды опоздал поезд. Волновался начальник в красной фуражке. Волновались ожидающие на полустанке пассажиры. Все были очень недовольны.

Но больше всех волновались, больше всех были недовольны сороки. Они вертелись на сучках, перелетали с дерева на дерево, по очереди взлетали на вершину самой высокой сосны и, вытянув шейки, смотрели в ту сторону, откуда должен был показаться поезд. Какой гвалт, какой переполох поднимали сороки, когда наконец увидели далёкий дымок!

Ох и досталось же машинисту от начальника станции, от разволновавшихся пассажиров! А больше всего — от сорок: оглушили криком! До сих пор встречают сороки поезд на Рыбном полустанке. До сих пор, заслышав сорочью трескотню, пассажиры берут свои чемоданы, а начальник надевает красную фуражку. Все твёрдо знают: ровно через минуту к полустанку подойдёт поезд. Поезд теперь не опаздывает. Пассажиры вовремя уезжают, а сороки вовремя обедают.

И все довольны.

ОСЕННЯЯ ЁЛОЧКА

Весной ёлочки не было, летом не было, а осенью вдруг появилась. Раздвинула листья, травинки, высунулась из земли и удивлённо осмотрелась.

Деревья роняли листья.

Много-много лет прошло с тех пор, но каждую осень, в день ёлочкиного рождения, деревья вспоминают о ней и дарят ей подарки. Осина дарит красные китайские фонарики, клён роняет оранжевые звёзды, а ива засыпает ёлочку тонкими золотыми рыбками.

И стоит ёлочка растерянная, счастливая; раскинула лапки, а на ладошках подарки. И уж некуда их девать, а ей всё дарят и дарят.

И у всех на глазах становится ёлочка из колючей и хвойной мягкой и лиственной. Вся

в золоте, багрянце и бронзе. Вся нарядная и разноцветная. Не то что зимой и летом — одним цветом.

УПРЯМЫЙ ЗЯБЛИК

Октябрь так птиц пугнул, что иные до самой Африки без оглядки летели! Да не все такие пугливые. Другие и с места не тронулись. Ворона вон — хоть бы что ей! Каркает. Галки остались. Воробьи. Ну да с этими Октябрь и связываться не хочет. Этим и Январь нипочём! А вот за зябликов взялся. Потому что фамилия у них такая — Зяблик — и должны они Октября бояться. Взялся — и всех разогнал.

Один только остался. Самый упрямый.

— Зяблик ты — так зябни! — рассердился Октябрь. И стряхнул термометр.

А зяблик не зябнет!

— Небось озябнешь! — разбушевался Октябрь. И давай зяблику под перо ветром дуть.

А зяблик не зябнет! У него от озноба верное средство — тугой животок. Прыгает по веткам, как по ступенькам. И склёвывает: то жука, то семечко. А раз животок тугой, то и температура у него нормальная птичья — плюс сорок четыре градуса! С такой температурой и в октябре май.

— Холодом не пронял — голодом доконаю! — скрипнул Октябрь морозцем. И так ветром дунул, что сдул с деревьев все листья и всех насекомых.

А зяблик — порх! — и на землю. Стал на земле кормиться.

Октябрь на недельку задумался, потом землю дождичком sprysнул и морозцем застудил.

— Ужо тебе!

Раззадорился зяблик — порх! — и наверх.

— Ты землю заморозил, а я рябину мороженную клевать буду. Была не была!

И стал клевать рябину.

Посинел Октябрь от злости. Ветром дует. Дождём полощет. Снежком сечёт. И морозцем прихватывает, прихватывает...

А зяблик не зябнет. Рябина-то от мороза только вкусней становится!

ЛЕСНЫЕ ШОРОХИ

С о р о к а и Е н о т

— Енот, а Енот, а ты ягоды есть любишь?

— Люблю!

— А птенцов и яйца любишь?

— Люблю!

— А лягушек и ящериц любишь?

— Люблю!

— А жуков и сороконожек любишь?

— Люблю!

— А... а червяков и улиток любишь?

— Тоже люблю!

— А чего же ты тогда не любишь?

— Не люблю, когда меня глупыми вопросами от еды отвлекают!

М е д в е д ь и К р о т

— Послушай, Крот, ты весь век в земле возишься, вот-то, поди, умываться часто приходится?

— Ой, Медведь, и не говори! Замучали меня умывания. До того часто, до того часто — два раза в год. Раз — весной, в половодье, раз — осенью, в ненастье. Завидую, косолапый, тебе: медведи, говорят, век не моются!

Ж е л н а и С о р о к а

— Ой, Желна́, что-то с Филином нашим неладно! Каждую ночь стонет и охает! Уж не заболел ли, не простудился? То хрипит, то бурчит, то ворчит — словно ежом подавился!

— Что ты, Сорока, что ты! Да это он самые свои нежные песни поёт! Самые развесёлые! Молчи уж, а то услышит ещё — обидится. Тсс!

К а р а с ь и О к у н ь

— Охо-хо, Окунь, горемычная я рыба! Вся-то моя жизнь в грязи да в тине.

— А ты, Карась, клюнь на крючок — попадёшь в сметану...

Л и с и ц а и З а я ц

— Слыхал, Заяц, как охотники мой лисий хвост называют? Трубой! Хи-хи-хи...

— А мой заячий хвост охотники прозвали цветком. Цветком, цветиком, цветочком.

— Да ну-у! А ну дай-ка мне цветочек понюхать...

— Но-но-но! Я твою лисью породу знаю! Цветок понюхаешь, а ногу откусишь. Проходи, проходи со своей трубой!

Д у б и Р я б и н а

— Ой, Рябина-Рябинушка, что взгрустнула ты?

— Была я, Дуб, тонкой рябинкой, а стала сухой корягой. Ободрали меня ребятишки как липку, разделали под орех. Ни ягод на мне, ни сучков, ни веток — хоть в костёр головой! Хоть бы ты, Дуб, меня защитил.

— Что ты, что ты! Я сам теперь, голубушка, такой, что краше в дровяной склад кладут. Всю-то осень жёлуди с меня сшибали, камнями да палками по голове молотили. Всю душу вытрясли! Был я дубом, стал дубиной...

С о р о к а и М е д в е д ь

— Эй, Медведь, ты днём что делаешь?

— Я-то? Да ем.

— А ночью?

— И ночью ем.

— А утром?

— И утром.

— А вечером?

— И вечером ем.

— Когда же ты тогда не ешь?

— Когда сыт бываю.

— А когда же ты сытым бываешь?

— Да никогда...

Ноябрь

Сыплет белый снег на чёрную землю.

Всё вокруг становится пегим.

Лес полосатый, как бока зебры. Борозды пашни — как клавиши у рояля.

На белых речках — чёрные полыньи, на чёрных дорогах — белые лужи. На бело-чёрных берёзах чёрно-белые сороки сидят.

«Приехал ноябрь на пегой кобыле».

Чёрное озеро и белые берега. Чёрные пни в белых шапках. Чёрные галки над белым полем.

Белые зайцы на чёрной земле. Белые муравейники у чёрных стволов. Белые кочки на чёрном болоте.

Всё двухцветное и рябое.

Чёрный дом с белой крышей. Белый дым из чёрной трубы. Черный стог с белым боком.

Одно небо ровное — серое и глухое.

Ни звонкого голоса, ни гулкового эха.

Всё как-то исподволь, шёпотом, стороной.

То дряблая оттепель, то упругий мороз.

Сыро и серо, пусто и глухо.

Полузима — полуосень, полудень — полувечер.

Робко напутали, напетляли по снегу птицы и звери.

А человек прошагал — как расписался.

Чётко и твёрдо — как чёрным по белому.

ПОЧЕМУ НОЯБРЬ ПЕГИЙ?

Высунулась из-за леса снеговая туча, наде-
лала в лесу переполоху!

Увидал тучу Заяц-беляк да как заверещит:

— Скорей, туча, скорей! Я давным-давно
белый, а снегу всё нет да нет! Того и гляди,
охотники высмотрят!

Услыхала туча Зайца и двинулась в лес.

— Нельзя, туча, назад, назад! — закричала
серая Куропатка. — Землю снегом засыплешь — что я есть стану? Ножки у меня слабые, как я до земли дороюсь?

Туча двинулась назад.

— Давай вперёд, нечего пятиться! — заворчал Медведь. — Засыпай берлогу мою ско-

рей: от ветра и мороза укрой, от глаза чужого спрячь!

Туча помедлила и опять двинулась в лес.

— Сто-ой, сто-ой! — завыли Волки. — Насыплешь снегу — ни пройти, ни пробежать. А нас, волков, ноги кормят!

Туча заколыхалась — остановилась.

А из лесу крик и вой.

— Лети к нам, туча, засыпай лес снегом! — кричат одни.

— Не смей снег высыпать! — воют другие. — Назад поворачивай!

Туча то вперёд, то назад. То посыплет снежком, то перестанет.

Потому-то ноябрь и пегий: то дождь, то снег, то мороз, то оттепель. Где снежок белый, где земля чёрная.

Ни зима, ни осень!

КУРОРТ «СОСУЛЬКА»

Сидела Сорока на заснеженной ёлке и плакала:

— Все перелётные птицы на зимовку улетели, одна я, дура оседлая, морозы и вьюги терплю. Ни поесть сытно, ни попить вкусно, ни поспать сладко. А на зимовке-то, говорят, курорт... Пальмы, бананы, жаренца!

И слышит вдруг голос:

— Это смотря на какой зимовке, Сорока!

— На какой, на какой — на обыкновенной!

— Обыкновенных зимовок, Сорока, не бывает. Бывают зимовки жаркие — в Индии, в Африке, в Южной Америке, а бывают холодные — как у вас в средней полосе. Вот мы, например, к вам зимовать-курортничать с Севера прилетели. Я — Сова белая, они — Свиристель и Снегирь, и они — Пуночка и белая Куропатка.

— Что-то я вас не пойму толком! — удивляется Сорока. — Зачем же вам было в такую даль лететь киселя хлебать? У вас в тундре снег — и у нас снег, у вас мороз — и у нас мороз. Тоже мне курорт — одно горе.

Но Свиристель не согласен:

— Не скажи, Сорока, не скажи! У вас и снега поменьше, и морозы полегче, и вьюги поласковей. Но главное — это рябина! Рябина для нас дороже всяких пальм и бананов.

И белая Куропатка не согласна:

— Вот наклююсь ивовых вкусных почек, в снег головой зароюсь — чем не курорт? Сытно, мягко, не дует.

И белая Сова не согласна:

— В тундре сейчас спряталось всё, а у вас и мыши, и зайцы. Весёлая жизнь!

И все другие зимовщики кивают, поддакивают.

— Век живи, век учись! — удивляется Сорока. — Выходит, мне не плакать надо, а веселиться! Я, выходит, сама всю зиму на курорте живу. Ну чудеса, ну дивеса!

— Так-то, Сорока! — кричат все. — А о жарких зимовках ты не жалеешь, тебе на твоих

куцых крыльях всё равно в такую даль не долететь. Курортничай лучше с нами!

Снова тихо в лесу. Сорока успокоилась. Холодные курортники едой занялись. Ну а те, что на жарких зимовках, — от них пока ни слуху ни духу.

ВОЛШЕБНАЯ ПОЛОЧКА

Я — П о в е л и т е л ь п т и ц!

Захочу — и птицы сами прилетят ко мне.

Захочу — прилетят голуби и воробьи. Захочу — синицы. Захочу — явятся гости Севера — снегири и свиристели.

Нет, я не волшебник. Я не шепчу таинственных заклинаний. И у меня нет волшебной палочки. Но зато у меня есть волшебная полочка.

На вид полочка совсем проста: простая фанерка с простыми деревянными бортиками. Но в полочке волшебная сила!

Так и быть, я открою свой секрет. И к вам, сто́ит вам только захотеть, станут прилетать дикие птицы. Для этого надо на простую полочку насыпать простой крупы и простых хлебных крошек. Потом полочку надо выставить за окно. И полочка сразу станет волшебной! На неё сразу же прилетят голуби и воробьи.

А если вы живёте у парка или в деревне, укрепите на полочке кусочек сала — к вам прилетят синицы!

Положите на полочку кисти рябины — прилетят снегири и свиристели.

Сделайте себе В о л ш е б н у ю п о л о ч к у.

Каждый день станут прилетать к вам разные птицы.

Вы станете Д о б р ы м п о в е л и т е л е м п т и ц!

ПОРОША

Первая пороша, первая пороша — как белая июньская ночь! Всё невидимое делает видимым, всё тайное — явным.

Был лес тёмный и глухой и вдруг просветлел и ожил. Никто незаметно не пробежит, никто невидимо не пройдёт. Каждый оставит след, сам о себе расскажет.

Рассказы, рассказы — нет им конца. Смешные и грустные, страшные и бесстрашные, длинные и короткие.

Вот короткий рассказ.

Выпал снег — вот-то перетрусили все первогодки! В жизни такого ещё не видели.

Первые ночь и день смирно сидели: а вдруг да что-то случится? Но ничего не случилось. Белое лежит и молчит.

Потрогали лапой — мягкое.

Ткнули носом — не пахнет.

Прикусили зубами — холодное. Не огрызается, не дерётся.

Обрадовался заяц-беляк: «Теперь меня, бе-

лого, на белом никто не увидит». Сорока запрыгала, задрав хвост. Лисёнок шагнул.

Начались и потянулись лесные рассказы.

Диковинный мне повстречался след: крестик и скобочки, крестик и скобочки. Сразу и не прочтёшь.

Всё короче прыжки, всё глубже скобочки по бокам. Немного прошёл — и конец: лежит на снегу певчий дрозд. Жалкий комочек встопорщенных перьев. Ножка отбита, вывернуто крыло. Видно, охотник осенью его подстрелил. С дрозда проку нет: подержал да и бросил.

Жил дрозд калекой, еду на земле находил. На ножке скакал, на крылышки опирался. Как инвалид на костылях. Перебивался с брусники на клюкву, пока снег их не укрыл.

Тогда совсем отощал: упирается в ладонь грудная косточка. От голода и околел.

Жаль, не просвистит он весной своих песен, а до чего ж они хороши!

Пороша, пороша: кому диковина, кому белая книга, кому спасенье и радость, а кому и конец.

ТЯСОГУЗКИНЫ ПИСЬМА

У калитки в сад прибит почтовый ящик. Ящик самодельный, деревянный, с узкой щелью для писем. Почтовый ящик так долго висел на заборе, что доски его стали серыми и в них завёлся древоточец.

Осенью залетел в сад дятел. Прицепился к ящичку, стукнул носом и сразу угадал: внутри древоточина! И у самой щели, в которую опускают письма, выдолбил круглую дырку.

А весной прилетела в сад трясогузка — тоненькая серенькая птичка с длинным хвостиком. Она вспорхнула на почтовый ящик, заглянула одним глазком в дырку, пробитую дятлом, и облюбовала ящик под гнездо.

Трясогузку эту мы прозвали Почтальоном. Не потому, что она поселилась в почтовом ящичке, а потому, что она, как настоящий почтальон, стала приносить и опускать в ящик разные бумажки.

Когда же приходил настоящий почтальон и опускал в ящик письмо, перепуганная трясогузка вылетала из ящичка и долго бегала по крыше, тревожно попискивая и качая длинным хвостиком. И мы уже знали: тревожится птичка — значит, есть нам письмо.

Скоро вывела наша почтальонша птенцов. Тревог и забот у неё на целый день: и кормить птенцов надо, и от врагов защищать. Стоило теперь почтальону только показаться на улице, как трясогузка уже летела ему навстречу, порхала у самой головы и тревожно пищала. Птичка хорошо узнавала его среди других людей.

Услыхав отчаянный писк трясогузки, мы выбегали навстречу почтальону и брали у него газеты и письма: мы не хотели, чтобы он тревожил птичку.

Птенцы быстро росли. Самые ловкие стали уже выглядывать из щели ящика, крутя носами и жмурясь от солнца. И однажды вся весёлая семейка улетела на широкие, залитые солнцем речные отмели.

А когда пришла осень, в сад опять прилетел бродяга дятел. Он прицепился к почтовому ящику и носом своим, как долотом, так раздолбил дыру, что в неё можно было просовывать руку.

Я просунул руку в ящик и вынул из ящика все трясогузкины «письма». Были там сухие травинки, обрывки газет, клочки ваты, волосы, фантики от конфет, стружки.

За зиму ящик совсем одряхлел, для писем он уже не годился. Но мы его не выбрасываем: ждём возвращения серенького Почтальона. Ждем, когда он опустит в наш ящик своё первое весеннее письмо.

ОТЧАЯННЫЙ ЗАЯЦ

Вылиняли у зайца-беляка задние ноги. Снега ещё нет, а у него ноги белые стали. Будто белые штаны надел. Раньше серого зайца никто и на поляне не замечал, а теперь он и за кустом сквозит. Всем как бельмо на глазу! В ельник забился — синицы увидели. Окружили и давай пищать:

— Заяц в штанах, заяц в штанах!

Того и гляди, лиса услышит.

Заковылял заяц в осинник.

Только под осинкой залёг — сороки увидели! Как затрещат:

— Заяц в штанах, заяц в штанах!

Того и гляди, волк услышит.

Замелькал заяц в густель. Там ёлку вихрь повалил. Легла ёлка вершиной на пенёк. Как шалашиком, пенёк накрыла. Вспрыгнул белаяк на пенёк и притих. «Вот, — думает, — теперь от всех спрятался!»

Шёл по лесу охотник и видит: в самой густели будто глазок на небо сквозит. А какое там небо, если позади лес чёрный! Заглянул охотник в лесной глазок — заяц! Да близко — ружьём ткнуть можно. Ахнул охотник шепотком. А заяц — некуда податься — шасть прямо на охотника! Отшатнулся охотник, запутался ногами в валежнике и упал. А когда вскочил, только белые штаны заячьи мелькали вдали.

Опять увидели зайца синицы, запищали:

— Заяц в штанах, заяц в штанах!

Сороки увидели, затрещали:

— Заяц в штанах, заяц в штанах!

И охотник кричит:

— Заяц в штанах!

Вот штаны — ни спрятать, ни переменить, ни сбросить! Хоть бы уж снег скорей — беспокойству конец.

СИНИЧИЙ ЗАПАС

Собирать в запас — значит себя спасать. Каждый спасает себя на свой лад. Суслик зер-

но с полей ворует и прячет в свою нору. Даже особые кладовые роет для ворованного зерна. Водяная крыса забивает отнорки картошкой. До пуда, бывает, натаскает. Сыч на зиму замораживает в дупле, как в холодильнике, мышей и птичек. У одного такого запасливого сыча нашли однажды целых два килограмма лесных мышей! А один горностай сложил в норе пять водяных крыс, семь полёвок, синичку, гадюку, ящерицу, тритона, лягушку и плавунца!

Всё это — на чёрный день.

Запасают как могут, где могут. Все по-разному, но все для себя: в своей кладовой, в своём дупле, в своей норе.

И только одни весёлые синички-хохлатки собирают запасы совсем не так. Хоть они и весёлые, но и у них бывают чёрные дни. И потому запасают они неустанно. Жучок, паучок, муха — годится. Семечко, зёрнышко, ягодка — подойдёт. Нет у них собственных кладовых: ни норок, ни дупел. Была бы удобная трещинка в коре, особенно под сучком, куда не пробьётся ни дождь, ни ветер.

В лесу деревьев — не сосчитать. И на каждом найдётся укромная трещинка. С дерева на дерево, с сучка на сучок, от трещинки к трещинке. Куда жука, куда зёрнышко — осенью еды много. А зимой и сушёному комару будешь рад.

Сотни деревьев, тысячи кладовых. Но разве все их запомнишь?

А их и не надо запоминать: кладовые-то эти для всех! Не всё ли равно, чей запас ты

найдёшь: свой или чужой? Ты чей-то склевал, и твой кто-то забрал. Ты для всех, и все для тебя.

Чёрный день всем страшен: всем надо иметь запас. А собирать его можно по-разному. Можно как крыса — только себе. Или как синичка-хохлатка — для всех.

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Скворцы прилетели!

Это такое же радостное известие, как «прилетели грачи», «прилетели жаворонки». Радостное потому, что вместе с грачами, скворцами и жаворонками летит к нам весна — лучшая пора года. Весна, за весной лето — радости-то сколько!

Скворцы прилетели!

Но сейчас не весна, сейчас осень, — где же можно услышать такие слова?

Можно услышать: мне довелось. Но сказаны они были не радостным, а печальным-печальным голосом.

— Скворцы прилетели, — сказал человек тихо и задумчиво. — Значит, впереди осень, слякоть и холод. Значит, ветры, дожди и туманы. Значит, прощай, красное лето, здравствуй, зима!

Да, не весна, а зима!

Потому что скворцы, те самые скворцы, что когда-то принесли к нам с юга весну, сейчас несут от нас на юг осень. В рощах, скверах

и парках на берегу Чёрного моря появляются они осенью густыми стаями; все сразу обращают на них внимание.

Скворцы прилетели... Нет, не радостное это там событие! Ведь за скворцами надвигается зима.

Так по-разному могут звучать одни и те же слова!

Видно, не в словах дело, а в том, что за ними таится.

ЛЕСНЫЕ ШОРОХИ

С о р о к а и К р о т

— Хорошо, Крот, тебе под землёй! А у нас семь бед на день: то снег, то ветер, то заморозок.

— Это кому же хорошо — мне, что ли?

— Тебе, убогий! Под землёй — как под крышей.

— Это кто же под крышей — я, что ли?

— Ты, ты, а кто же! Тебе хорошо, ты под крышей!

— Так полезай ко мне, и тебе хорошо будет!

— Я? Под землю? Нет уж, лучше в лесу: семь бед — один ответ!

С о й к а и Д я т е л

— Чжээ-чжээ! Кгха!

— Что с тобой, Сойка, жёлудем, что ли, подавилась? Чего хрипишь на весь лес?

— Обманули меня, Дятел, люди. Вот и верь им после этого! Яйца, говорят, полезно сырые пить, то да сё... Я целое лето птичьи гнёзда грабила, всё лето сырые яйца пила, а что толку? Как был голос противный, хрипучий, так и остался! Гха! Чжээ!

Л и с и ц а и Ё ж

— Всем ты, Ёж, хорош и пригож, да вот колючки тебе не к лицу!

— А что, Лиса, я с колючками некрасивый, что ли?

— Да не то чтоб некрасивый...

— Может, я с колючками неуклюжий?

— Да не то чтоб неуклюжий!

— Ну так какой же я такой с колючками-то?!

— Да какой-то ты с ними, брат, несъедобный...

Г р а ч о н о к и Ж у к

— Ну, Жук, прощайся с белым светом — сейчас я тебя съем! Скажи на прощанье, как хоть зовут-то тебя, бедолагу?

— Зовут меня, Грачонок, Жук-могильщик!

— Фу, гадость какая! От одного названия подавиться можно. А ну проваливай с глаз долой, не омрачай своей фамилией ясный день и моё весёлое настроение!

Л и с а и М ы ш ь

— Мышка-трусишка, ты треска боишься?

— Ни крошечки не боюсь.

- А громкого топота?
- Ни капельки не боюсь!
- А страшного рёва?
- Нисколечко не боюсь!
- А чего ж ты тогда боишься?
- Да тихого шороха...

З а я ц и М е д в е д ь

— Белка на зиму грибы запасает, Бурундук — орехи. А ты, Медведь, всё без дела шатаешься. Вот засыплет снег землю, что лопать-то станешь?

— Ты, косой, за меня не волнуйся. Я, брат, самоед. Я зимой сам себя ем. На-ко, пощупай, сколько сала под шкурой я припас — на всю зиму хватит. Я не зря по лесу шатаюсь, я сало коплю. Чего и тебе, косой, советую.

— Э-э, Медведь, какое там сало... Нам, зайцам, в лесу не до жиру, быть бы хоть живу!

Декабрь

Всё куда-то скрылось и подевалось. Звук приглушены, запахи заморожены. Время тянется еле-еле. Где вы, зелёные листья? Где вы, густые травы? Где вы, пёстрые бабочки?

Льды закрыли озёра, снега укутали землю. Солнце всё ниже и ниже. А тени длинней и длинней. И день короче воробьиного носа.

Сумерки старого года...

И вдруг что-то случилось!

Солнце всё выше и выше, тени короче и короче. И день хоть на воробьиный скок, а прибавился.

Значит, солнце повернуло на лето. Пришёл рассвет нового года. Совершился солнцеворот!

И не страшно теперь, что всё куда-то скрылось и подевалось. Что звуки приглушены, запахи заморожены. Что вместо листьев одни только почки, вместо трав одни семена, а вместо бабочек — только куколки. Будет всё — было бы солнце. Теперь всему свой черёд — только срок дайте!

Путешествие продолжается.

Мы л е т и м к с о л н ц у.

СУД НАД ДЕКАБРЁМ

Собрались на озере птицы и звери.

Декабрь судить.

Уж очень все от него натерпелись.

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— День Декабрь нам сократил, а ночь сделал длинной-предлинной. Засветло теперь и червячка заморить не успеешь. Кто за то, чтоб осудить Декабрь за такое самоуправство?

— Все, все, все! — закричали все.

А Филин вдруг говорит:

— Я против! Я в ночную смену работаю, мне чем ночь длиннее, тем сытнее.

Почесал Ворон коготком затылок. Судит дальше:

— В Декабре скучища в лесу — ничего весёлого не происходит. Того и гляди, от тоски сдохнешь. Кто за то, чтоб Декабрь за скукоту осудить?

— Все, все, все! — опять закричали все.

Из полынни вдруг высовывается Налим и булькает:

— Я против! Какая уж тут тоска, если я к свадьбе готовлюсь? И настроение у меня, и аппетит. Я с вами не согласен!

Поморгал Ворон, но судит дальше:

— Снега́ в Декабре очень плохие: сверху не держат и до земли не дороешься. Измучились все, отощали. Кто за то, чтобы Декабрь вместе с плохими снегами из леса выставить?

— Все, все, все! — кричат все.

А Тетерев и Глухарь против. Высунули головы из-под снега и бормочут:

— Нам в рыхлом снегу спится здорово: скрытно, тепло, мягко. Пусть Декабрь остаётся.

Ворон только крыльями развёл.

— Судили, рядили, — говорит, — а что с Декабрём делать — неизвестно. Оставлять или выгонять?

Опять закричали все:

— А ничего с ним не делать, сам по себе кончится. Месяц из года не выкинешь. Пусть себе тянется!

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— Так уж и быть, тянись, Декабрь, сам по себе! Да очень-то, смотри, не затягивайся!

МУРЛЫКА

Жил-был у бабушки кот. Звали кота Мурлыкой. Больше всего на свете любил Мурлыка молоко.

Летом кот уважал молоко холодное. Такое, чтоб из запотевшей крынки. Только достанет бабушка крынку из колодца — Мурлыка тут как тут! Хвост торчком и мурлычет так, что усы дребезжат.

Налакается холодного молока — и на зава-linkу. Лапки вверх, глаза заведёт — холодный живот на солнце греет.

Зато зимой подавай Мурлыке молоко топлёное. Сперва пенку съест, потом до капельки вылакает.

Распарится, разомлеет — и заскребётся в дверь. Горячим животом сразу на снег — остужает.

День и ночь — сутки прочь. Мурлыка то греет живот, то студит. А в свободное время лакает молоко. Ловить мышей ему некогда.

Долго ли, коротко ли — умерла бабушка. Стал Мурлыка жить у бабушкиной внучки.

Хотите знать, что он сейчас делает?

Тогда посмотрите в окно. Если за окном лето — значит, кот Мурлыка живот греет, а если зима — остужает.

Живёт не тужит. Мышей не ловит. А мурлычет так, что усы дребезжат. И хвост трубой.

КАКОЙ ЗАЯЦ ДЛИНЫ?

Какой заяц длины? Ну, это для кого как. Для человека невелик зверь — с берёзовое полence. А вот для лисы заяц длиной километра в два! Потому что для лисы заяц начинается

не тогда, когда она его схватит, а когда учует по следу. Короткий след — два-три прыжка — и заяц невелик.

А если заяц успел наследить да напетлять, то становится он длиннее самого длинного зверя на земле. Такому верзиле не просто в лесу схорониться.

Зайцу от этого очень невесело: живи в вечном страхе, жирок лишний не нагуляй.

И вот изо всех сил старается заяц стать короче. След свой в болоте топит, надвое свой след рвёт — всё себя укорачивает. Только и думает, как бы от своего следа ускокать, спрятаться, как бы его разорвать, укоротить или утопить.

Мечта заячья — стать наконец самим собой, с берёзовое поленце.

Жизнь у зайца особая. Всем от дождя и метели радости мало, а зайцу они на пользу: след смыывают и заматают. И хуже нет, когда погода тихая да тёплая, — след горячий, запах долго держится. В какую б густель ни забился — нет покоя: может, лиса за два километра позади — тебя сейчас уже за хвост держит!

Так что вот трудно сказать, какой заяц длины. Который похитрей — покороче, поглупее — подлиннее. В тихую погоду и умный вытягивается, в метель да ливень — и глупый укорачивается.

Что ни день — длина у зайца другая.

И очень редко, когда уж здóрово ему повезёт, бывает заяц той длины — с берёзовое поленце, — каким человек его знает.

Знают про это все, у кого нос лучше глаз работает. Волки знают. Лисицы знают. Знайте и вы.

ТАЙНА ЧЁРНОГО ДЯТЛА

Чёрный дятел — желна — большой дятел, с ворону. А носище у него что твоё долото. Дерево рубит — только щепки летят. И немалые: то с карандаш, а то и с пенал.

Однажды желна за два лета целую лесную сторожку в щепки разбил. Что и говорить, дятлов нос — инструмент завидный. Бывает, в свежем дереве дыру в два кулака и глубиной по локоть пробьёт. Да и не в какой-нибудь там рыхлой осине, а в узловатой ёлке, да у самого корня: топором стукнешь — топор отскакивает! Не дятел прямо, а лесоруб.

Если о дятле просто по дырам судить, то получится, что желна лесу враг. Но если к дырам внимательно приглядеться, то поймёшь, что не враг он лесу, а друг. Лесу друг и первый леснику помощник. Потому что дыры желна выбивает только в больных и заражённых деревьях. Заглянешь в дыру и непременно увидишь в глубине либо загнившую сердцевину, либо ходы муравьёв-дровосеков. И хоть на вид дерево свежее и здоровое, а никуда уже не годится. Надо его скорей на дрова рубить, пока оно само не сгнило и соседей не заразило.

Настоящие лесники ценят желну. Он как безошибочный указатель. Ни один человек-

кий глаз не разглядит ещё, что дерево заболело, а желна уже нашёл его и пометил. И не просто пометит, а раздолбит в самом больном месте: вытащит личинок и переловит муравьёв. И не было ещё случая, чтобы желна ошибся и повредил здоровое дерево.

Лесники к деревьям и присматриваются, и выстукивают их, а отличить наверняка заболевшее от здорового так и не могут. А желна прицепится, раза два стукнет — и будто на рентгене просветит! А бывает, что до больного места сантиметров двадцать сквозь здоровую древесину добирается!

Это и есть загадка желны.

Про грифа говорят, что он на метр под землю видит. Про желну можно сказать, что он «видит» сквозь дерево.

ЖАДНАЯ СОЙКА

Зимой самая добычливая охота с фоторужьём — у жилья. «Добыл» я тут и сороку, и ворону, и галку. Но никак не давалась мне сойка. И не потому, что очень уж осторожна. Осторожна и пуглива она в лесу — что правда, то правда. А у жилья она куда глупее сорок, ворон и галок. Эти к человеку весь год приглядываются, доверяют только тем, кто внимания на них не обращает. А сойка — вольная птица. У жилья она бывает только зимой и потому не знает всех человеческих хитростей.

На прикормку сойка летит доверчиво и жадно. Но из-за этой-то жадности и трудно её снять. Вдруг появится, стукнет коготками жёсткими по деревянной доске, кинется к куску, взмахнёт широкими крыльями — и уже в воздухе. Спрячет кусок в лесу — за вторым летит. Опять стук коготков, быстрый взмах крыльев — в глазах рябит: рыжее, белое, чёрное! От леса к дому, от дома к лесу, кусок за куском, туда-сюда — ни навести не успеть, ни снять.

И вдруг удача! Помогла та самая соечья жадность, которая до сих пор так мешала. Жадность и... три картошки.

Положил я на стол картошки. Одна другой меньше. Сам залез под шапку-невидимку. Вот стук коготков, быстрый взмах крыльев: сойка хватается крайнюю маленькую картошку. Схватила, выпрямилась — сейчас улетит! Но — чудо! — сойка не улетела, сойка растерялась. Сойку одолела жадность, она бросила маленькую картошку, схватила побольше. А рядом-то лежит ещё больше! Бросает среднюю и хватается самую большую. Теперь скорее в лес. Но жадность, жадность! Сойка склоняет шею, ёрзает клювом по доскам, исхитряется прихватить к большой картошине ещё и маленькую. А я успеваю её снять.

Теперь-то я знаю, что делать!

С помощью разных картошин я стану командовать жадной сойкой как захочу. И даже не разных, а двух одинаковых. Да, да, совсем одинаковых, только обязательно двух!

На столе две одинаковые картошки. Стук коготков — и сойка хватает одну. Но кажется завистливому глазу, что рядом больше кусок. Отброшена первая, в клюве вторая. Нет, вторая вроде полегче. Брошена вторая, скорее за первую!

А я снимаю, снимаю, снимаю...

А соечный глаз горит, горит. То первая картошина в клюве, то снова вторая. То вторая, то снова первая.

Я снимаю, снимаю, снимаю...

И глаза мои тоже горят, и жадность одолевает. Давно снята сойка, а я всё снимаю, снимаю, снимаю...

СЫЧ

Жил-был в лесу Сыч: лапы цапучие, глаза завидучие. По ночам разбойничал, днём прятался в густых ветках. Но пришла осень, ветер-листождёр все листья содрал — негде стало прятаться.

«Надо дупло искать, — решил Сыч. — Зима на носу».

Нашёл дупло, стал в дупле жить. Что теперь ему зимние холода! А если ещё мышь про запас скогтит, так и зимний голод не страшен.

Скогтил жирную мышь, положил в дупло. Хороша мышь, вот бы ещё такую! Ещё скогтил — и опять в дупло.

«А теперь, — разохотился, — в самый раз синицу поймать!»

Синицу поймал, сунул в дупло. Землеройку придушил. Птичку-пищуху. Потом птичку-королька. Напоследок воробья придавил. И всех затолкал в дупло.

«Заживу теперь в сытости и тепле!»

И хотел было сам в дупло спрятаться. Да глядь, а места-то в дупле нет! Доверху дупло припасом забито, голову и ту не втолкнуть.

Сел рядом с дуплом на сук голый: перья от ветра дыбом, на носу дождевая капля. Что делать? Другое дупло искать — трудов жалко. Рядом с дуплом зимовать — себя жалко.

Стал Сыч у дупла жить, добро сторожить. Худо ему: и дом есть, и припас есть, а радости нету.

ШЕПЕЛЯВАЯ ПТИЦА

— Приложите-ка, ребята, ухо к замочной скважине. Слышите?

«Кукареку-у!»

— Петух, — сказали ребята. — Знакомая птица!

А за дверью вдруг по-кошачьи:

«Мяу, мяу, мяу!»

Вот так петух!

И вдруг как часики:

«Тик-тик-тик!»

Защебетало, щебетало. Потом по-синичьему:

«Вин-тик, вин-тик, вин-тик!»

Потом по-куличинному:

«Ули-и-ит, ули-и-ит!»

И как певчий дрозд:

«Фи-лип, фи-лип, фи-лип!»

— Это птица-повторялка, — сказали ребята. — На всех птичьих языках говорит!

А птица за дверью как скажет человеческим голосом:

«Кош-ка, кош-ка, кош-ка, бр-р-рысь!»

— Вот это да-а!

Птица за дверью:

«Шкворушка, шкворушка, шкворец!»

Все так и ахнули. Это же скворец ручной! Скворцы ведь известные пересмешники. Они могут птичьи голоса передразнивать и человеческие слова повторять. Только вот шепелявит здорово:

«Шкворушке сахару шкорей!»

Но для птицы это полбеда. Беда, когда иные ребята говорят: «Шёл Шашка по шоше и шошал шушку!»

Прямо скворцам на смех!

ЛЕСНЫЕ ШОРОХИ

С о р о к а и З а я ц

— Слушай, Заяц, все говорят, что осина страсть горькая. А ты, смотрю, грызёшь её и даже не жмуришься!

— А я, Сорока, осинку на третье блюдо употребляю. Когда на первое только воздух свежий,

на второе — прыжки по снегу, так и горькая осина на третье слаще мёда покажется!

С о р о к а и В о р о б е й

— Чего это ты, Воробей, раззадавался? Чего это ты расчирикался? Все хорошие певцы помалкивают ещё, а тебя прорвало — орёшь и подскакиваешь!

— Эх, Сорока, мне-то с моим голосом только и петь, пока другие молчат! На безрыбье и рак рыба, на бесптичье и воробей соловей! Чик-чирик!

Л и с а и К у р о п а т к а

— Все меня, Куропатку, обидеть норовят: в лесу — волк серый, в поле — хорёк бурый, в воздухе — ястреб пёстрый. Хоть бы ты меня, Лиса, пожалела!

— А я что — рыжая, что ли?..

К р о т и Ф и л и н

— Слушай, Филин, неужели ты меня проглотить можешь?

— Могу, Крот, могу. Я такой.

— Неужто и зайчонка протолкнёшь?

— И зайчонка протолкну.

— Ну а ежа? Хе-хе...

— И ежа проглочу.

— Ишь ты! А как же колючки?

— А колючки выплуну.

— Смотри какой молодец! А медведь вон на ежа даже сесть боится...

С о р о к а и С н е г и р ь

— Эй, увалень, как звать-то тебя? Откуда, красногрудый, к нам в лес прилетел? Что же ты молчишь, воды, что ли, в рот набрал?

— Не-е, не воды — рябины. От удовольствия онемел!

Я б л о н ь к а и В о р о б е й

— Слушай, Воробей, ты мужик умный, среди людей крутишься, не слыхал ты, что они про зайца-русака говорят? Хищный он зверь или нет?

— Ой, Яблонька, насмешила, ой, уморила! Какой же заяц хищник? С его крысиными зубами впору только кору глодать.

— Кору?! Ох, чуяла моя сердцевина: огложет меня со всех сторон хищник свирепый! Погубит, злодей!

НЕДОЛГО ДУМАЯ

Ж а л е й к и н и л я г у ш о н о к

Под кочкой, в сыром болотце, заметил Жалейкин маленького, слабенького лягушонка.

— Бедный, несчастный малыш! — воскликнул Жалейкин. — Как же плохо тебе, бедняжке, в этом грязном болоте! Темно, сыро, холодно! Но ты не унывай! Я спасу тебя, у меня дома тебе будет хорошо и уютно!

Дома Жалейкин посадил лягушонка в самую красивую расписную шкатулку, постелил

на дно мягкую сухую вату, выставил шкатулку на тёплое солнышко и весело рассмеялся от радости.

— Помни, лягушонок, мои заботы! Будешь жить теперь в теплоте, сухости и чистоте. Не то что в твоём грязном болоте!

А лягушонок не радуется, а лягушонку не до веселья. Ему очень плохо, он чуть жив. Он перегрелся на солнце, засох и запутался в вате.

Как увидел его Жалейкин, так и заревел! Всего лягушонка облил слезами. И вовремя: ещё немножко — и лягушонок бы окошел!

Помчался Жалейкин с лягушонком к болоту. Тому самому, где и сыро, и грязно, и холодно. Но где лягушонку так же хорошо, как Жалейкину в своей тёплой и чистой комнате.

Ж а л е й к и н и п т е н ч и к

Шёл Жалейкин летом по лесу и слушал пение птиц. До чего же поют хорошо!

Вдруг видит: птенчик сидит на пенёчке. Беспомощный, маленький, одинокий.

«Наверное, он, бедняга, из гнезда выпал и родители его потеряли!» — подумал Жалейкин. И чуть не заплакал.

«Я возьму бездомного сиротку домой, — всхлипнул он, — и горькую жизнь его сделаю сладкой! Для тебя, пернатый друг, мне не жалко даже конфет! Ешь досыта ириски, подушечки и леденцы. Пей на здоровье лимо-

над, какао и кофе. Помни мою доброту и пой весёлые песни!»

Но птенчик от таких «забот» петъ не стал. Сперва он нахохлился, а потом околел. Никогда уже не прозвенит его песенка в зелёном лесу.

Не знал Жалейкин, что птенчик не был сиротой — просто пришла пора из гнезда вылететь. Не знал, что не едят птенцы леденцы и ириски, не пьют кофе и лимонад. Не знал, что жалеть тоже надо уметь.

Ж а л е й к и н и д я т е л

Пришёл Жалейкин в берёзовую рощу. Слышит: стучит кто-то, как топором.

Подкрался и видит: сидит на берёзе дятел и долбит её изо всех сил. Только щепки летят! Жалко ему стало берёзу.

— Кыш, вредная птица! — закричал Жалейкин. — Носищем своим все берёзы попортишь! — И запустил в дятла палкой.

Дятла прогнал, а не разглядел, что дятел-то сухую берёзу долбил. Очищал её от жуков, личинок и гусениц.

Расплодились жуки короеды, лубоеды и древоточцы. Стали берёзы в роще болеть и сохнуть. А Жалейкин знай охраняет рощу от дятлов! То палкой в дятла, то из рогатки.

До того доохранялся, что и охранять стало нечего. Была живая, весёлая роща, а стал мёртвый сухостой да валежник.

Ж а л е й к и н и з я б л и к

Всю зиму жил у Жалейкина в клетке зяблик. Кормил и поил его Жалейкин, клетку ставил у печки, чтобы зяблик не зяб.

Но вот закапали за окном сосульки, мартовское солнышко заглянуло в окно. Зяблик обрадовался весне и запел.

Жалко стало Жалейкину птичку. Весна-красна на дворе, а птичка в тесной клетке. «Лети, зяблик, на свободу, помни мою доброту!»

Прилетел зяблик в лес, а там ещё снег и холод. Не знает зяблик, где еду искать, куда от мороза спрятаться.

Вернулся зяблик из лесу и давай носом в окошко стучать, обратно в клетку проситься.

«Доброе золотое сердечко, — умилился Жалейкин. — Вернулся поблагодарить, что я на свободу его выпустил!»

А наутро видит — лежит под окном замёрзший зяблик. Понял Жалейкин, что нельзя летних птиц на волю ранней весной выпускать. Понял, да поздно...

Ж а л е й к и н и м ы ш и

Развелись в липовой роще лесные желтогорлые мыши. Так под ногами и шныряют, так и пищат!

Днём и ночью собирают мыши и прячут в свои кладовые опавшие липовые орешки.

«Вот мышиная напасть! — возмутился Жалейкин. — Разворуют все орешки и не прорас-

тут в роще новые липки! Но этому не бывать: я защищу рощу от жадных мышей!»

Принялся Жалейкин вылавливать мышей капканчиками, мышеловками и ловчими банками.

— Всех вредителей перевёл в вашей роще! — похвастался Жалейкин лесоводу. — Вы мне за это должны спасибо сказать!

— А кто тебя об этом просил? — рассердился лесовод. — Ведь мыши на нас работали! Они складывали в свои кладовые самые отборные орешки, а мы их потом выкапывали и высаживали в роще, где нам было нужно!

Пришлось лесоводам самим теперь, словно мышам, ползать на четвереньках по земле и собирать по одному орешку. Хотели они и Жалейкина заставить, да он вовремя убежал. Что-нибудь, наверное, опять жалеет по-своему!

Ж а л е й к и н и ж а б ы

Жалейкин увидал в огороде жабу.

— Противная ядовитая тварь! — сказал он. — Вот уж кого мне не жалко. Говорят, и бородавки от них бывают! Я их всех быстро выпровожу из огорода! Нечего грязными лапами по капусте да по салату скакать!

Но как только не осталось в огороде жаб, так на капусте завелись гусеницы. А весь салат обглодали слизни. Слизней тоже развелось видимо-невидимо.

Остался Жалейкин без капусты и без салата. Да ещё и самого по грядкам заставили

ползать и голыми руками собирать противных гусениц, личинок и слизней.

Но кому охота день-деньской ползать по огороду! Другие ребята небось рыбу ловят, в речке купаются или ягоды собирают, грибы и орехи.

Отправился в лес с корзинкой и Жалейкин. Только не за грибами и ягодами, а за... жабами! Полкорзинки у болота набрал, даже и не поморщился.

Выпустил жаб в огород: пусть огород от вредителей очищают. А сам побежал купаться. И никаких бородавок на руках у него не появилось, потому что выдумки это всё!

Ж а л е й к и н и п р у д

Побежал однажды Жалейкин на пруд и ахнул! Кто-то на берегу не залил костёр, бумажки и тряпки не собрал, не закопал банки и склянки.

— Вот неряха! — вскричал Жалейкин. — Как ему не жалко портить такой бережок? Придётся мне навести порядок. Соберу весь мусор и брошу в воду.

Снова стал бережок чистеньким и красивым. И пруд красивый: мусора на дне никому не видно.

Но прибежали на пруд купальщики и порезали о склянки ноги. Рыболовы порвали об острые склянки лески и поломали о банки крючки. А рыбы в пруду от грязногохлама и ржавчины стали болеть и задыхаться.

Хотел Жалейкин как лучше, а вышло — хуже.

Всякое дело с умом делать надо. И уж если одно делаешь, то и другое не портить!

Ж а л е й к и н и щ у к а

Запустили рыбаки в пруд карпов. Пусть себе растут и толстеют!

Жалейкин уже тут как тут! И сразу же высмотрел в пруду щуку.

«Щука же всех карпов в пруду переловит! — ужаснулся он. — Её немедленно надо поймать. Рыбаки мне только спасибо скажут».

Поймал Жалейкин щуку, а рыбаки его за это чуть не побили!

— Щука же совсем маленькая, наши карпы не по зубам ей! Мы нарочно её в пруд запустили, чтобы она мелкую рыбу вылавливала. Сорная рыба карпов корм поедает! Щучка пугала бы наших карпов, гоняла бы их потихоньку, а у них от этого аппетит был бы лучше, и они быстрее бы росли! Вот сколько вреда ты наделал из-за своей бестолковой жалости!

И рыбаки прогнали с пруда Жалейкина, а щуку снова пустили в воду.

Ж а л е й к и н и м у р а в ь и

Увидел Жалейкин плакат «Муравьи — друзья леса». Прочитал и ахнул: как же он этого раньше не знал! По незнанию собственными руками не раз муравейники разорял, по доброте муравьиными яйцами рыб прикармливал.

А сколько раз видел, как раскапывали муравейники зелёные дятлы. Видел и не вмешивался: дятлов жалел.

Раз застал на муравейнике большой тетеревиный выводок. Тетеревята принимали на муравейнике солнечные ванны и склёвывали муравьев. И он их даже не прогнал!

«А уж как, наверное, вредят открытым муравейникам ветры и проливные дожди! Но теперь больше этому не бывать! Я защиту полезных муравьёв. За дело!»

Все муравейники на опушке Жалейкин завалил зелёной травой. Стали они похожи на стожки сена.

Муравейники в лесу Жалейкин надёжно укрыл еловым лапником. Как шалашики стали. Дятлы и тетерева теперь до них не доберутся, рыболовы их не найдут, а ветры и ливни не повредят. Радуйтесь, муравьи!

Но муравьи что-то не радуются. Под лапником и травой завелись на муравейниках сырость и плесень. Муравьи стали болеть, куколки их не прогревались на солнце.

— Что же ты, Жалейкин, наделал? — поймал его за ухо лесник. — Ты что, плакаты мои не читал? Дожди и ветры муравьям не помеха: купол муравейника — надёжная крыша. Птицы и звери для них полбеда. А вот твои стожки и шалашики — беда непоправимая. И если ты им добра хочешь, не мешай им по-своему жить. Они ведь друзья леса!

Ж а л е й к и н и ч а й к и

Отправился Жалейкин на озеро рыбу ловить. Удочку на плечо, садок в руку.

Хорошо рыба клюёт! Вот-вот садок станет полным.

Но тут Жалейкин заметил, что чайки тоже ловят в озере рыбу. «Вот вредные птицы! — рассердился Жалейкин. — Того и гляди, оставят меня без рыбы! А что, если я разорю все чайчьи гнёзда? Рыбы станет так много, что буду я ходить на рыбалку сразу с двумя удочками и с тремя садками! И других рыболовов порадую».

Отвадил Жалейкин чаек от озера. Но рыбы в озере с каждым летом становилось почему-то не больше, а всё меньше и меньше. А скоро она и совсем клевать перестала.

Чайки, оказалось, вылавливали только больную и слабую рыбу. И без них вся здоровая рыба в озере стала болеть и чахнуть.

Осталось озеро без красивых чаек, а Жалейкин — без рыбы. Теперь на озере и с одной удочкой делать нечего. Спohватился Жалейкин, да поздно!

Ж а л е й к и н и с о р н я к и

«Возьмусь-ка за верное дело — объявлю войну сорнякам. Уж за это все мне скажут спасибо».

С палкой, как с шашкой, набросился Жалейкин на репейники. Полетели по сторонам колючие головы!

«И со жгучей крапивой расправляюсь: не кусай за руки, не кусай за ноги!

А теперь примусь за ядовитые лютики, за куриную слепоту. Ишь какими золотыми цветочками прикинулись, а от самих один только вред!

И мухоморы притворились безобидными, как божьи коровки, а сами ядовитее змей! Ещё и путаются под ногами!»

«Жалейкин, что же ты так безжалостно всё громишь? Уж не белены ли объелся?»

«Воюю с вредителями — рву и топчу! И белену опасную, и васильки-сорняки, и полынь горькую, и разные мухоморы. Нечего их жалеть! С корнем выдеру, чтоб и духу их не осталось!»

«Сорняки жалеть нечего — себя пожалей. Весь в царапинах, синяках и ожогах. Ведь своё же лекарство уничтожаешь. И от ушибов, и от ожогов. Сорняки эти ещё и полезнейшие лекарственные растения. Чем просто губить их — лучше бы собирал. Опять, не подумав, развоевался!»

«А что долго раздумывать? Раз сорняк — то и с корнем его! Всем глаза намозолили, у всех в печёнке сидят! Сердце разрывается, на них глядя! Нервы мои не выдерживают!»

«Тебе бы только с корнем выдрать! А из корней репейника, например, можно сделать лекарство от ревматизма.

Тебе бы только с глаз долой, а из сорняков-васильков делают прекрасные примочки для глаз.

Тебе бы только духу не было! А духовитая полынь лихорадку лечит.

У тебя сорняки в печёнке сидят, а из лопуха получают отличное лекарство для печени.

Сердце у тебя разрывается, нервы твои не выдерживают! А ты прими капли из горичвета.

Проглоти порошок из мухомора — и всё сразу пройдёт.

Заживут царапины от лекарства из крапивы.

Пройдут синяки и ушибы от лекарства из белены».

«Не везёт мне в жизни, хоть плачь! И пожалеть меня, Жалейкина, некому...»

«Помогать беспомощным надо. И обиженных надо жалеть. И не в том твоя беда, что ты жалеешь и помогаешь. Беда твоя в том, что берёшься ты за дело недолго думая! А всякое дело надо делать подумав. Семь раз примерь — раз отрежь. Так-то вот!»

В ГОРАХ

Тропинки в горах разбегаются лучиками. И у каждой тропинки свой смысл. Вот одна протянулась к родничку — это «водяная» тропинка. Другая в лес, к валяжнику, — это «дровяная».

Вьётся, вьётся, спешит вниз, в долину, «домашняя» тропинка — дорога к дому.

Но есть в горах и другие тропинки. Кто их проложил, человек или зверь, — неизвестно. Их и заметить-то не просто. Только если пригнёшься, увидишь на осыпи, под серыми скалами, тёмную ниточку. Это и есть та самая тропинка. Шириной она в два козлиных копытца. Никто не знает, куда она ведёт. Потому и называют эти тропинки «безымянными».

Пойдёшь по «водяной» тропе — найдёшь воду. По «дровяной» — дрова.

Я выбрал себе безымянные тропы — и вот что на них увидел.

ЖИЗНЬ В ОБЛАКАХ

На горы, как и на море, можно смотреть и смотреть. Они всегда были и будут. Трогая камни, ты трогаешь Вечность.

Внизу лиственные леса, похожие на зелёный каракуль. Над ними леса тёмные, хвойные — словно вздыбленная грива зверя. Ещё выше — горные степи, пёстрые альпийские луга. Над лугами вознеслись гранёные скалы. А на самом верху, выше скал и облаков, вечные сияющие снега!

Всё в горах необычно. Земля, вставшая на дыбы. Облака и птицы пролетают глубоко под ногами, а реки и водопады шумят высоко над головой. Бывает, внизу хлещет дождь,

а наверху светит солнце. Внизу жаркое лето, наверху морозная зима. И от зимы до лета рукой подать.

В горах можно по-настоящему витать в облаках. И под радугу можно пройти, как под арку. И можно подняться так высоко, что синее небо ляжет тебе на плечи. И до звёзд покажется ближе, чем до огней в глубоких долинах.

И с гор можно смотреть и смотреть. С вершин вся красота земли как на ладони. Ниоткуда больше не увидишь такого! И радость высоты распирает грудь, и кажется, что когда-то ты уже смотрел вот так на землю из-под облаков. А что, ведь когда-то и мы были птицами...

Горы многоэтажны. Этаж лиственных лесов. Этаж лесов хвойных. Этаж пёстрых горных лугов. И самый верхний этаж — этаж серых скал и белых вершин.

И каждый высотой в километр! И на каждом этаже свои жители. И свои происходят события.

БЕГСТВО ЦВЕТОВ

Долину у высокой снеговой горы за безводье называли Мёртвой.

Мы пришли в долину в сумерках — ничего не успели разглядеть. А утром вдруг видим: по всей долине синие озёра в золотых берегах и холмы красных песков. Но глаза обманули

нас. Не было в долине ни синих озёр, ни золотых песчаных берегов, ни красных холмов. Были цветы. В сырых впадинах синели незабудки. Они были такие яркие и такие синие, будто в них отразилось весеннее небо. Озёра незабудок окружали золотые лютики. А на сухих гривах горели маки. Маки были похожи на красные фонарики, зажжённые в зелёной траве. Их было много. Так много, что у нас начинало рябить в глазах и кружилась голова. Вот так мёртвая долина! Как хорошо!

— Плохо! — сказали чабаны. — Мёртвая долина. Скоро всё сгорит от жары. Овцам нечего будет есть.

— И цветы сгорят? — пожалели мы.

Чабан прищурился.

— Цветы уйдут.

— Как уйдут? Куда?

— Нас поведут на новые пастбища.

Шутник чабан. Нашёл проводников...

Прошло несколько дней. И вдруг мы заметили, что цветы-то действительно пошли! Цветы стали подниматься в гору! Каждый день они поднимались всё выше и выше.

Цветы уходили из Мёртвой долины.

Цветы спешили!

Синими волнами вверх по сырým лощинам выплеснулись незабудки. По скатам лощин поднимались жёлтые лютики. Будто среди жёлтых песков бежали синие ручьи.

Маки поднимались по гребням отрожков.

Всё злее жгло солнце.

Всё выше и выше поднимались на гору цветы. Высокая гора. Первыми стали отставать незабудки. Они поднялись до верхних родничков и окружили их бирюзовыми колечками. Но лютики и маки поднимались ещё выше.

Ночи стояли душные, жаркие. За горами метались зарницы.

Вершина горы из белой стала бурой: сошёл последний снег. Из бурой стала зелёной: покрылась травой. И наконец — золотой: это на самую вершину поднялись первые лютики. А скоро среди зелени и лютиков зажглись красные фонарики: на вершину вскарабкались маки!

Вслед за цветами и травой потянулись в горы и отары белых овец. Они, как курчавые весенние облака, ползли по горным склонам.

А внизу, в долине, всё сгорело. Долина стала мёртвой.

Но мы смотрели на горы и радовались: там, наверху, сочные травы, красные цветы — большие будут курдюки у овец, душистое будет овечье молоко.

СУШЁНЫЕ КАМНИ

Вышел на поляну медведь. На поляне лежат серые камни. Может, тысячу лет лежат. Но вот пришёл медведь и принялся за них. Поддел лапищей, перевернул — сразу стал камень двухцветным. То была одна сухая верхушка видна, а теперь и сырое тёмное доныш-

ко. Понюхал медведь двухцветный камень — и дальше. Второй камень перевернул мокрым донышком кверху. Потом третий. Четвёртый.

Всю поляну обошёл, все камни перевернул. Все камни — мокрым донышком к солнцу.

А солнце печёт. Задымили мокрые камни, парок от них пошёл. Сохнут.

Смотрю я на медведя и ничего не пойму. Для чего он камни, как грибы, на солнце сушит? Зачем ему сухие камни?

Спросить бы, да боязно. Медведи — они подслеповаты. Ещё не разглядит, кто его спрашивает. Придавит сослепу.

Молчу и смотрю. И вижу: подошёл медведь к последнему, самому большому камню. Сгрёб его. Навалился и тоже перевернул. А сам скорей носом в лунку.

Ну вот и спрашивать не надо. И так всё понятно. Не камни зверь сушит, а поживу под камнями ищет! Жуков, слизняков, мышей.

Дымят камни. Чавкает медведь.

Нелёгкая у него пожива! Сколько камней перевернул — одного мышонка добыл. А сколько нужно перевернуть, чтобы брюхо набить? Нет, ни одному камню в лесу не пролежать тысячу лет без движения!

Чавкает мишка и прямо на меня косолапит. Может, и я ему камнем показался? Ну подожди, сейчас я с тобой по-своему поговорю! Чихнул я, кашлянул, свистнул, обушком по дереву застучал.

Охнул мишка и пошёл кусты ломать!

Остались на поляне я да сушёные камни.

ТЕТЁРКА

Кавказская тетёрка всем схожа с нашей, обыкновенной. Может, поменьше только.

И повадка у неё простая: увидит охотника — улетит, услышит — убежит или затаится.

Но однажды встретил я тетёрку, которая не улетела от меня, не убежала и не затаилась.

Сидел я на склоне у ручья. Плещет, скачет с камня на камень вода и у кустов рододендрона обрывается водопадиком.

Из этих кустов и вышла тетёрка. А за ней шесть цыплят.

Хотел я притаиться, да неловко шевельнулся — из-под ноги поскакали камешки.

Семь головок, как семь цветочных бутонов, поднялись из травы. И замерли.

Шесть несмышлёнышей ждут сигнала матери.

Вот тетёрка взмахнула крыльями.

«Сейчас улетит», — подумал я.

Но она не улетела. Только кинулась в сторону. «Сейчас убежит!» Но она наткнулась на камень — и не убежала.

Шесть глупых цыплят ждали.

Тогда я нарочно зашуршал ногой.

Тетёрка — грозная, взъерошенная — бросилась прямо на меня.

Я шуршал ногой, а тетёрка бежала ко мне, спотыкаясь и падая.

Она кинулась мне прямо в руки и, схваченная, закричала, забилась, теряя перья.

Это послужило сигналом.

Шесть цыплят разом взлетели — и спланировали под кручу.

Я был поражён безрассудной самоотверженностью птицы. Зачем кидаться в руки врага, когда можно убежать, улететь, спрятаться?

Но, прижав ладонями тугие, сильные крылья, я вдруг заметил: тетёрка была слепа. Вместо живых птичьих глаз были две пустые впадины с запёкшейся кровью. Всё стало ясно.

Пёстрый желтоглазый ястреб налетел, скогтил, поволок. Проколол глаза, да не сумел удержать и убить, — вырвалась.

Тетёрка и слепая водила выводок. На ощупь клевала траву и почки. Шесть несмышлёнышей по-прежнему ждали от неё сигналов. Но теперь она не могла взлететь и увлечь за собой выводок. Не могла убежать и спрятаться с выводком в чаще. Куда бежать, куда лететь, когда кругом ночь?

...А враги крадутся. Слышны шорохи в кустах, в траве. Скачут из-под чьих-то ног камешки.

И тетёрка, защищая детей, бросалась прямо на шум. Это всё, что она могла теперь сделать.

Слабый враг испугался бы и убежал. Сейчас враг оказался сильней. И она забилась, закричала. Тетеревята были спасены.

Я держал в руках слепую тетёрку и не знал, что с ней делать.

Под ладонью быстро-быстро билось птичье сердце, такое маленькое, но такое смелое!

МЕДВЕЖЬЯ ГОРКА

Увидеть зверя непуганым, за его домашними делами, — редкая удача.

Мне пришлось.

Охотился я в горах на горных индеек — уларов. До полудня пролазал зря. Улары — самые чуткие птицы гор. И лазать за ними приходится по кручам у самых ледников.

Устал. Присел отдохнуть.

Тишина — в ушах звенит. Жужжат на припёке мухи. Кругом горы, горы и горы. Вершины их, как острова, поднялись из моря облаков.

Местами облачная пелена отодвинулась от склонов, и в зазор — солнечный луч; по подоблачным лесам заколыхались подводные тени и блики. Попадёт в солнечный луч птица — сверкнёт, как золотая рыбка.

Разомлел я на припёке. И заснул. Спал долго. Проснулся — солнце уже вечернее, с золотым ободком. От скал протянулись вниз узкие чёрные тени.

Ещё тише стало в горах.

Вдруг слышу: рядом, за бугром, будто бык вполголоса: «Му-у-у! Му-у-у-у!» И когтями по камням — шарк, шарк! Вот так бык! С когтями...

Выглядываю осторожно: на уступе медведица и два медвежонка.

Медведица только проснулась. Закинула башку вверх, зевает. Зевает и лапой брюхо чешет. А брюхо толстое, мохнатое.

Медвежата тоже проснулись. Смешные, губастые, головастые. Сонными глазами луп-луп, с лапы на лапу переминаются, плюшевыми башками покачивают. Поморгали, покачали башками — и схватились бороться. Лениво спросонок борются. Нехотя. Потом разозлились и сцепились всерьёз.

Кряхтят. Упираются. Ворчат.

А медведица всей пятернёй то по брюху, то по бокам: блохи кусают!..

Послюнил я палец, поднял — ветер на меня тянет. Перехватил ружьё половчее. Смотрю.

От уступа, на котором были медведи, до другого уступа, пониже, лежал ещё плотный, нестаявший снег.

Дотолкались медвежата до края да вдруг и скатились по снегу на нижний уступ.

Медведица перестала брюхо чесать, перегнулась через край, смотрит.

Потом позвала тихо: «Р-р-р-му-у-у!»

Покарабкались медвежата наверх. Да на полгорке не утерпели и схватились опять бороться. Схватились — и опять покатились вниз.

Понравилось им. Выкарабкается один, ляжет на пузечко, подтянется к краю — раз! — и внизу. За ним второй. На боку, на спине, через голову.

Визжат: и сладко, и страшно.

Я и про ружьё забыл. Кому же придёт в голову стрелять в этих неслухов, что штаны себе на горке протирают!

Медвежата наловчились: схватятся и катятся вниз вдвоём. А медведица опять раздремалась.

Долго смотрел я на медвежью игру. Потом вылез из-за камня.

Увидели меня медвежата — притихли, во все глаза глядят.

А тут и медведица меня заметила. Вскочила, фыркнула, вскинулась на дыбы.

Я за ружьё. Глаза в глаза смотрим.

Губа у неё отвисла, и два клыка торчат. Клыки мокрые и от травы зелёные.

Вскинул я ружьё к плечу.

Медведица схватилась обеими лапами за башку, рывкнула — да вниз с горки, да через голову!

Медвежата за ней — снег вихрем! Я ружьём вслед машу, кричу:

— А-а, растяпа старая, будешь спать!

Скачет медведица по скату так, что задние лапы за уши забрасывает. Медвежата сзади бегут, курдючками толстыми трясут, оглядываются. И холки горбиком — как у мальчишек-озорников, которых матери закутают зимой в платки: концы под мышки, и на спине узел горбиком.

Убежали медведи.

«Эх, — думаю, — была не была!»

Сел я на снег и — раз! — вниз по накатанной медвежьей горке. Оглянулся — не видел ли кто? — и весёлый пошёл к палатке.

НОЧЬ НА КАРАДАГЕ

Я охотник и не новичок в горах. Но такого мрачного нагромождения скал мне ещё не приходилось встречать. Крикнешь — из провалов и пропастей гаркнет в ответ стоголосое эхо. Идёшь — в спину тебе будто упорно смотрит кто-то; обернёшься — никого нет.

Скалы мертвы. И пусты. А ведь путь охотника красят встречи. Трудно идти, когда ничего не ждёшь впереди. Ломают высота. Даже на привале сердце стучит быстро-быстро. И дышишь, как загнанная лошадь.

Вечер застал меня высоко в этих диких скалах.

Собираю пучки колючей травы и растапливаю на них в котелке снег. Трава сырая. Дым от неё густой, зелёный и едкий... Вода становится горькой, как хина. Сухарь холодный, крепкий — не угрызть!

Пора в спальный мешок.

Блаженны минуты, когда после выматывающих силы подъёмов залезешь наконец в мягкий и тёплый спальный мешок и растянешься в нём на покое! Но тут кругом так мрачно и дико, что и отдых не радует.

Глубоко внизу застыло холодное море. Горный хребет в нём как изрезанный морской берег.

Тишина. Напряжённое ухо ловит отдалённый, еле слышный рёв. Это шумят водопады глубоко внизу, под обломками.

Из-за чёрной скалы, похожей на запрокинутую морду зверя, вылезает узкий зелёный клык месяца.

Холодина! С головой залезаю в мешок. Но и в мешке не согреться. Пахнет мокрой овчиной. В бока впиваются острые камни. Дышать в мешке ещё труднее.

Не радуют и мысли о завтрашнем дне: опять голые скалы, снег, тяжёлые подъёмы...

Заснул под утро.

...Разбудили меня какие-то непонятные звуки, ворчание, сухой скрип, будто что-то жёсткое тёрлось о камень.

Осторожно высовываюсь из мешка и подтягиваю к себе карабин.

Горы чёрные, без глубины, как вырезанные из бумаги. Белое облачное море внизу, тронутое зарёй, розовеет.

Глаз не оторвать: пенистое розовое море с чёрными островами гор! Это так необычно, что забываю и про холод, и про непонятные звуки.

Но вот опять скрип, ворчание, шлёпанье. Приподнимаюсь на локте и вижу: над пропастью, на каменной плите, сутуловатые силуэты чудовищ. Чёрные на розовом. Их двенадцать. Они похожи на горбатых старух. Головы у них втянуты в плечи. Большие крючковатые носы торчат прямо из груди.

Вот зашевелились. Переступают с лапы на лапу. Вытянули змеиные шеи к земле. Шеи змеи раскачиваются. Слышно сердитое ворчание.

И вдруг все разом подняли головы.

Раздался костяной звук: чудовища столкнулись тяжёлыми костяными носами!

Столкнулись и разошлись; грузно, вперевалку заковыляли по плите, волоча по земле свои громадные приспущенные крылья. И тут слышался тот сухой скрип, что меня разбудил, — это их жёсткие перья тёрлись о камень.

Я узнал этих чудовищ. То были сипы — огромные птицы горных высот, птицы-мертвоеды. Белоголовые грифы, ростом много больше самого крупного из орлов — беркута. В размахе крыльев сипа чуть не три метра.

Вот одна из этих чудовищных птиц остановилась, закинула голову за спину. Из разинутого клювища вылетело облачко пара. Громкий хриплый клёкот понёсся в скалы. Каждая трещина, каждый провал повторили крик.

После первого заклекотал второй сип, потом третий. Скалы кричали голосами сипов. Вот сипы перестали кричать и, скрипя крыльями, заковыляли обратно к краю пропасти. Сошлись, закачались, опустив шеи и переваливаясь с лапы на лапу. И опять внезапно, как по команде, подняли и сдвинули головы — стукнулись чугунными клювищами!

Показалось из-за горы солнце. Со скал живо сбежала чёрная тень. Побелел синий снег. Розовое море стало жёлтыми облаками. Облака раздвинулись — и рёв подоблачных водопадов стал яснее и громче.

Чудовищные птицы не кажутся уже чёрными. Жёлто-бурые, с длинными белыми шеями, они все повернулись в одну сторону и молча смотрят, как из-за чёрной скалы, похожей на запрокинутую морду зверя, медленно поднимается солнце.

Когда солнце поднялось над скалой, среди сипов опять началось движение. Один за другим они неуклюже поскакали к самому краю каменной плиты, помогая себе полураспущенными крыльями. С ходу прыгали вниз, в бездну. Сейчас же поднимались из неё, распластав огромные крылья навстречу утреннему ветру. Ветер посвистывал в их широко расставленных маховых перьях.

Один за другим сипы большими кругами поднимались над горным хребтом и исчезали в безоблачном небе.

Улетели сипы. Стал собираться и я. Весело собирался.

Усталости как не бывало. И вода стала вроде не такая уж горькая. И сухарь вкусен. И трудный путь не страшит.

Бывают, значит, и тут встречи. Да ещё и какие!

ГРАБИТЕЛИ

Мы разбили палатку на некрутом травянистом склоне. Противоположный склон был крут; огромная скала, как гладкая каменная стена, заслонила горы; из-под скалы стекала

каменная река — курум. Скала называлась Кара-Кая — Чёрная скала.

И курум, и скала, и даже название скалы Чёрная — дело в горах обычное. Но было совершенно необыкновенным поведение птиц у этой скалы. Каждый приблизившийся к скале стервятник или коршун вдруг круто, как по команде, сворачивал с пути и, влекомый невидимой силой, складывал крылья и мчался прямо на скалу. Ударялся вытянутыми лапами в её каменную стену и, цепляясь за неё и ударяя крыльями, сползал по стене вниз.

Это повторялось изо дня в день. Наконец моё охотничье терпение лопнуло; захватив ружьё и сунув в карман патроны, я направился к непонятной скале.

Поднимался я к скале по куруму. Идти по куруму трудно и очень скучно. Жарко, ноги скользят на камнях. И пусто: зверьки и птицы избегают безжизненных каменных рек.

Но сейчас я был поражён: скала, казалось, притягивала к себе не только птиц, но и зверей. Мелькнула лисица — я заметил только её чёрные ушки. За ней пробежала вторая, вильнула рыжим хвостом. И даже лежебока барсук покинул своё дневное убежище, вылез, серый, на серый камень и к чему-то упорно принюхивался. Сладко сосало под ложечкой; так всегда бывает, когда сталкиваешься с неизвестным.

Скала рядом, нависла над самой головой. Я затаился в камнях.

И вовремя!

Летит стервятник. Жёлто-белый, с чёрными концами крыльев, он хорошо виден на тёмном фоне соседнего склона, будто солнечный зайчик бежит. Летит он мимо. Но вдруг невидимая сила повернула его к скале.

Слышу нарастающий свист; птица мчится прямо на стену.

У самой скалы стервятник распахнул крылья, выпятил вперёд скрюченные лапы.

Я люблю птиц. Люблю не только за их песни и чудесную окраску.

Даже такие неприятные для других пожиратели падали, как грифы, сипы или вот этот стервятник, по-своему приятны и интересны. Но за то, что делал сейчас стервятник на скале, я бы своими руками разорвал его на куски.

Вот второй стервятник, летевший мимо Чёрной скалы, тоже вдруг повернул к ней, и я услышал зловеющий нарастающий свист его полусогнутых крыльев. Теперь я знал, какая сила влекла хищников сюда.

Тысячи ласточек, чёрных с белым — воронков и бурых — горных, кинулись им навстречу. Облепили стервятника, как мошкара, кричали, клевали, дёргали за перья. Смелчаки кидались прямо на спину и летели вместе с ним, вцепившись в перо.

Но что значили для разбойника их слабые клювики и крохотные коготки?

Вот он заскользил по скале и когтями, клювом, крыльями стал срывать десятки лас-

точкиных гнёзд. Из-под его лап и хлещущих крыльев летели пух, перья, сухая трава и падали, падали вниз беспомощные ласточкины птенцы.

Я вскочил; первым выстрелом я сбил скользящего по стене стервятника, вторым отогнал второго, сидящего под скалой, — он хватал полуголых птенцов и глотал их целиком.

На скале гнездилась огромная колония ласточек.

Вся скала была усыпана их аккуратными кругленькими гнёздышками — сотни гнёзд. Много гнёзд, но и каждый залетающий хищник срывал их десятками. То, что не успевали подобрать крылатые разбойники, подбирали барсуки и лисы.

Ласточки снова и снова лепили новые гнёзда и клали новые кладки; стервятники и коршуны опять и опять уничтожали их.

В кармане у меня оказалось пять патронов. Я все их расстрелял.

Но ведь не мог же я сидеть под скалой каждый день! А грабители прилетят и завтра, и послезавтра, и будут летать до тех пор, пока на Чёрной скале не останется ни одного гнезда.

Я ушёл от скалы. Но долго ещё стоял у меня в ушах шум хлещущих по стене крыльев и отчаянные крики беспомощных ласточек.

Много-много дней я не смотрел в сторону скалы. А когда посмотрел, то понял: всё кончено. Чёрная скала больше не манила хищников, они равнодушно пролетали мимо.

Но я ошибся. Когда я пришёл к скале, я увидел, что вся колония ласточек цела.

Из каждого гнезда выглядывали птенчики и щебетали без конца. Но только гнёзда теперь были не прямо на стене, а в широкой впадине, под навесом скалы.

Туда-то уж не доберётся ни один разбойник!

Обратно я спускался по куруму. Сейчас этот курум был пуст и безжизнен, как и все курумы. Барсуки и лисы покинули его.

И я, может быть впервые, был рад, что трудный путь мой не красили встречи.

ЗАЗНАЙКА

На голом сучке, чуть повыше зелёных лопухов, похожих на ослиные уши, сидит совёнок. Очень важно сидит, хотя со стороны похож на клок простой овечьей шерсти. Только с глазами. Большущими, блестящими, оранжевыми. И очень глупыми. И так он глазами своими хлопает, что всем сразу видно: балда! Но пыжится выглядеть взрослым. Наверное, ещё и думает про себя: «Когти на лапках загнулись — по сучкам лазать смогу. Крылья уже оперились — захочу и полечу. Клюв окостенел, как щёлкну — так всех напугаю. Голыми руками меня не возьмёшь!»

И так нам захотелось этого зазнайку именно голыми руками взять! Думали, думали и додумались. Он тут целыми днями один си-

дит. И скучно ему, наверное, одному! И похвастаться не перед кем, и не на кого поглазеть...

Я приседаю на корточки и строю совёнку рожу. Подмигиваю, показываю язык. Показываю головой: посмотрите, какой большущий совёнок! Моё почтение, мудрейший из мудрых!

Совёнок польщён, он рад-радёшенек развлечению. Он приседает и кланяется. Переминается с лапы на лапу, словно пританцовывает. Даже закатывает глаза.

Так мы с ним развлекаемся, а товарищ тихонько заходит сзади. Зашёл, руку вытянул и взял совёнка за шиворот! Не зазнавайся...

Совёнок щёлкает клювом, сердито выворачивается, когтями дёргает за рукав. Обидно ему, конечно. Думал: вот я какой большущий да ушлый, а его, как маленького, голой рукой за шиворот. И глазом моргнуть не успел, и крылышком не повёл!

— Не зазнавайся! — щёлкнул я совёнка по носу. И отпустил.

В УЩЕЛЬЕ БОЗДАГА

Охотника-натуралиста влекут к себе узкие каменистые ущелья Боздагов — выжженных солнцем гор. В них вечно что-то сыплется, шуршит, откуда-то падают камешки. Может, так, само по себе. Может, ящерицы. Может, заяц пробежал или выводок кекликов взле-

тел — красивых горных куропаток. А может, и горный козёл скакнул — желанная добыча охотника.

На рассвете ущелья — как синие трещины на красном хребте. К полудню трещины наливаются белой мглой, а камни в них становятся от жары золотыми. Под навалом золотых камней — чёрные тени. Душно в этих раскалённых ущельях. Нечем дышать. Медленно подвигаешься вперёд. Ущелье то и дело круто виляет. Подходя к повороту, взводишь курки: ещё шаг — и может быть неожиданная встреча.

...Стремительно удирают лупоглазые маленькие ящерицы-геккончики. Толстые, серые, как щебень, агамы — большие шершавые ящерицы с треугольными головами и обрюзглыми щеками — с трудом лезут в тесные щели в камнях; их жёсткая чешуя скрипит о камень, как наждак.

Ещё поворот, и за ним звонкий — будто железка ударяет о камень! — крик птички — скалистого поползня. Тревога на всё ущелье!

Осторожно выглядываю из-за скалы.

Вижу: внизу кеклик вскочил на камень, вытянул шейку, на цыпочках тянется — так ему хочется узнать, почему крик. А выше выглянула из-за выступа козлиная голова с высоченными ребристыми рогами.

Оба — и козёл, и кеклик — не оторвут глаз от поползня, что в тревоге мечется по скале и кричит, кричит!.. Им непременно надо узнать, о какой страшной опасности предупреждает

маленькая птичка всех жителей ущелья. Поскорее надо узнать... Они смотрят на поползня и не замечают меня.

Выбирай любую добычу: птицу или зверя. Но время терпит. Прежде чем прогремит в ущелье выстрел о х о т н и к а, должен сделать здесь свои наблюдения н а т у р а л и с т.

Мои глаза скользнули по золотым камням скалы и увидели то, что скрывалось за выступом от глаз козла и кеклика, — на совершенно отвесной каменной стене — гнездо поползня. Будто кто взял и прикрепил к стене узкогорлый глиняный кувшин.

А внизу ползёт к нему, сокращая и вытягивая своё мутно-пятнистое кошачье тело, цепляясь им за выступы камня, гюрзá — змея толщиной в мою руку, чей яд способен убить лошадь или верблюда.

Юлой кружится вокруг неё поползень — то вниз головой, то вверх — и кричит, и кричит, и крик его повторяет каждый камень; и кажется, камни кричат от страха. Но и стоголосый крик их не спасёт птенчиков от ядовитой гадины.

Стена отвесная, а гюрза ползёт. Опирается на хвост, поднимает голову и шарит ею, шарит по камню. Нащупает уступ — и перельёт на него своё тело, как ртуть.

Вот гюрза у самого кувшина — совсем рядом с тёплой птичьей спаленкой, где давно проснулись встревоженные криком желторотые поползнята.

Стенки кувшина гладкие. Неужели влезет по ним гюрза?

Опершись хвостом о шероховатый выступ скалы, змея нацелилась на горлышко кувшина. Потянулась, потянулась к нему.

Вот треть, вот половина, вот две трети змеиного тела поднялись в воздух.

Поползень зашёлся криком.

Гюрза качнулась к горлышку, но не достала до него и, сдерживая равновесие, изогнула своё тело вопросительным знаком.

Сейчас пододвинется немножко — и заползёт в гнездо.

Чёрт с ним, с козлом! Не могу же я допустить, чтобы эта гадина у меня на глазах проглотила беспомощных птенчиков!

Я вскинул ружьё.

Но тут случилось чудо: маленький поползень, вспорхнув, ударил гюрзу в затылок клювиком, лапками, всем своим маленьким птичьим тельцем.

И слабый удар грозен, если нанесён вовремя.

Не сдержав равновесия, змея сорвалась со скалы.

Извивающееся тело её замелькало в воздухе и тяжело шлёпнулось о камни на дне ущелья.

Поползень юркнул в гнездо. Увидел, что все птенцы живы-здоровы. Сейчас же опять выглянул из горлышка кувшина, но, заметив бьющуюся внизу гюрзу, испугался и спрятался опять.

Здесь моего выстрела не понадобилось, и, значит, желанная добыча ждёт меня.

Поднял глаза, но ни рогатой головы козла, ни любопытного кеклика уже не увидел.

Ладно, не жалко!

В путь, в путь! Впереди ещё поворот, за ним ещё...

За каждым поворотом — новые встречи.

Охотнику — добыча, натуралисту — наблюдение.

НОЧЬ ОГНЕЙ

Среди ночи я вышел в сад — и остановился: ночь цвела огнями! Огнями всех расцветок.

Высоко в небе серебряный круг луны в золотой россыпи крупных звёзд. На склонах гор — красные огни костров. На кустах, в воздухе — всюду зелёные искры светляков.

А надо всем, как бесконечная дорога, голубой Млечный Путь.

На лужайке, под высоким эвкалиптом, трепещут тени. Будто стоит дерево по пояс в воде, а под ним водяная зыбь. А кусты посреди лужайки как чёрные стога.

Кружатся над кустами летучие светляки. Вверх-вниз, вверх-вниз. Вспыхнут — погаснут, вспыхнут — погаснут. А встретятся — и завихрятся в огненном танце.

Вдруг трещотка! Это закричал в кустах ночной сторож — чёрный дрозд.

На залитую лунным светом поляну неслышно вышел лесной кот. Постоял, мерцая

янтарными глазами. Перешёл, крадучись, поляну и исчез в тени эвкалипта.

Минуты не прошло — опять затрещал дрозд.

На поляну, уткнув лисьи носы в землю, выскочили два шакала. Один за другим потрусили по кошачьему следу. Задний сунулся было вперёд, но передний повернул к нему узкую морду и улыбнулся: блеснули зелёные зубы. Задний сразу осел и поджал хвост. Обоих скрыла живая тень эвкалипта: как в воду канули.

Так вот куда пробираются ночные воры! За эвкалиптом на высоких жердях — плетённый курятник. Вечером куры сами залетают в плетёнку. И спокойно спят в ней, недосягаемые для лис и шакалов.

Я подкрался к плетёнке и встал так, чтобы быть невидимым, но видеть всё.

Тихо кругом. Ярче луна и звёзды. Ярче костры на горах. Чернее тени.

У светляков праздник. Вверх-вниз, вверх-вниз! Вспыхнут — погаснут, вспыхнут — погаснут!

Искрится ночь. И даже гнилые столбы курятника, как сквозь воду, мерцают бледно-голубоватым светом.

Спокойно спят куры. Даже тихонько всхрапывают.

Вдруг на плетёнке зажглись два глаза. Жёлтые. Уставились вниз. Внизу четыре глаза. Зелёные. Уставились вверх.

Спят куры, подвернув под крылья головы.

Может, какая-нибудь и проснулась от шороха кошачьих когтей по столбам, но как глупой хохлатке разобрать, где звёзды, где костры, где светляки, а где — звериные глаза?

Я хотел крикнуть, прогнать зверей.

Но опоздал.

Кот уже скользнул в плетёнку. Хлопанье крыльев и отчаянный крик кур заглушили мой голос.

Спасаясь от страшного лесного кота, хохлатки с оглушительным кудахтаньем слетели на землю — прямо шакалам в зубы!

Ночь всполошилась. Захлопали двери. Перекликались встревоженные голоса. Орали куры. Трещал в кустах дрозд.

Но кот был давно в лесу. А шакалы под горой у чёрных кустов рвали добычу. Зелёные глаза их метались, как летучие светляки.

ЖУЖЖАЛО

Темно в ущелье, клыки скал чуть видны на чёрном небе. На одном клыке дрожит звёздочка — как далёкий свет маяка.

Всё расплылось во мраке. Но вот раскрылись ночные цветы, забелели из темноты. Белизна их особая: цветы словно светятся. Светятся и благоухают. Струи пряных запахов текут от цветов. А для кого?

Сажусь на камень и жду. Призрачные тихие ночные минуты. Ничего не видно: одни неясные пятна в темноте. Ничего не слышно,

кроме стука своего же сердца. И ничего не происходит. Но одно уже то, что вдруг да и произойдёт, заставляет всматриваться и вслушиваться. И ждать.

Время тянется не спеша. Сколько позади таких вот ночей! Сырых и холодных, сухих и жарких. И тоже ничего не происходило. Но никогда — никогда! — не было скучно.

Вот лёгкий шорох и лопот. Быстро включаю фонарь. На камне трепещет мохнатая ночная бабочка. Она похожа на крошечную сову. И, как у совы, на плоском щетинистом личике горят и сверкают глаза! Этаким гномик ночной.

Гаснет фонарь, и гаснут глаза.

И опять долго-долго ничего не происходит. Звёздочка сползла со скалы, парит уже в небе, дрожит и переливается там, как росинка. И начинает двоиться. Дрёма одолевает меня. И тут-то словно вентилятор включили! Вдруг зажжужало, ветерком по лицу мазнуло, и живая тень нависла над белым цветком. Дождался цветок того, для кого струил аромат и светился!

В узеньком лучике света от фонаря светился крохотный вертолёт. Ночная бабочка, большущая и глазастая, с крылышками, слившимися в серебристое облачко, сверкающими, как два пропеллера, висела в воздухе над цветком и длинным хоботком, словно через соломинку, сосала сладкий цветочный коктейль. Бражник бражничал на цветах. И разгульно гудел.

Но вот и произошло. Не ахти какое событие; так, маленькая тайна ночи.

СТОИТ И МОЛЧИТ

Светает. В лесу ещё темно, но тропу уже видно.

Поднимаюсь в гору, смотрю под ноги. Ветви нависли над тропой; не глядя, отвожу их рукой от лица. Паутина липнет на щёки.

Лес просыпается. Заквакал зелёный дятел. Ночной козодой на поляне промурлыкал и похлопал крыльями в последний раз. И словно движутся мимо меня туманные и ещё чуть видимые стволы дубов, буков и кусты ежевики.

Прохожу мимо мохнатого пня. И прошёл. Совсем рядом прошёл, но тут внутри у меня что-то ёкнуло и щёки похолодели: пенёк-то вдруг шевельнулся и тихо фыркнул, словно чихнул! На обочине — рукой толкнуть! — стоял медведь. Стоял на задних лапах, а передние лапы на пузо свесил. Губы трубочкой — того и гляди, свистнет! Растерялся, что ли, — стоит как пенёк!

Медведь опомнился, мягко упал на четвереньки, вскинул мохнатым задом — и зашумел по кустам. А я ещё долго стоял, застёгивая пуговицу телогрейки, и никак не мог её застегнуть.

КОНЬ-ВЕЛИКАН

Вчера на зелёные горы упал белый град.

Стало как зимой. Да не совсем. И бело, и холодно, а знаешь, что это несерьёзно. Из-под белого везде проглядывает зелёное. И пробиваются, пробиваются летние запахи разных трав.

К утру травы победили. Мутные струи талого града побежали по скатам гор.

Одна струя помчалась по узенькой тропинке, смывая с неё старые следы людей и зверей.

Смыла следы и стала покрывать тропинку мутной земляной жижей.

Но пришёл конец и потокам. Из-за притихших гор поднялось солнце. Всё вокруг обновилося: зелень стала свежей и тропинки нехоженными.

Днём началась жара. Камни от жары стали лиловые и золотые.

Отяжелели, поникли к земле колоски. Смотрю на них против солнца и вижу: взлетит из травы птица — и под крыльями у неё взметнется золотое облачко цветочной пыльцы. Летит птица над травами — и каждый удар крыльев рождает золотистый пылевой смерчик.

Тропинка затянулась корочкой. Потом корочка растрескалась от жары, на ней переплелись лиловые трещинки до самого камня.

Мой конь шагает по звонкой тропинке, и каждый шаг его копыт выбивает в корочке

лунку. Шаг — лунка, шаг — лунка. Четыре копыта — четыре лунки. Вся тропинка позади нас в лунках.

Вечером я возвращаюсь по этой тропинке с горы.

Из каждой лунки взлетает птичка: в каждой лунке — птичья пылевая купалка. Птицы купаются, набрасывая на себя крылышками пыль.

Все птицы горного склона собрались порхаться в лунках. Вся тропинка для них стала пляжем.

Мой конь, наверное, казался птицам сказочным конем-великаном, от каждого шага которого рождается озерко.

ЦАРЬ-ПТИЦА

Конь мой — птицам друг. Частенько он оказывает им такие услуги, какие никто другой оказать не может.

Я уже рассказывал, как он шагал по горным тропинкам и копытами выбивал лунки-озерки и как малые птички радовались, купаясь в заполнившей эти лунки пыли.

Мало этого. Скворцы и трясогузки кормятся около него, ловя мух у его морды и ног. На горных лугах прилетают рыться в навозе рогатые рюмы — горные жаворонки. В лесу сойки и сойки разъезжают на нём верхом, выщипывают на спине линялую шерсть и носят её в свои гнёзда.

А однажды мой конь оказал услугу даже самому царю птиц — орлу.

Ну как после всего этого птицам не петь ему песен?!

Они и поют. Поют всё больше с утра. А к полудню в горах становится так жарко, что всё живое прячется в тень и сидит, открыв рот и часто-часто дыша.

Однажды в такой знойный полдень и я спрятался в холодок под скалу, а коня пустил пастись на лугу. Мы с ним — давние друзья, я ему доверяю. Знаю: далеко не убежит. Свистнешь — он тут как тут.

— Иди, — говорю, — конь, найди себе местечко, где прохлада и трава сочная. А надо будет — позову.

Мы с ним всё больше одни в лесу, так я и привык разговаривать с ним вслух, как с человеком.

Конь и пошёл, потряхивая головой и пощипывая на ходу травку.

От нечего делать стал я следить за полётом горного орла-беркута. Он величаво, медленными кругами парил в безоблачной высоте, растопырив концы маховых перьев и изредка чуть пошевеливая могучими своими крыльями.

— Хорошо тебе там, в холодной высоте! — позавидовал я ему.

Но тут же с удивлением заметил, что орёл снижается.

Ниже, ниже... потом вдруг — прямо у меня над головой — подобрал крылья и стремительно пошёл на посадку.

Над самой землёй опять вдруг распахнул крылья, чуть-чуть взмыл — и спокойно приземлился. Сел он метрах в пяти—десяти ниже моего убежища под скалой.

Я думал, это он какую-то добычу заметил с высоты, на неё кинулся. Но вижу, нет, не то: просто решил отдохнуть. Там, на жёлтом скасте, зелёная клякса: родниковое болотце. Прохладная от студёной ключевой воды грязца. Потоптался орёл на месте, подогнул ноги и лёг. Лёг, как индюшка, грудью на землю. Но и лежащий орёл не потерял своей красоты и величия.

...Солнце пекло всё сильнее. Орёл дремал. Беловатые веки закрывают глаза, тяжёлый клюв клонит голову к земле. В бинокль я видел на нём каждое пёрышко, даже чёрные щетинки, торчащие у основания клюва.

Но скоро глаза мои устали. Я опустил бинокль. И тоже задремал.

...Незаметно перевалило за полдень. Снизу потянуло холодком. Я открыл глаза и сейчас же опять взялся за бинокль: редко можно спокойно рассматривать жителя горных вершин — беркута — на таком близком расстоянии.

Проснулся и он. Встряхнулся. Подобрал крылья и стал перебирать клювом помятые перья.

«Больше ему тут делать нечего, — подумал я. — Отдохнул — и опять в свою высоту. Наверное, уж проголодался».

Но он не полетел.

С ним случилось что-то странное: с него вдруг слетела вся его великолепная величавость. Неуклюже, вперевалку, совсем не царственной походкой заковылял он по болотцу.

Вдруг остановился. Подпрыгнул и, вытянув далеко вперёд когтистую лапу, схватил что-то в траве, долбанул клювищем и, закинув голову, целиком отправил в глотку.

Я хорошо видел, что это было, но не поверил своим глазам. Решил ещё раз посмотреть, убедиться.

Орёл заковылял дальше, опять как-то нелепо подпрыгнул, скогтил добычу и жадно проглотил её.

Больше сомнений не было: орёл ловил и глотал... трудно даже вымолвить — кого!

Орёл, могучий беркут, царь птиц, ломающий хребет лисицам, глотал... лягушек!

Он со страстью, позабыв о своём царском величии, предавался этой позорной охоте, хватал и глотал холодных скользких лягушек! В какие-нибудь пять минут он отправил себе в глотку не меньше десятка лягушек.

Ну кто мне поверит?! Засмеют. Скажут: «Поклёп на царя птиц! Орлы насыщаются только свежим мясом своих жертв и пьют их горячую кровь».

Нет, я убью этого царя птиц, я вырежу его желудок, набитый лягушками, заспиртую и подарю в музей: пусть все видят, что едят цари, когда голодны!

Я осторожно высунул из-за скалы карабин и стал наводить его на беркута.

И вдруг топот и бешеное ржанье, в глаза мне летит щебёнка и пыль! Как из-под земли выросла моя незваная сивка-бурка.

Орёл подскочил, распахнул крылья и, подхваченный ветром, круто пошёл в облака.

А конь мой — проклятый друг птиц! — тычется тёплыми мягкими губами в ладонь: соскучился, рад, что нашёл меня! Здорóво я тогда на него разозлился.

Теперь прошло. Не то чтобы я простил ему все прегрешения, а про орлов я ещё кое-что узнал...

Оказывается, эти цари птиц не только лягушек с удовольствием кушают, но и вонючей падалью не брезгуют!

Могу вам подарить желудок орла, туго набитый кишками дохлого ишака!

Нет желающих?

Странно... Ведь заспиртованный!

У КОСТРА

Пламя костра — сухое и жаркое. Над костром, как на ветру, качается ветка бука. Взошла луна — и в глухом буковом лесу стало ещё мрачнее и глуше. Как в чёрной воде. И только там, где лунный свет пробил лесную крону, легли на стволы и землю яркие жёлтые пятна.

Тревожно как-то. Из чёрного леса с жёлтыми лунными пятнами — шорохи и тихий хруст. Чуть притушил я костёр еловой лапой —

хвоинки запищали и красными зигзагами запрыгали вверх.

Лёг к костру спиной — неудобно... Повернулся лицом — ещё хуже. Переполз на другое место — опять что-то не так: не то сучок под боком, не то в головах низко. И вдруг понял: дело не в сучке и не в изголовье. Дело в сердце — щекотно, перебои и одышка. Это знакомо. Это предчувствие. Кто-то притаился вблизи!

Потянулся тихонечко к карабину, оттянул курок и быстро вскочил на ноги. Костёр слепит. А за костром чернота и жёлтые пятна...

Пригнувшись, кинулся в темноту — как в воду нырнул. Упал и затаился за большим валуном, затянутым мхом.

Странно выглядит ночью костёр со стороны. Красное пламя беззвучно мечется, то разгораясь, то затухая. Ветви над огнём кланяются, кланяются. А серые стволы деревьев, как ноги слонов, переступают вокруг огня, словно пританцовывают.

Ощущение, что тут кто-то есть, не проходит. Это даже не ощущение, а уверенность; я знаю, что этот «кто-то» ещё покажет себя. И он показал.

Сутулая и сгорбленная фигура встала между мной и костром. Будто облачко наплыло на костёр и затмило его. Медведь! Бесшумно, словно и в самом деле лишь облачко тумана, а не матёрый зверина, медведь ещё раз обошёл вокруг костра, — и опять чёрная туша его затмила огонь. Но вдруг он быстро повернулся

ко мне — видно, учуял! Чуть слышно охнул и мгновенно исчез.

Я побоялся стрелять. Почему? Да разве всё объяснишь, когда вокруг чёрный лес, жёлтые лунные пятна и сутулая фигура, плывущая по красному пламени, как туман!

Я не думаю, что медведь пытался напасть. Просто его распирало от любопытства: что это за жар-птица с красными крыльями и почему вокруг неё пляшут деревья?

У ЛИСЬЕЙ НОРЫ

Захлёбываюсь ветром. Обеими руками зажимаю рот и нос — и тону. Тону, как тонут в бешеной горной реке. Над глыбами камней завиваются смерчки пыли. В скалах рёв, будто обрушиваются на скалы тяжёлые океанские валы. Вот сшибло меня с ног и швырнуло на склон. Поволокло, покатило. Сунуло лицом в какую-то дыру в земле.

Приоткрываю один глаз: дыра — вход в лисью нору. На затоптанном холмике у входа в нору заячьи кости, птичьи перья, мыши. Лисья семья живёт.

Открываю второй глаз — и вдруг в норе, недалеко от входа, вижу живую птицу!

Птичка-невеличка, с воробья. Серенькая. Прижалась к стенке норы, хохлит, и жмурится тёмный глазок. Нет, не лиса её принесла: лиса не оставила бы птичку живой. Птичка сама спряталась в лисью нору от бури!

«Ну, брат птица, — подумал я, — тебе ещё хуже!»

Я спрятал голову за камень и стал ждать конца непогоды. Грохотали в скалах океанские валы. Крутились над камнями чёрные смерчки. Меня засыпало песком и землёй. Песок тёк в уши, набивался в глаза, скрипел на зубах.

Дышу через платок и нет-нет-да и приоткрою глаз: как-то там мой товарищ по беде? Ничего. Сидит. Терпит. Но вдруг вижу: птичка вытянулась, пёрышки прижала — стала тоненькой-тоненькой. Глазок насторожила в темноту норы и пятится, пятится к выходу. Выскочила из норы, перескочила на утоптаный бугорок. Ещё чуть — и вихрь сорвёт её, заломит крылышки, помчит по склону, как сухой листок...

А из тёмной норы медленно высовывается мокрый рубчатый нос. Потом два косоватых жёлтых глаза. Лисёнок!

Стукнул я кулаком по земле — нос и глаза исчезли. Приподнялся — птичка шмыг назад, в нору! Протянул я к ней руку — не улетает. Жмётся к стенке и клювик разевает от страха.

Взял я тогда птицу в руку. Дрогнуло в ладони горячее тельце. Но не вырывается.

Только сердчишко как часики: тик-тик-тик!

Разглядел я птичку. Горный конёк называется.

— Ну, раз назвался дружкой — полезай в карман! — сказал я коньку. И спрятал его в карман.

Два раза ещё высовывался из норы мокрый рубчатый нос. Но я грозил носу кулаком, и нос прятался.

Буря кончилась только к вечеру. Я поднялся. Сплюнул. Вытряхнул песок из карманов, из сапог. Протёр глаза, вычистил уши. Потом достал конька и посадил его на ладонь. Он встряхнулся, скосил на меня глаза. Вспорхнул и полетел рывками, как Конёк-Горбунок поскакал.

— До встречи! — крикнул я ему вслед. Постоял и начал подниматься в гору.

НИЩИЙ

Пастухи узнавали этого волка по походке: он ковылял на трёх лапах. Им ли его не знать: лапу волк потерял в их капкане! Неделю, наверное, волочил он по горам железный капкан с чурбаком. Лапа закрутилась жгутом и оторвалась. Волк стал калекой.

Теперь не только косуля или кабанчик стали ему не по зубам, но и глупую овцу домашнюю не одолеть. Рядом с овцами сторожевые собаки. От них на трёх ногах не уйдёшь. И зубы не выручат: на шее у каждого пса ошейник из толстой буйволиной кожи, утыканный железными крючьями.

Волк голодал. Он ловил на лугах кузне-

чиков и зубами раскапывал норки мышей. Приходил по ночам на стоянки скота и выковыривал из навоза больших синих жуков. Но что для волчьего брюха этакая мелкота!

Пастухи, следя за ним, только посмеивались: отпрыгался, разбойник! На одних жуках долго не проживёшь.

Но волк жил. И отощал, и облез, но жил. По утрам волк с трудом вскарабкивался на каменистую горку и подолгу лежал, глядя по сторонам. Волк что-то высматривал или за кем-то следил. Пастухи догадались за кем. Волк следил за грифами. Зоркие грифы, высмотрев с высоты пададь, начинали слетаться к ней со всех сторон. Над ущельем, где была мертвечина, птицы кружили, скользя всё ниже и ниже, а то и просто падали, вздев широкие крылья и жадно свесив тяжёлые лапищи.

Волк всё замечал. И, высмотрев, спешил, ковыляя, туда, где собирались грифы. Пока голодные клювы не растащили добычу, нищий волк, оскалив пасть и злобно прижав уши, ворча, подходил к падали. Грифы нехотя, пыля крыльями, взлетали и садились на ближние скалы. Белые стервятники, взъерошив рыжие гривы, нахально шипели волку в глаза. Но волку было не до обид, он спешил набить брюхо. Потом отползал в кусты и лежал.

Грифы долго спасали волка от голодной смерти. Но пастухи всё же подкараулили волка у падали и пристрелили. Может, и к луч-

шему. Не могло же без конца тянуться его жалкое, нищенское прозябание.

ПЛЯСУНЬЯ

Ну и погодка, чтоб ей ни дна ни крыши-ки!

Дождь, слякоть, холод, прямо — бррр!.. В такую погоду добрый хозяин собаку из дому не выпустит.

Решил и я свою не выпускать. Пусть дома сидит, греется. А сам взял ружьё, взял бинокль, оделся потеплее, надвинул на лоб капюшон — и пошёл! Любопытно всё-таки поглядеть, что в такую непогоду зверьё делает.

И только вышел за околицу, вижу: лиса! Мышкует — промышляет мышей. Рыскает по жнивью — спина дугой, голова и хвост к земле, ну чистое коромысло.

Вот легла на брюхо, ушки торчком — и поползла: видно, мышей-полёвок слышала. Сейчас они то и дело вылезают из норок — собирают себе зерно на зиму.

Вдруг вскинулась лиска всем передом, потом пала передними ногами и носом на землю, рванула — вверх взлетел чёрный комочек. Лиса разинула зубастую пастишку, поймала мышь на лету. И проглотила, даже не разжевав.

Да вдруг и заплясала!

Подскакивает на всех четырёх, как на пружинах. То вдруг на одних задних запрыгает,

как цирковая собачка, — вверх-вниз, вверх-вниз! Хвостом машет, розовый язык от усердия высунула.

Я давно лежу, в бинокль за ней наблюдаю. Ухо у самой земли — слышу, как она лапками топочет. Сам весь в грязи вымазался. А чего она пляшет — не пойму!

В такую погоду только дома сидеть, в тёплой сухой норе! А она вон чего выкамаривает, фокусы какие ногами выделявает!

Надоело мне мокнуть — вскочил я во весь рост. Лиса увидала — тьякнула с испугу. Может, даже язык прикусила. Шасть в кусты — только я её и видел!

Обошёл я жнивье и, как лиса, всё себе под ноги гляжу.

Ничего примечательного: размокшая от дождей земля, порыжелые стебли.

Лёг тогда по-лисьему на живот: не увижу ли так чего?

Вижу: много мышиных норок. Слышу: в норках мыши пищат.

Тогда вскочил я на ноги и давай лисий танец отплясывать! На месте подскакиваю, ногами топочу.

Тут как поскачут из-под земли перепуганные мыши-полёвки! Из стороны в сторону шарахаются, друг с другом сшибаются, пищат пронзительно...

Эх, был бы я лисой, так...

Да что тут говорить: понял я, какую охоту испортил лисичке.

Плясала — не баловала, мышей из их норок выгоняла... Был бы у неё тут пир на весь мир!

Оказывается, вон какие звериные штучки можно узнать в такую погоду: лисьи пляски!

Плюнул бы я на дождь и на холод, пошёл бы других зверей наблюдать, да собаку свою пожалел.

Зря её с собой не взял.

Скучает, поди, в тепле-то под крышей.

ПОД СНЕГОМ

Хорошо весной в горах. На зелёных склонах цветут цветы. Птицы поют. Каждый цветок раскрывается навстречу солнцу. Каждая птица поёт, подняв к солнцу раскрытый клювик!

Но вдруг из-за серых скал выползли синие тучи. Снизу тучи закрыли землю, а сверху — небо. И сразу закрылись цветы. Умолкли птицы. Стало не по себе.

Вокруг темно и страшно. И в наступившей тишине слышно, как надвигается что-то огромное, с шипением, свистом и воем. И вот накатилось: смешалось всё, заревело, заухало! Буря!

Забился я под скалу. Внизу сверкает молния и грохочет гром, а сверху из туч сыплет град и снег.

Пролетел буран — кругом белым-бело! И тихо, как зимой. Но только зима эта особая. Из-под града и снега поднимаются яркие цветы. Пучки зелёной травы распрямляются и сбрасывают снежинки. Распрямился пучок травы и у скалы, под которой я сидел. А рядом с травой из-под снега птичья головка торчит! Носиком крутит, глазами моргает. Горного конька засыпало! Хотел я схватить птичку, скорее спасти её, но вдруг всё понял, тихонько отошёл и сел на камень.

Скоро рассеялись тучи внизу, и снова стали видны леса и глубокие долины. Растаяли тучи и сверху. Опять запылало солнце. Снег и град стали быстро таять. Зажурчало вокруг, зашумело, засверкало. Мутные потоки хлынули вниз. Только тогда конёк поднялся, отряхнулся, поправил клювом мокрые перья и шмыгнул в траву. Так и есть! У пучка травы, в лунке, коньково гнездо, в гнезде пять полуголых конёчков. Прижались друг к дружке и закрыли глаза. Но живые, дышат — пушок на спинках шевелится. Вот почему не спрятался конёк от бури. Вот почему засыпало его снегом!

Опять запели птицы. Навстречу солнцу цветы раскрыли свои вазочки. В каждой вазочке — жуки, комары, мухи. Они в закрытых цветах от бури прятались.

Угощайся, конёк, из драгоценных ваз. Заслужил!

СЕРЕБРЯНЫЙ ХВОСТ

Всю ночь в горах свистело и ухало. Что-то творилось там под покровом темноты и туч.

Утром глянул в окошко — пришла зима.

В горах зима спускается с вершин и всегда приносит неожиданное. Тут не усидишь дома!

Ружьё за плечо, в один карман — патроны, в другой — сухари.

Мороз. Снег такой яркий, что белые пичужки вьюрки кажутся на нём лазоревыми. Струи ветра, что ночью со свистом летели над горами, к утру прилегли на скаты и застыли — каждая в особицу. Одна — волнистой белой лентой; другая — острым ледяным гребешком; третья вильнула у камня, вымела воронку, промчалась дальше и, сорвавшись со скалы, снежным рулоном замерла над пропастью. И не узнать стало знакомых гор.

Вдруг на снегу чья-то маленькая лёгкая тень... Бабочка-белянка! Её не убил мороз. Летит куда-то — прятаться. Белую на белом не видно. Но на снегу порхает её синяя тень.

Не успела ещё застыть быстрая горная речка. Она плещет на чёрные камни зелёной водой, и от воды поднимается тонкий пар. Над речкой летит куличок, трогает кончиками крыльев воду: тронет и отдёргнет, тронет и отдёргнет, будто стряхивает с перьев обжигающие капли.

Снег неровен: где пушистый, где твёрдый, как мрамор. По следу ласки вижу: широкими

прыжками прошёл лёгкий зверёк по ледяному гребешку — и вдруг ухнул, провалился в рыхлый снег.

Да не страшен ласке снег: провалилась и пошла под ним, как рыба в воде. Вон, вон, вынырнула, вертит шоколадной мордочкой с белым подбородком, будто мышка на снегу копошится! Исчезла, потом опять вынырнула — уже подальше — из снега, испугнула стайку лазоревых вьюрков.

Становлюсь на колени, заглядываю в ласкин ход. До чего у неё там красиво! Через снег пробивает солнце — и всё там лазоревое и золотое. Глаз не оторвать!

Поднимаюсь, дальше иду вдоль речки.

А вот лягушка — вся бурая, с ярко-зелёными чешуйками ряски на спине. Дремучие кругом снега, а она вылезла на берег, на солнышко. Выкатила золотые глаза и крякнула: «Ка-ко-во?!»

А солнце ещё только поднимается из-за горы. Тень моя вытянулась вниз по скату на полкилометра. Под ногами будто искры толчёного стекла. А там, где у тени голова, на берегу речки снег как слюда, и в нём отражается солнце. Смотреть туда невозможно: глаза слепит.

Всё же приметил: там что-то движется... По тени не понять: тени от ног как жерди — будто жираф, а может, верблюд.

Скорее за камень, под его снежную шапку!

Отсюда вижу: не жираф, не верблюд, а лиса. Наша горная лиса: вся серая, гривас-

тая, а хвост... Хвост совершенно необыкновенный — серебряный!

Бежит лиса вдоль берега по ледяному гребешку, мотается её хвост из стороны в сторону, так серебром и полыхает! Пробегает надомной.

Далековато... Ну да авось!

Бумм-бумм! — обдало лису снегом. Бумм! — из другого ствола.

«Бумм-бумм!» — отдалось в горах.

Уходит лиса! Скользит по насту, проваливается в снег, опять выскакивает на твёрдое, мечется её хвост вверх, вниз, в бока, вспыхивает серебряным пламенем. Я дрожащими руками ружьё перезаряжаю...

Уходит лиса, уносит невиданный серебряный хвост!..

Ушла! Исчезла за поворотом речки. Сгинула — как не бывало!

НЕСЛУХ

Медведицы — строгие матери. А медвежата — неслухи. Пока ещё сосут — сами сзади бегают, в ногах путаются.

А подрастут — беда!

Да и медведицы сами со слабинкой: любят в холодке подремать. А весело ли медвежатам слушать их сонное сопение, когда кругом столько заманчивых шорохов, писков, песен!

От цветка к кусту, от куста к дереву — и забредут...

Вот такого неслуха, удравшего от матери, я однажды и встретил в лесу.

Я сидел у ручья и макал сухарь в воду. Был я голодный, а сухарь был жёсткий, потому трудился я над ним очень долго. Так долго, что лесным жителям надоело ждать, пока я уйду, и они стали вылезать из своих тайников.

Вот вылезли на пенёк два зверька-полчка. В камнях запищали мыши — видно, подрались. И вдруг на поляну выскочил медвежонок. Медвежонок как медвежонок: головастый, губастый, неловкий.

Увидел медвежонок пенёк, взбрыкнул курдючком — и боком с подскоком прямо к нему. Полчки — в нору, да что за беда! Медвежонок хорошо помнил, какими вкусными вещами угощала его мать у каждого такого пня. Успевай только облизываться!

Обошёл мишка пенёк слева — никого нет. Заглянул справа — никого. Сунул нос в щель — полчками пахнет! Вылез на пенёк, поцарапал пенёк лапой. Пенёк как пенёк.

Растерялся мишка, притих. Оглянулся кругом.

А кругом лес. Густой. Тёмный. В лесу шорохи.

Слез мишка с пня и потрусил дальше.

На пути камень. Повеселел мишка: дело знакомое! Подсунул лапу под камень, упёрся, нажал плечом. Поддался камень, пискнули под ним испуганные мышенята.

Бросил мишка камень — да обеими лапами под него. Поторопился: камень упал и

придавил мишке лапу. Взвыл мишка, затряс больной лапой. Потомлизал, полизал её да и похромал дальше. Плетётся, по сторонам больше не глазеет, под ноги смотрит.

И видит: гриб. Пуглив стал мишка. Обошёл гриб кругом. Глазами видит: гриб, можно съесть. А носом чует: плохой гриб, нельзя есть! И есть хочется... и страшно!

Рассердился мишка — да как треснет по грибу здоровой лапой! Лопнул гриб. Пыль из него фонтаном жёлтая, едкая — прямо мишке в нос.

Это был гриб-пыхтун. Зачихал мишка, закашлял. Потом протёр глаза, сел на задок и завыл тихо-тихонечко.

А кто услышит? Кругом лес. Густой. Тёмный. В лесу шорохи.

И вдруг — плюх! Лягушка! Мишка правой лапой — лягушка влево. Мишка левой лапой — лягушка вправо.

Нацелился мишка, рванулся вперёд — и подмял лягушку под себя. Зацепил лапой, вытащил из-под брюха. Тут ему бы и съесть лягушку с аппетитом — первую свою добычу.

А ему, дурачку, только бы поиграть.

Повалился на спину, катается с лягушкой, сопит, взвизгивает, будто его под мышками щекочут.

То подкинет лягушку. То из лапы в лапу передаст. Играл, играл, да и потерял лягушку.

Обнюхал траву кругом — нет лягушки. Так и брякнулся мишка на задок, разинул рот, чтоб заорать, да и остался с открытым

ртом: из-за кустов на него глядела старая медведица.

Медвежонок очень обрадовался своей мохнатой мамаше: уж она-то приласкает его и лягушку ему найдёт.

Жалостно скуля и прихрамывая, он потрусил ей навстречу. Да вдруг получил такую затрещину, что разом сунулся носом в землю. Вот так приласкала!

Обозлился мишка, вскинулся на дыбки, рывкнул на мать. Рывкнул и опять покатился в траву — от оплеухи.

Видит: плохо дело! Вскочил — и бегом в кусты.

Медведица за ним.

Долго слышал я, как трещали сучья и как рывкал медвежонок от мамашиных затрещин.

«Ишь как уму да осторожности его учит!» — подумал я.

Убежали медведи, так меня и не заметили. А впрочем, кто их знает?

Кругом лес. Густой. Тёмный. В лесу шорохи.

Лучше уйти поскорей: ружья-то у меня нету.

В КОЛЕЕ

В горах есть колёсные дороги, по которым проезжают только раз в год — туда и обратно.

В середине лета заскрипят по дороге арбы. Это жители долин поднимаются в горы на сенокос. Оживают тогда пустынные горы. Звенят косы, перекликаются человеческие голоса. В небо поднимаются синие дымы костров.

Но вот трава скошена и высушена. Обоз скрипучих арб, груженных сеном, медленно тянется вниз. Горы опять становятся пустынными и тихи. До будущего лета ни одна арба не проедет здесь.

Весной по дорожным колеям мчатся мутные ручьи. Потом там, где бежали ручьи, потекут золотые потоки лютиков. Потом сменят их голубые ручьи незабудок. Потом по всему склону хлынут пёстрые потоки цветов самых разных. Дорога потонет в буйных волнах зелени, и только чуть приметные следы колёс напомнят о пути, проложенном человеком.

В большую жару поднимался я по такой дороге.

Поникли к земле травы. Блеск камней слепил глаза. И вот у самого моего сапога блеснуло что-то влажное. Росинка?.. Нет, глаз!

И сейчас же из-под самой ноги выпорхнул жаворонок.

Выпорхнул и упал, побежал, волоча крыло.

Человеку давно известна эта птичья уловка: отводит!

Посмотрел я себе под ноги и в самой колее увидел гнездо. В гнезде — пять живых яичек:

видно, как под тонкой скорлупой теплится маленькая жизнь.

Сколько надо труда, забот, а может быть, и жертв, чтобы сберечь эти хрупкие скорлупки и теплом своего тела раздуть в яичках, как в чуть тлеющих угольках, искорку жизни!

Я лёг в траву недалеко от гнезда и стал следить за жаворонком. И тут открылись мне маленькие птичьи хитрости и великая птичья любовь.

Когда долго лежишь неподвижно, как будто растворяешься в шире зелёных гор и синего неба.

Вот из колосков и трав высунулись два чёрных уха. А вот и вся лисичка вскинулась на дыбки. Помедлила, склонив книзу острую мордочку, и вдруг нырнула в траву, прижала там что-то обеими передними лапами и носом. Мышкует!

Закусив мышонком, поднялась из травы, осмотрелась...

Меня не заметила, не причуяла, будто я на самом деле растворился в воздухе. А жаворонка увидала.

Но для лисы у жаворонка своя хитрость.

Он смело подлетел и сел на камень у самого лисьего носа. Сидит и пёрышки чистит.

Лиса — прыг к камню! А жаворонок — порх! — и на другой.

Лиса за ним — а он на третий.

Крыльев-то у лисы нет — как за ним по воздуху угнаться?

Отвёл жаворонок так лису подальше от гнезда, поднялся повыше — и назад.

Да вдруг кинулся за ним крылатый враг: соколог.

Но и тут оказалась у жаворонка своя уловка. Он пал на землю и юрк мышонком под камень.

Ловко и смело защищал жаворонок своё гнездо.

Всё же мне подумалось: обманет человека, отведёт лису, спасётся от сокола — и всё напрасно: однажды утром заскрипят арбы, и тяжёлое колесо раздавит гнездо в колее со всеми его пятью маленькими жизнями. И весь птичий труд, все жертвы пропадут даром.

Спустившись в долину, я часто вспоминал это обречённое птичье гнёздышко.

Шли дни. Наливались, тяжелели травы. Перестали петть жаворонки. В горах стало необычно тихо. И в этой тишине скрип первых арб раздался особенно резко. Косари поднимались в горы.

Ну вот и конец птичьему домику...

В большую жару я опять поднимался по этой дороге.

Вот колея. Вот и место, где было гнездо. Тут я остановился и стал рассматривать вдавленные в землю соломинки и пёрышки — остатки птичьего жилья.

И вдруг, к моей великой радости, в двух шагах от меня из травы один за другим на-

чали выпархивать желторотые жаворонята — все пять!

Они ещё плохо держались в воздухе: крылышки их были слабы и хвосты кургузы. Вихри и ливни грозили им бедой. В траве крались за ними лисы, а в воздухе сторожили соколки. Но теперь я был спокоен за них.

Я знал: родители научат их всем своим хитростям, и лисам и соколкам противопоставят они свою осторожность, ловкость, полёт.

Самого страшного они избежали — слепого колеса арбы.

МЕДВЕЖИЙ ХАРАКТЕР

Про волка всякий охотник скажет: умный и злой зверь. Про зайца — труслив косой. Про лису — хитра.

А вот про медведя спросишь охотников — мнутя, в затылках чешут. Нет у охотников о медведе единого мнения. Одни говорят — зол и свиреп, как волк. Другие — хитёр, как лиса. А третьи даже уверяют: трусоват мишка, что твой заяц.

Сам я медведей до этого на воле не встречал: случай не представился. А очень хотелось. Хотелось самому решить, какой у медведя характер.

Случай — душа охоты. Пробирался я раз по горному склону, поросшему редкими пихтами и берёзками. И вижу: медведь! Лежит под обрывом ската, на уступе, в тени пихточ-

ки и спит. Близко медведь: в бинокль видно, как шевелятся от дыхания травинки у медвежьего носа и как скачут на медвежьей шкуре весёлые солнечные зайчики.

Но медведю меня не учуять: ветер-то дует снизу вверх. А я его наверху чую: пахнет кислотой и нагретой мокрой шерстью.

Я упал на землю, навёл на зверя бинокль и замер; сутки пролежу, а уж узнаю, какой он, медведь!

Медведь спал недолго. Вот он поднял башку. Повёл носом, но ничего не учуял. Тогда потёр морду о лапу. Лапу полизал. Перевернулся на брюхо и уткнул нос в землю.

Видно, сыт, вставать незачем. Вот лень и одолела.

Но вдруг зверь дрогнул и зашарил носом по земле. Что-то унюхал! Мне, конечно, сверху не видно, но догадываюсь: жучок проходной защекотал медведя по носу!

Жучишка удирает, а медведь башку склонил набок и одним глазом на него смотрит. Отполз жук, а мишка его носом прижал и к себе пододвинул. Жук опять удирать; торопится, наверное, карабкается через разные там веточки и бугорочки. Жук карабкается, а медведь его разглядывает. Серьёзно глядит — губу в трубку вытянул! Отползёт жучишка — медведь его носом назад, чтобы видней.

Я ружьё в сторону отложил. Ни к чему оно: стрелять не сезон, а смотреть безопасно. Медведь-то, выходит, и впрямь вроде любопытной лисички! С жуком, верзила, игру затеял.

Прижал медведь носом жука да как фыркнет! Пыль вверх, а жук так и отлетел!

Мне жука не видно, вижу только, как медведь лапу вперёд вытянул и к себе гребанул, жука хотел подтащить. Да лапища-то здоровенная, когтищи-то что зубья у граблей, — видно, проскочил жук между когтей.

Рассердился медведь, напрягся весь, уши насторожил. Куда и лень девалась! Лапищу во всю длину вытянул, накрыл жука да как гребнёт к себе! Только когти по камню шаркнули!

А жучок опять между когтей! Убегает, мишке уж и лапой не достать. По земле носом шарит — жука ищет. Сердится, ворчит. Нос сморщил — клыки белые видно.

«Эге! — думаю. — Как бы этот игрун меня не нанюхал!»

Подтянул я к себе ружьё, курки проверил.

Не найдёт медведь жука. Камни ворочает, топчется на одном месте и ревёт глухо, будто гром вдали. На каменную глыбу навалился, вывернул. Загрохотала глыба под уклон. А жука всё нет!

Дыбом встала тут у зверя грива на горбу. Поднялся он на задние лапы. И вдруг заорал громко и грозно. В скалах рывкнуло эхо.

Медведь шагнул вперёд, облапил пихточку да так её рванул, что старые шишки градом посыпались на землю. Бросил пихточку, берёзку схватил; замоталась у берёзки вершинка, как при сильном ветре.

Бушует медведь, ревёт. Озлел — пена на морде. Свиреп, как волк!

Я ружьё схватил, курки взвёл, за камни пригнулся: такой-то зверь кому не страшен!

Сломал медведь берёзку. С лапы на лапу переступает, глазами ищет, что ещё схватить, сломать, опрокинуть? Прижался, как кошка. А когтищи! А силища!

«Ещё сдуру в мою сторону бросится!» — струхнул я. Да скорее поднял вверх ружьё и выпалил из обоих стволов сразу. И тут мохнатое страшилище охнуло по-бабьи, присело да вдруг, прижав уши, дало такого стрекача, что зайцу впору!

Вот и сам, своими глазами, видел медведя. А если кто спросит, какой же у него нрав, я, как и другие охотники, буду чесать в затылке. Кто его разберёт! То свиреп и зол, как волк, то игрив, как лиса, то труслив, как заяц.

Но одно бесспорно: интересный зверь!

КАРАБАШ

Свора псов ринулась на нас с лаем и воем. Собаки мчались от кочёвки, видневшейся на горе. Кочёвка — это сарайчики, сложенные из дикого камня. Летом в них живут колхозные чабаны. Трава в предгорье летом выгорает от зноя, и чабаны перегоняют стада овец и коз на прохладные горные луга. Перегонять и пасти стада помогают чабанам собаки.

Собачья свора развернулась в цепь.

Впереди стаи мчал вожак — огромный пёс, жёлтый, с чёрной головой. За ним на цепи волочился и подскакивал кол. Пёс выдернул его из земли.

На шее вожака ошейник из буйволиной кожи, утыканный железными крючьями, — местное средство от волчьих зубов.

Стая собак весело неслась на нас. Весело, потому что псы, одуревшие от скуки, рады были вволю побрехать, поскакать и поскалить зубы на чужих людей.

Один вожак скакал молча. Молчание его было жутко.

Я первый раз в жизни видел такого урода. Один глаз его вытек. Зато второй горел с удвоенной яростью и злостью. Из-под разорванной губы, сросшейся бугристым рубцом, торчали белые мокрые клыки...

Всё большое собачье тело в бороздах — будто железными граблями сдирали с него кожу. Шкура срослась, но неровно, буграми. Шерсть торчала клочьями. Пёс припадал на кривую заднюю лапу и был похож на низкозадую гиену.

Урод не шутил. Он пригнул чёрную башку, сморщил порванные губы и оскалил клыки, примеряясь к броску.

Я сорвал с плеча ружьё и выпалил поверх его чёрной башки. Урод шарахнулся вбок и, всё так же молча, кинулся на меня сбоку. Второй раз я выстрелить не успел. С кочёвки

громко закричали; пёс с ходу, откинувшись назад, пробороздил рыхлую землю всеми четырьмя лапами. Потом, с видимой неохотой, повернул и затрусил к кочёвке. За ним повернула вся стая. С весёлым брёхом и визгом собаки понеслись к кочёвке, хватая друг друга зубами за бока.

Я рукавом вытер пот со лба.

Навстречу спешил старик чабан в огромной косматой папахе, с длинной палкой на плече.

— Ну и пёс у тебя, — сказал я, — гиена бешеная!

— Ёх, ёх, — заулыбался старик, — хорош собак. Якши Карабаш!

Мы шли за чабаном. Чабан длинной палкой расталкивал овец. Собаки, ворча и поглядывая исподлобья, уступали нам дорогу.

Мы нагнулись и вошли за чабаном в сарайчик старика. За ним и собаки просунули в дверь сарая мохнатые морды. Глаза их в темноте вспыхивали то зелёным, то лиловым огнём. Но мы уже не боялись: гости хозяина для собак неприкосновенны.

Прихромал и урод. Он тоже ждал подачки. Но никто из нас не бросил ему куска. Кому приятно смотреть на злобную скотину, покрытую бугристыми шрамами и всклокоченной шерстью! К тому же чабаны остригли его овечьими ножницами, оставив на плечах львиную гриву. Своим единственным глазом пёс следил, как более счастливые попрошайки ловят куски прямо на лету.

Скоро урод понял, что всем он тут противен, и хмуро ушёл в угол. Но и там он кому-то мешал, его ругнули, и он, хромая и поджимая хвост, выскочил во двор.

Перед сном мы вышли покурить.

Горы вокруг были уже тёмные. Небо на востоке — зелёное. На зелёном дрожат первые звёзды. Дрожат, будто замирают от страха на такой высоте. На заходе небо ещё оранжевое. Над всей чёрной громадой гор вознеслась сверкающая снежная вершина. Лучи солнца ещё освещают её, и она взметнулась над ночью, как язык жёлтого пламени. Над горой неподвижно повисло красное облачко.

— Красиво! — сказал я старому чабану.

Чабан удивлённо посмотрел на меня.

— Зачем красиво? — ответил он. — Персик нет, кишмиш нет, барашка нет — один снег.

Ковыляя, к чабану подошёл пёс-урод.

— Ну и образина! — сказал я.

Чабан покачал головой.

— Зачем образина? — с трудом выговорил он. — Хорош собак, красивый собак!

Теперь я удивлённо посмотрел на чабана.

— Ты не смотри, — сказал чабан, — ты чувствуй.

Но я ничего не почувствовал. Спорить же не хотелось. Я просто спросил, почему у собаки такие рубцы.

Чабан поманил нас пальцем, и мы верну-

лись в сарай. Рассказ старика я хорошо запомнил.

Лет пять назад на этой кочёвке у белой собаки родились щенята. Щенят утопили. Одного оставили — жёлтого с чёрной головой. Оставили и назвали Карабаш. Это значит: Чёрная башка. Черноголовый.

И в эту же ночь на отару напал барс. Собаки в ужасе разбежались, а обезумевшие от страха овцы и козы лавиной хлынули с горы на чабанов, сбили их с ног и чуть не затоптали.

Барс схватил ягнёнка.

Мать Карабаша была хорошая собака. Она кинулась на барса, вцепилась ему прямо в морду, и оба — барс и собака — покатились в овраг.

Всю ночь чабаны собирали разбежавшихся овец и коз. И всю ночь трусливо брехали собаки, повернув морды в сторону лесного оврага.

Утром чабаны увидели: на краю оврага лежит мёртвый ягнёнок. Над ягнёнком — овца. Она нюхала и толкала его мордочкой. Вымя её набухло, и она жалобно блеяла. А на дне оврага нашли мёртвую мать Карабаша. На белую шею ей будто надели красный ошейник.

Осиротевший щенок пищал от голода. Чабаны сунули его носом в тугое овечье вымя — и он зачмокал. Овца задёргалась, но её придержали, и она успокоилась.

Так Карабаш нашёл новую мать — овцу. А овца нашла нового сына.

Овцу привязали к столбику, и щенок спал вместе с ней. Он был совсем ещё маленький и отползал от овцы только на длину своего хвостика.

Щенок быстро рос. Скоро овцу опять пустили в стадо. Карабаш, толстый, как головка овечьего сыра, покатыл за ней. Так они жили вместе — овца и собака.

Прошло два года.

Карабаш стал самым большим и самым сильным псом в своре. Силой и смелостью он был в свою родную мать. А от приёмной матери — овцы — он унаследовал слепую преданность стаду.

На лето чабаны опять пригнали отары на горные луга. У овец начали родиться ягнята. Родился ягнёнок и у приёмной матери Карабаша. Карабаш до сих пор помнил свою приёмную мать и отличал её в стаде. И она позволяла ему обнюхивать своих ягнят.

Барс не оставлял кочёвку в покое.

Он с каждым годом всё больше узнавал человека и всё больше наглел.

Барс напал ночью, когда ружья чабанов были для него не страшнее простой палки.

Заблеяли, заметались в ужасе овцы, остервенело залаяли псы, со стуком покатались камни. Чабаны палили из ружей в тёмное небо и орали на все голоса.

Утром увидали: на дне оврага лежал Карабаш. Рядом стояла овца. Жёлтая шкура пса была красной. Он лежал на брюхе, уткнув

морду в лапы. Овца стояла рядом и толкала его мордочкой в бок. Под передними лапами Карабаша лежал помятый барсом ягнёнок. Он был жив, но голова его плохо держалась на тонкой шее. Пёс прикрывал его своим телом.

Недалеко, за кустом, скрючился мёртвый барс. На белом горле его расплылось большое красное пятно. Он уже застыл. Карабаш был плох. Вытек глаз. Разорвана губа. Прокушена и сломана нога. Вся шкура исполосована глубокими рваными бороздами.

Чабаны хотели пристрелить Карабаша, чтобы не мучился, но старик чабан не дал. Он взялся его выходить. Как когда-то в детстве, он стал поить его овечьим молоком. Собаки зализали ему раны. И Карабаш выжил.

Разговоры, разговоры — нет им конца! Уж и петух прокричал. Странно слышать петушинный домашний голосок тут, среди диких гор.

Чабан положил уголёк в самодельную трубочку и засопел.

— Якши собак! Хорош собак! — говорил он, пуская дым и щурясь в угол, где спал обезображенный пёс.

Карабаш спал беспокойно. Он то взвизгивал, то вдруг начинал сучить лапами. Он видел плохие сны.

— Другие псы совсем дурной — на чикалку¹ брешут, — жаловался старик. — А Кара-

¹ Чикалка — шакал (обл.).

баш спит — значит, всё спокойно. Красивый собак!

Утром встали поздно. Старик чабан с собаками уже погнал стадо на выпас.

В углу сарайчика увидели мы пятнистую барсовую шкуру. На шкуре котёнок катался — играл с ящерицей. По земляной крыше затоптала коза — сухая земля посыпалась на голову.

Мы вышли. Петушок взлетел на сарайчик, похлопал в крылья и, прокричав своё «кукареку», склонил голову набок. Он прислушивался, откуда ему ответит соперник. Соперник ответил с высоких скал. Петушок поскрёб землю коготками и закричал опять. Он так и не понял, что отвечало ему только эхо.

Как весеннее курчавое облако, медленно ползла по гребню горы отара. Позади отары, покрикивая и посвистывая, шёл старик чабан. А впереди стада, опустив тяжёлую голову к земле, медленно брёл Карабаш.

Против солнца было больно смотреть. Карабаш казался окружённым сиянием. Издали не видно было его страшных шрамов. И огромный пёс был похож на могучего льва.

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА

Самое неприятное при работе в горах — туман. Нахлынут облака, затопят ущелья, вы-

ползут на хребты и закроют всё: вниз до земли, вверх до неба.

Кажется, что весь мир утонул в глухом тумане: ни шума потоков, ни света солнца. Где право, где лево? Где север, где юг?

Сидишь в палатке и ждёшь погоды.

Вниз, на базу, спускаться не хочется: вдруг прояснит! Спускаться да подниматься непрос-то: на иную гору два дня на четвереньках ле-зешь.

Вот так и вышло у нас однажды. На день работы осталось — нахлынул туман. День просидели — кончились консервы. На второй день — крупа. На третий доели сухари. Оста-лись у нас только соль, перец да лавровый лист.

А туман дразнит. Поредел, но не поднима-ется.

Ждать больше невтерпёж — так есть хо-чется! И вниз спускаться обидно: вот-вот ту-ман разойдётся!

— Бери ружьё, — говорю я товарищу. — Поброди по склонам, может, подобьёшь что.

Товарищ ушёл, а я залез в палатку и по-пы-тался заснуть. Желудок хотел обмануть. Гово-рят: «Кто спит, тот обедает». Но желудок в го-рах на чистом воздухе на обман не идёт!

До полудня ворочался я с боку на бок. По-том встал, петъ начал. «Может, — думаю, — про еду забуду».

Забудешь тут! Не ладится песня. Вместо песни голодное ворчание выходит.

А туман всё реже, всё реже. Уже вверху, в серой мгле, синие и жёлтые пятна проступили — значит, скоро откроются небо и солнце.

Вот чуть видные хребты стали надвигаться со всех сторон — так всегда кажется, когда расходится туман.

Вот и все горы видны — чистые, будто вымытые. И опять стал слышен шум потоков, и засияло солнце. Работать можно, а товарища всё нет!

И есть так хочется, что стал я посматривать на сыромятные ремни от вьючного седла: а что, если попробовать заварить их с лавровым листом да с солью?

На счастье, вижу: идёт товарищ. За спиной рюкзак раздулся — значит, добыл что-то. Он ещё далеко, а я кричу, выпытываю:

— Сколько патронов выстрелил?

Отвечает:

— Ни одного.

Опустились у меня руки.

— Так что ж ты, — говорю, — мешок-то травой набил, что ли?

— Ну да, травой, — отвечает.

— Ага, — говорю, — очень хорошо! Добавь тогда к своей траве ремешки от седла — объедение будет.

— И будет, даже и без ремешков.

Посмотрел я на него: уж не спятил ли он с голода?

Плюнул и пошёл к ручью: хоть воды напьюсь, лоб помочу.

Одно остаётся: скорее коней вьючить — и вниз, на базу. Экая досада! И тумана нет, а спускаться придётся.

Поднимаюсь я к палатке и вижу: товарищ раздул огонь, поставил на костёр котёл с водой, а сам режет и чистит какие-то корни и стебли; у него их полный мешок.

— Это ты чего затеял? — спрашиваю его осторожно.

— Борщ варю.

— Какой борщ?

— Медвежий.

— Ты не шути, — тихо говорю ему. — Я голодный!

— Тогда не кипятись, а мне помогай. Пока почистим, я тебе кое-что расскажу.

Я подсел помогать, а он мне рассказал вот что.

Утром в полукилометре от палатки наткнулся он на след старого медведя. След был такой свежий, что на мокрой траве висели ещё капельки грязи. Товарищ вложил в ружьё патроны с пулями и пошёл по примятой траве.

Медведь шёл по скату, переворачивая камни, раскапывал мышинные норы и гнёзда земляных ос.

Долго лазал товарищ по скату в тумане, распутывал медвежий след. Из сил выбился.

Сел на камень, сорвал лопушок мягкий, как байковый, вытер лопушком пот и бросил. И вдруг видит, что рядом с его лопушком ещё

сорванные лопушки валяются и измочаленные стебли-огрызки. А на огрызках и слюна зелёная не высохла. Медведь лакомился!

Совсем близко медведь, а товарищу не до него — так есть захотел. Сломал он такой же стебель, что медведь жевал, попробовал — ничего, даже огурчиком пахнет.

«Шут с ним, — думает, — с медведем! Где его в тумане найдёшь? Переключусь-ка я на медвежий корм, вон медведь какой с него здоровый — след шапкой не закроешь!»

Так и сделал. Найдёт огрызок, присмотрится, с какого растения, сорвёт, попробует — ничего, кисленько! — и в мешок. В одном месте корни какие-то раскопал медведь, товарищ и корней набрал. Медведь-то старый, всё в лесу знает — всякую траву съедобную, каждый корешок. Товарищ целый мешок кореньями, щавелем да стеблями набил.

— Сейчас такой борщ закатим — медвежий! — закончил он. И засыпал зелень в кипяток.

«Как бы нам только, того, медвежьей болезнью не заболеть», — подумал я.

Но всё обошлось благополучно. Борщ и действительно вышел недурной. Заправили мы его солью, листом лавровым, перчиком и ещё три тетеревиных яйца разбили.

Медведь разорил на склоне тетёркино гнездо, а три яйца вниз скатились, он их не заметил.

Наелись мы медвежьего борща и сразу силу почувствовали. Хоть и не медвежьёю силу, но

достаточную для того, чтобы успеть до вечера подняться на вершину и сделать последние наблюдения.

КРИК

Я шёл по степи и вдруг увидал двух лис. Они как два жёлтых коромысла: спина дугой, нос и хвост к земле. Одна покрупней и с серой гривой, вторая маленькая, светло-светло-рыженькая. Кружат лисы по бурьяну за большим камнем и меня не замечают.

Выстрелил я навскидку. Рыжая взмахнула хвостом с белым кончиком, как белым платочком, и легла на землю. Серая недоумённо подняла мордочку с серыми баками, увидела меня и не спеша потрусила в степь. За бурьяном она не заметила, что рыжая лиска осталась.

Выстрел был удачным: одна картечина угодила лисе прямо в глаз. Зверёк был убит наповал. Ветерок гладил нежную шелковистую шёрстку.

Обрадованный хорошим началом, я быстро связал у лисицы лапки, перекинул её через плечо и зашагал дальше.

Но дальше мне не повезло. Зря пробродил дотемна: не только ничего не подстрелил, но и никого больше не увидел.

Возвращался я уже ночью. Ночь была душная. Над горизонтом нависла чёрная туча, за

ней метались жёлтые зарницы. Но над головой сверкал чистый и светлый Млечный Путь — как бесконечная дорога.

Я шагал и шагал, и моя дорога на земле казалась мне такой же бесконечной, как Млечный Путь.

Степь и ночью была полна жизни. Ухо охотника всегда настороже. Вот мягкий шорох над головой — и будто кто-тодохнул в лицо. Это над самой головой взмахнула мягкими крыльями сова. Вдруг отчаянный вскрик. Кто-то оплошал и попал кому-то в зубы.

Для охотника всё это привычно и знакомо — обычные звуки обычной ночи в степи. Звуки погони, схватки, борьбы. Шорох крадущихся шагов, шёпот сухой травы, цокот камня. И я тут — охотник с твёрдым сердцем и жёсткой рукой — как у себя дома.

Но вдруг звук совсем необычный заставил меня насторожиться. Кто-то хрипло кричал вдали: «Кгха, кгха, кгха!»

Это не был клич зверя-победителя. Но не был это и безнадёжный крик жертвы. Зверь кричал неприятно, тоскливо, нудно и бесконечно. Всякий зверь скуп на голос и зря не станет кричать. Это древний звериный закон. Этот зверь нарушил закон: он потерял всякую осторожность.

Я шёл, а невидимый зверь всё сидел на одном месте и таякал уныло и хрипло, будто ему сдавили горло. Я потрогал ружьё и пошёл прямо на крик: не пропускать же удобный случай!

Всё ближе и ближе подходил я к кричащему зверю. Из-за гор поднялась луна. Из-за камней, кустов, бугров стали выползать чёрные тени; казалось, ночь протягивает навстречу чёрные руки.

В неровном зелёном мерцании, как сквозь воду, разглядел я впереди, на чистинке, маленькое чёрное пятнышко. Тявканье неслось оттуда.

Что-то знакомое показалось мне в этой чистинке и в этих тенях. И вдруг я узнал это место! Вот высокий бурьян, вот камень, за ним лощинка. Здесь днём я подстрелил лису. И сразу за первой догадкой пришла вторая: я понял, что за зверь тявкал сейчас тут, потеряв всякую осторожность!

Запрокинув тонкую мордочку вверх, распушив густые баки, тявкал охрипшим голосом осиротевший лис, тот самый, что днём убежал от меня в степь.

Он сидел как раз на том месте, где я днём связывал лапки у мёртвой лисы.

Маленьким, жалким комочком казался лис под огромным холодным небом в необъятной степи. И жалкий его голосок — не вой победителя и не писк жертвы — был здесь не к месту и странно тревожил душу. Разве не удивительно — жалоба зверя! И выражение «звериная тоска» вдруг наполнилось для меня особым значением.

Я постоял, послушал, потом потрогал своё ружьё и зашагал своей дорогой. Нет, это не

удачный случай для охотника, даже если у него твёрдое сердце и жёсткая рука.

Далеко я ушёл, но стоило остановиться, приложить к уху ладонь — и становилось слышным приглушённое хриплое тявканье. Лис всё сидел и тявкал.

Но вот совсем стихли непривычные звуки. Опять вокруг ночная степь, слышится то довольное ворчание, то отчаянный писк. Над головой чёрное небо и белая луна. А впереди дорога, неясная и бесконечная, как Млечный Путь.

ХИТРЮЩИЙ ЗАЙЧИШКА

В жизни не видал такого хитрого зайца!

Да и что сказать: не будь он так хитёр, давно бы попал орлу в когти или кому-нибудь из хищных зверей в зубы.

Лисиц, волков, рысей здесь множество, и они переловили всех зайцев на этом склоне горы. Остался один — Рваные Ушки.

Уши нарвал ему беркут — горный орёл — за неосторожность. С тех пор зайчишка и стал таким умным.

Беркут был молодой, неопытный. Старый орёл падает прямо на спину зайцу и ломает ему хребет. Молодой догонял зайчишку — и проловил. Вцепился когтями в длинные заячьи уши.

Заяц на бегу вырвал свои уши из страшных орлиных когтей — и шмыг под камни!

Эти камни на склоне лежали грядкой, образуя собой как бы длинную трубу или нору, зайчишке под ней есть где пролезть, а лисе или орлу — никак.

Беркут сел перед входом, сунул в нору шею, а крылья его не пускают. Пришлось отказаться от добычи. Улетел другого зайца ловить — поглупее.

Зайцы не устраивают себе постоянных логовищ, как кролики. Кормятся они ночью.

Начнёт светать — заяц поскачет, след свой запетляет, запутает, махнёт с него в сторону и заляжет на весь день где-нибудь под камнем или кустиком.

Да не спасли эти хитрости, давно известные всем любителям зайчатины, других зайцев на этом открытом, безлесном склоне горы. Уцелел, говорю, один этот хитрющий зайчишка.

А почему уцелел? Потому что, вопреки всем заячьим обычаям, избрал себе постоянным логовом вот эту самую гряду камней, которая спасла его уже однажды от молодого беркута.

Не раз с тех пор охотились за ним и старые, опытные беркуты. Но зайчишка не отходил далеко от своих камней.

Нырк! — и спрятался под ними.

Пробовали ловить его и волки. Да куда им — таким здоровым-то! — подлезть под камни. В кровь себе горбину стёрли, а пришлось отступить.

Пробовала ловить его и страшная рысь — большая пятнистая кошка с маленькой голо-

вой и гибким, как у змеи, телом. Во все дыры между камнями совала свой нос. Всюду под камнями вкусно пахло зайчатиной, но ни раздвинуть камни, ни проскользнуть между ними она не могла.

На беду заячью, жили на той горе, как уже сказано, и лисицы.

Уж лисицы-то — самые хитрые звери и зайцев ловить — великие мастера.

Зиму зайчишка Рваные Ушки перезимовал у себя в камнях благополучно.

А весной, как стаял снег, увидали его лисицы: лис и лиска. Они в эту пору года дружно живут, детей выводят. Ну и, конечно, взялись за него вдвоём.

Зайчишка лежал на склоне — пузечко на солнце грел. А сам по сторонам косился: не грозит ли откуда опасность.

Лис к нему ну подкрадываться на согнутых лапках. Да не тут-то было!

Заметил зайчишка, вскочил... Лис за ним как кинется!

А Рваные Ушки прыг-скок — и дома.

Лис стал у входа в зайчишкину нору и ждёт.

Но Рваные Ушки так делал: уйдёт тот, кто его ловит, — он подождёт немножко и выйдет наружу. Тут-то лис его и хотел схватить.

Рваные Ушки так испугался лиса, что пробежал всю длинную трубу, всю свою нору, под камнями и выскочил с другой стороны каменной гряды. Так он не раз спасался от волков и

рыси. Для них хороша была эта хитрость, а вот для лисиц — не очень-то!

Лис только ещё начал подкрадываться к зайчишке, а лиска уже со всех ног бежала к другому концу каменной гряды. Прибежала и стоит у выхода из норы, караулит.

Зайчишке с его умишком где уж про такое догадаться! Он и выскочил из норы — прямо на лиску!

Лиска в это время уже облизывалась: мечтала, как сейчас сладкой зайчатинкой полакомится.

И хорошо, что облизывалась. Не успела она язык убрать, зайчишка верть налево кругом — и нырк назад в нору!

Тявкнула лиска с досады, а ничего не поделаешь: сама виновата. Остаётся только теперь обоим охотникам — лису и лиске — спрятаться и терпеливо дожидаться, когда зайчишка с той или другой стороны каменной гряды выскочит. Правильную осаду держать.

Вот и сидят лисицы: лис — у входа, лиска — у выхода; ждут.

А зайчишка Рваные Ушки, не будь глуп, взял да высунул голову из дырки между камнями посреди гряды. Поглядел он в одну сторону — там лис караулит, за камень прячется. Поглядел в другую — там лиска за кустом сидит, караулит.

Видят и лисицы: высунутся вдруг посреди гряды длинные заячьи уши с чёрным пятнышком на конце, крутнёт ими заяц в одну

сторону, крутнёт в другую — и опять уши спрячутся.

Поняли: надо снимать осаду. Видно, там у зайчишки между камнями трава растёт. Закусывает он ею. Его и измором не возьмёшь.

И ушли лисы восвояси.

Вот до чего хитрющий зайчишка: двух лисиц провёл и цел остался!

ПОД ВОДОЙ

Земная жизнь зародилась в воде. Всё, что сейчас ползает, бежит и растёт на земле, всё, что летает над землёй, и всё, что роется под землёй, — всё когда-то вышло из моря.

Значит, и мы, люди, тоже «начинались» в море.

Наше тело до сих пор наполовину состоит из воды.

Наши руки и ноги — это бывшие грудные и брюшные плавники рыб. Наши лёгкие образовались из рыбьего плавательного пузыря. Наше сердце гонит по жилам кровь, солёную, как морская вода. И удары нашего пульса так же ритмичны, как приливы и отливы моря...

ПОД ВОДОЙ

В подводном мире всё не так, как у нас на земле.

Передвигаться там нужно не стоя, а лёжа. Там очень трудно шагать, но зато просто летать. А прыгать там можно даже вниз головой.

Руки и ноги в этом мире становятся на треть короче, а рыбы, раковины и водоросли — на треть своего роста длинней. Вода сплющивает растения и увеличивает предметы.

В подводном мире никогда не бывает дождя и снега. На небе там не звёзды, не тучи, а волны. Между волн перекачиваются пузырьки воздуха — блестящие, как звёздочки!

Там нет горизонта — черты, где земля сходится с небом.

По земле подводного мира не скачут весёлые солнечные зайчики. Там колышутся широкие солнечные ленты — отсветы волн и солнца. Лиловые тени от подводных «деревьев» лежат на зыбкой серой земле. Мягкая зелёная дымка заволокла всё вокруг — нет ни резких теней, ни острых углов.

Всё неверно, призрачно и таинственно.

Всё не так, как у нас на земле.

ПОДВОДНЫЕ ЕЖИ

В ерше, как и в еже, заметнее всего колючки.

Голова, хвост, посредине колючки — вот и весь ёрш.

И ещё глаза: лилово-синие, большие, как у лягушки.

Ростом ёрш с мизинчик. А если с указательный палец, то это уже ершовый старик.

Напугали меня эти старики. Плыву и вижу: дно зашевелилось и уставилось на меня точками тёмных глаз.

Это ерши — старик к старику! Самих-то незаметно: хвосты, головы, колючки — всё такое же пятнистое, как дно. Видны одни глаза.

Я повис над ершами, свесив ласты.

Ерши насторожились.

Пугливые вдруг стали падать на дно, выгибаться и нарочно поднимать облачка мути.

А сердитые и отважные взъерошили на горбу колючки — не подступись!

Как ястреб над воробьями, стал я кружить над ершовой стаей.

Ерши выжидали.

Я стал похрипывать в дыхательную трубку.

Ерши не испугались.

Я вытаращил глаза — им хоть бы что!

Тогда я... чуть не сказал — «плюнул на ершей»... Нет, я не плюнул — под водой ведь не плюнешь, — а махнул на ершей ластом и поплыл прочь.

Да не тут-то было!

От резкого взмаха ластом со дна взмыла и завихрилась муть. Все ерши устремились к ней, ведь вместе с мутью поднялись со дна вкусные червячки и личинки!

Чем быстрее я работал ластами, торопясь уплыть, тем больше поднимал со дна ила.

Тучи ила клубились за мной, как тёмные грозовые облака. За тучами тянулись стаи ершей.

Отстали ерши только тогда, когда я выплыл на глубину. Но на глубине мне стало не по себе.

Я ещё не привык к глубине — это были ведь ещё мои первые шаги под водой.

Дно опускалось всё глубже и глубже.

А мне казалось, что я лечу над землёй и взмываю всё выше и выше. Так и хотелось за что-нибудь ухватиться, чтобы не грохнуться с такой высоты!

Я повернул назад.

Вот опять заросли. В зарослях ерши. Вроде и веселей — всё живые души!

Ерши-мизинчики плавают вполводы, а старики — на дне. Теперь я нарочно поднял ластами муть. Старики и мизинчики, как воробьи на просо, кинулись на неё.

Я уже больше не пугаю ершей: не хриплю в трубку, не таращу на них глаза. Просто смотрю.

И поэтому даже самые пугливые больше не падают набок, чтобы поднять со дна муть и спрятаться в ней. А самые сердитые не топорщат колючки на горбах.

Покладистые ребята. А колючки в ершах хоть и самое заметное, но не самое главное!

ПОЮЩИЙ КЛОП

Гребляк — водяной клоп. Он похож на гладыша, но плавает не на спине, а, как положено, животом вниз. Зато есть у него своя диковина: он поёт! Это единственный клоп, который поёт, да ещё и под водой. Песня его похожа на нежное стрекотание кузнечика. Стрекотание получается тогда, когда гребляк усердно трёт лапками... свой нос!

ЗАЧЕМ ТРИТОНУ ХВОСТ?

Читали сказку Виталия Бианки «Хвосты»? Муха думала, что хвосты у зверей для красоты. А когда полетела да порасспрашивала, то

поняла, что у рыбы хвост — это руль, у рака — весло, у дятла — подпорка, у лисы — для обмана. У каждого хвоста свой смысл. И хвостов просто так, для красоты, не бывает.

А вот зачем у тритона хвост? А у тритона хвост «на все руки»! Он у него и руль, как у рыбы, и весло, как у рака, и для обмана, как у лисы. Если кто отхватит тритону хвост, не беда: у тритона новый вырастет, не хуже старого. А ещё у тритона хвост для... дыхания! Чем больше у тритона хвост, тем он дольше может под водой просидеть.

Хвостатый самец может просидеть не дыша под водой чуть ли не сто часов: воздух он впитывает хвостом прямо из воды!

ПЯТОЕ ИМЯ

Плотвицы совсем как ласточки: стройные, быстрые, непоседливые. Но цветом они на ласточек не похожи.

В воде плотвицы кажутся серыми, и рыболовы иногда называют их за это серянками. Или краснопёрками — за красные плавнички.

Плотвицы всегда в движении. То серыми тенями шныряют между водорослями, то разом взметнутся, блеснут, как солнечные зайчики. За этот блеск плотву зовут ещё серебрянкой.

Есть у плотвы и ещё одно имя — четвёртое.

Как-то пробирался я сквозь заросли и выплыл на подводную поляну. Пусто на полянке. Одни пузырьки, будто белые мотыльки, взлетели вверх.

И вдруг вокруг меня вихрем закружили красные искры!

Я даже вздрогнул — глаза!

Красные, блестящие, как огоньки.

Мимо таких глаз не проплывёшь, остановишься: не глаза, а настоящие стоп-сигналы!

За красные глаза многие рыболовы зовут плотву красноглазкой.

Сколько имён у плотвы: серянка, краснопёрка, серебрянка, красноглазка! И все хороши.

Но, будь моя воля, дал бы я плотвицам пятое имя — водяная ласточка. Уж очень они резвы и ловки. И хвост, как у ласточки, вилочкой.

ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

В сумрачный день плыл я под водой. Тёмное всё вокруг: тёмное дно, тёмные водоросли. И тёмные рыбы, как летучие мыши, порхают над головой.

Я уже собрался вынырнуть из сумрачного и скучного подводья, как вдруг впереди, в самой гуще зарослей, вспыхнул солнечный зайчик.

Может, там, наверху, солнце выглянуло из-за туч?

Но нет, всё вокруг осталось таким же тёмным. Только солнечный зайчик светил впереди.

Я подплыл, отвёл от лица пышную водоросль и увидел... воздушный замок.

Замок был настоящий. Но не было здесь ни мрачных каменных стен, ни окон-бойниц, ни ступеней, похожих на могильные плиты, ни ржавых чугунных ворот.

Замок был из воздуха. Из воздуха стены, из воздуха купол, из воздуха пол — всё из воздуха! Замок просвечивал насквозь и светился, будто освещённый изнутри.

Сам владелец замка сидел в воздушном зале. Он ел. Мохнатыми ручищами подносил пищу к заросшему щетиной рту и не спеша сосал...

Вот он перестал сосать и уставился сквозь прозрачную стену на меня. Он смотрел во все глаза, а глаз у него было восемь.

Вот зашевелился, вот медленно выполз из дома и вдруг полетел вверх, как птица! Только птица в полёте машет крыльями, а владелец замка не спеша перебирал мохнатыми ногами, будто шагал. И ног у него тоже было восемь...

Дошагал до подводного неба, перевернулся и высунул круглое брюхо в надводный мир. Высунул и... опояслся воздушной лентой, как серебряным пояском!

Назад он уже бежал. Бежал с неба на землю. Добежав до своего дома, он приложил серебряное брюхо к воздушной стене, будто по-

ложил кирпич. Так он таскал и таскал сверху воздушные кирпичи — достраивал воздушный замок. Последний пузырёк он втолкнул внутрь для дыхания. И забрался туда. Вздыхнул и зажевал.

Вы поняли, конечно, что мохнатое чудовище всего-навсего маленький подводный паук-серебрянка. Он строит свой маленький домик из воздуха. Но вода сильно увеличивает предметы. И когда я смотрел на паука сквозь толстое стекло маски, мне представлялось, что передо мной настоящий страшный хозяин настоящего воздушного замка. Впервые в жизни я своими глазами увидел, как строят воздушные замки. Оказывается, их не только можно строить, но можно даже и жить в них.

ЛИНЬ

Пескарь по песчаному дну ползает. Головлё — головастый. Краснопёрка — с красными плавничками-пёрышками. Ну а вьюн — и взаправду вьюн.

И всем понятно, почему их так называют.

А вот почему линь — линь?

Верховка — понятно, колюшка — ясно, усач — проще простого. А что такое линь?

Но не зря говорят, что лучше раз увидеть, чем десять раз услышать. Как увидел линя, всё сразу понял. Постучал он по земле жирным хвостом и прямо на глазах... стал линять!

Был в воде как из бронзы литой, стал на берегу как мокрая промокашка. Весь в потёках и пятнах. Слизь на нём затвердела, зашелушилась, стала лохмотьями отпадать.

Облез линь. Полинял линь.

Потому он и линь!

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Всё лето прожила золотая рыбка в круглой банке из-под варенья. На дно банки был насыпан песок, а посередине стоял высокий красивый камень. Рыбка с утра до вечера плавала вокруг камня, будто каталась на карусели. Всё плавала и плавала. И всё по кругу, по кругу. Как только голова не закружится!

Осенью я решил выпустить рыбку в пруд. Я зашёл по колена в воду и осторожно перевернул банку. Рыбка вяло зашевелила плавничками и опустилась на дно. Я думал, что она обрадуется свободе и сразу же юркнет в зелёную глубину. А она растерянно ворочала глазами, не трогалась с места.

Но вдруг она встрепенулась, быстро подплыла к моей ноге и... закружила вокруг неё!

Я тихонько стал переступать к берегу, но рыбка не отставала и всё кружила и кружила вокруг ноги. Так мы и вышли вместе на мелкое место.

Мне стало жалко рыбку, и я забрал её домой.

Она и сейчас живёт у меня. Всё в той же

банке. И всё так же с утра до вечера плавает вокруг камня. Слева направо, по кругу — как карусель, как часовая стрелка.

ПУСТОТА

Среди водорослевых кущ рой рыбьих мальков. Там, где от берега тень, а мальков освещает солнце, они светятся.

Сквозь сияющее мальковое облачко солидно и не спеша проплывает окунь. Мальки почтительно расступаются. Так, наверное, самолёт пролетает сквозь стаю удивлённых ласточек.

Окунь вошёл в рой — и вокруг него мгновенно возникла пустота. Это особая пустота: пустота хищника, пустота страха. Даже окружённый множеством живых существ, хищник всегда висит в пустоте. Она обволакивает его со всех сторон, она движется вместе с ним, она неотступна, как тень.

Окунь идёт, а мальки раздвигаются перед ним и смыкаются позади. Поворачивает окунь — поворачивается пустота. Невидимая сила расталкивает рыбёшек и держит их за какой-то невидимой, но ощутимой чертой.

Прошёл окунь сквозь частый рой, а никого не задел. Перед ним расступились, его пропустили и занялись своим делом, будто ничего не случилось! Будто и не было тут никакого окуня. Опять все беспечно толкнутся у солнечного луча, как снежинки вокруг фонаря.

РЫЦАРЬ

Никто и никогда не нападал на меня в воде. Даже большие зубастые щуки. И вдруг накинулся малыш, ростом с палец! Тело его защищено широкими блестящими пластинками. Как у рыцаря, закованного в латы. На горбу трезубец — три колючки. На груди ещё две, как два кинжала.

Рыцарь грозно растопырил все свои пять колючек и бесстрашно встал на моём пути. Он прямо весь потемнел от гнева, и глаза его позеленели от злости.

Рыцарь был смел и красив. Спина у него была синего цвета, бока — как серебро, а щёки малиновые.

Я протянул к нему палец. Он кинулся вперёд, ткнул палец трезубцем, и из пальца вязкой струйкой потянулась вверх кровь.

Я попятился назад, поднимая ластами тучи ила. Скорей укрылся за кустом пушистого роголистника и стал смотреть.

И тут открылась мне тайна маленького смелого рыцаря: оказывается, он сторожил свой дом!

Дом его был размером с кулак и похож на кулак, неплотно сжатый, — с одной стороны вход, с другой — выход. А в домике была икра.

Никто не мог безнаказанно приблизиться к его дому. Грозя колючками, он бросался даже на больших рыб. Вот проплыла над домиком, извиваясь, как чёрная лента, пиявка.

Рыцарь весь побагровел, вцепился в пиявку зубами и стал трепать её, как треплет собака крысу. Водяного скорпиона он схватил за клешню, уволок под широкий лист кувшинки и там выплюнул.

Ни на миг он не забывал о врагах. Даже проплывающий листик и шевелящаяся тень выводили его из себя. Он сразу «менялся в лице», глаза его зеленели, и на скулах выступали красные пятна. Даже белый живот краснел от гнева.

По цвету живота можно было сразу узнать его настроение.

Блестели латы: рыцарь готов был к бою и с крохотным жучком-гладышем и с великаном человеком.

Кто бы мог подумать, что даже простая колюшка становится рыцарем, если угрожать её дому!

Колюшка-папа сторожил свой дом.

Колюшка-папа очень заботливая рыбка — не то что колюшка-мама. Колюшка-мама отложит икру — и поминай как звали. А колюшка-папа икру стережёт. А потом пасёт своих непоседливых колюшат. Самых бойких и непослушных, убегающих из дома, он хватает ртом, тащит назад и выплёвывает прямо в дверь.

Говорят, что если разорить колюшкин дом, то колюшка-папа от горя побледнеет — совсем потеряет свою яркую боевую окраску. И даже перестанет есть.

Мне совсем не хотелось, чтобы такая красивая и бойкая рыбка стала бледной и скучной.

Я выбрался из куста роголистника и поплыл в сторону от рыбьего домика.

РЫБЯТА

Светло и весело под водой в солнечный день!

Особенно на мелководье. Там на песчаных полянках растут длинные и тонкие водоросли, похожие на зелёные волосы.

На эти полянки из холодной и сумрачной глубины выплывают мальки — принять солнечную ванну. Мальки толкутся на поляне, как комары-толкуны.

Проплывёшь сквозь мальковый рой — будто под грибным дождиком пробежишь. Всё вокруг сверкает, и тело щекочут лёгкие «дождинки».

Мальки заглядывают в маску, виляют хвостиками у самого носа. Но поймать их так же невозможно, как и схватить падающие капли дождя.

Мальки всегда очень заняты. То они сосут листики — зелёные соски. То подвешиваются на губах к водорослям — и висят блестящими росинками. Жадные хватают комаров с водяного неба, а любопытные даже высовывают свои носы в наш мир.

Пронеслась однажды над водой мотыльковая метель.

Легкокрылые подёнки устлали воду серыми крылышками.

Мальки сейчас же высунули носы из воды. Но тут вдруг страшная чёрная тень пронеслась над их головами. Мальки в ужасе брызнули вниз.

Я вынырнул и успел увидеть чёрное чудовище.

Это была... ласточка! Она подхватывала упавших в воду мотыльков.

Вот натерпелись мальки страху!

Но рыба, как и все ребята, не любит унывать. Унеслась ласточка — все сразу за дело. Кто нос в небо, хвостик вниз; кто листик со сёт, кто мотылька за крыло тянет.

Катят по небу серые волны.

Колышутся по дну широкие жёлтые ленты-блики.

Между волнами перекатываются шарики воздуха, а между жёлтыми лентами покачиваются мальки. Блестящие, как капельки солнца.

Светло и весело под водой!

ГОЛУБОЙ РАК

Всем известно, что рак красный. Даже говорят: «Красный как рак!» Но красным рак становится только в кипятке. Живой рак бурого цвета. Это тоже всем известно.

Но вот известно ли кому, что среди обыкновенных раков встречаются голубые?

Однажды летом я поймал такого в Грязной речке. Всё у него как у бурого рака: клешни,

глаза на стебельках, раковая шейка. А цвет — голубой!

Панцири обыкновенных раков всегда под цвет тёмного дна, а этот голубой, как весеннее небо. А что, если и его в кипяток, каким тогда станет? Неплохо бы сварить. Ракоеды говорят, что в те месяцы, в которых нет буквы «р» — летом, — раки особенно вкусны!

И всё-таки я голубого рака не сварил: пожалел. Выбросил обратно в речку. Ведь, может, это всем ракам рак. Может, от него вся природа рачья переменится. Может, не будут они, как водяные крысы, прятаться по тёмным норам, не станут пятиться задом. Может, поднимутся с тёмного дна к подводному небу и заживут среди ярких и красивых рыб. И может, нашу Грязную речку все назовут тогда: речка Голубых Раков!

Так что вот: не все раки бурые.

Бывают и голубые.

Да будет и вам это известно!

ПОДВОДНЫЙ ЗАКАТ

Охотникам знаком тихий и мирный предзакатный час в лесу. Покой и тишина. Сизая дымка заволакивает кусты. А вершины высоких берёз похожи на золотые купола. И на самом высоком сучке нежится на закатном солнышке сорока, похожая снизу на белую спичку с чёрной головкой.

Вокруг истома и лень.

Есть такой час и под водой. Когда утихнет ветер и улягутся волны, подводное небо начинает розоветь. В воде удивительная игра света: голубые лучи стрелами пронизывают толщу воды.

Они такие чёткие и прямые, что кажется, тронь их — и они зазвенят!

Не спеша всё становится оранжевым, а дно темнеет и опускается в глубину.

Весёлые подводные рощицы тоже становятся оранжевыми, будто их покрыла золотая пыль или осел на них золотой иней.

Из сумрачных тёмных зарослей на солнечные подводные опушки выползают подремать и понежиться серо-зелёные щуки. Они похожи на пятнистых ящеров с жёлтыми ногами-коротышками. Они неподвижны, как затонувшие ослизлые палки.

Над жёлтыми рощицами проносятся быстрые стайки серебристых плотвиц. Красные глаза их посверкивают, как искры. Пронесутся и растают в сизой водяной дымке. Плывёт водяная черепаха, покачиваясь с боку на бок.

А на растопыренную корягу, как на затонувший лосиный рог, лениво выползает уса-тый ночной рак...

По дну, по водорослям, по корягам, по рыбам струится тонкая розовая солнечная рябь. Тишина и покой. Мирный подводный вечер.

Ленивый закатный час...

УМИРАЮЩЕЕ ОЗЕРО

Мох колыхался под ногами, как пружинный матрас. Видно было, как подо мхом кругами расплывались волны. Покачивались кривые и хилые сосенки, странно шевелились кочки с багульником.

Когда-то тут было озеро. Оно и сейчас тут, только сверху застелено моховым ковром. В ковре тут и там дыры — «окна». Вода в этих окнах — чёрным стеклом. Подойти к окнам почти невозможно: моховая сплавина прогибается под ногами и тонет...

Я лёг на живот, растопырил широко руки и ноги — распластался как мог — и пополз. Дополз до окна, надел на лицо маску, вдохнул через трубку свежего воздуха и, как тюлень в полынью, скользнул в окно вниз головой. День сразу померк — и наступила ночь. Я опускался в глубину, и яркое окно надо мной становилось всё уже и уже.

Вот и дно — холодное и вязкое, как кисель. Я по пояс утонул в нём, а под ногами всё ещё какая-то жидкая каша.

Высоко над головой — чёрный, мохнатый, меховой потолок с голубыми дырами. В каждую дыру врывается свет и голубой колонной упирается в дно. И кажется, что вся эта мохнатая чёрная крыша держится на голубых колоннах...

На одном вдохе под водой долго не просидишь. Я рванулся вверх и высунулся в соседнее оконце. Это было даже не оконце, а скорее

форточка: только-только протиснуть плечи и голову. Я протиснулся в неё снизу, и лягушки, сидевшие вокруг форточки, в ужасе запрыгали в разные стороны.

И мне было жутко торчать в моховой дыре, свесив ноги в тёмную глубину. И хотелось скорее выбраться на сплавину — к свету и солнцу. Но уж очень был заманчив этот мир под ногами. Чёрный подводный мир на голубых прозрачных столбах и колоннах...

Я отдышался, поглубже вздохнул и, оттолкнувшись руками, ушёл вниз. И снова меня обволокла темнота. И снова тут и там голубели призрачные колонны. Какие-то лохмотья пучками мочалок свисали с мохового потолка и волочились по голой спине. Я плыл к соседнему столбу света.

Будто луч прожектора бьёт сверху вниз. И в синем свете, как снежные хлопья вокруг фонаря, порхают блестящие рыбки. Подплываю к голубому лучу, тяну вперёд руку, кажется, что его можно потрогать, погладить.

Но рука легко проваливается в луч и сразу же вся синеет. И по телу побежали мурашки. Это рыбёшки набросились на меня, как комары, и стали щипать и щекотать кожу мягкими холодными губами. Они щекотали мне бока, руки и ноги, но мне было совсем не смешно, ведь делали-то они это от голода...

Озеро умирало. Раньше моховой потолок не закрывал небо, солнечный свет лился на дно каскадами. Зеленели водоросли, бурлила жизнь, и рыбы были сыты и веселы.

Сейчас только узкие лучики пробивались сквозь потолок. В их тусклом свете шевелились на дне хилые водоросельки, похожие на картофельные ростки, проросшие в погребе.

Озеро умирало, и вместе с ним должны были умереть рыбы.

Я плыл, а рыбёшки тянулись за мной и всё щипали и щипали тело холодными жадными губами...

Говорят, что в торфяных озёрах бывает двойное дно. Будто бы в верхнем торфяном дне есть дыры, через которые можно проникнуть ещё глубже, в самый «подвал» озера. И только там уж настоящее дно.

Вот бы заглянуть и туда!

Я скольжу над самым дном, вглядываюсь в каждую впадину, в каждую тень, но чёрных дыр на дне нет.

Может, и к лучшему: лезть в них совсем неохота. Тянет к свету, тянет наверх.

К самому лицу подплывают две рыбы и смотрят в упор золотыми, по-рыбьи спокойными глазами. Толстые губы их тихо шевелятся: то ли они что-то прожёвывают, то ли о чём-то шепчут.

Уж они-то всё знают про свой чёрный мир на синих столбах. Знают и про двойное дно. А может, они просто просят о помощи?

Ведь скоро толстые световые колонны, которые ещё подпирают их тёмный мирок, превратятся в тонкие лучики. И жизнь озера повиснет на этих голубых волосках. И может быть, я последний, кто всё это видит...

Потом сплавина сомкнётся — и всё будет кончено. И только пружинная зыбкость мохового ковра под ногами случайного путника, да странные поклоны искривлённых сосенок, да непонятное вздрагивание и покачивание моховых кочек напомнят о похороненном здесь озере.

ПОДВОДНАЯ ПТИЦА

Среди переливчатых эллипсов, кругов и овалов на живом водяном «потолке» дрогнуло тёмное пятнышко и понеслось на меня. Мы встретились нос в нос — подводная птица и человек.

Птица летела как сверкающая ракета. Но она не махала крыльями. Крылья её плотно прижаты, зато лапки у коротенького хвоста мельтешат, как два чёрных пропеллера. И вся она — как блестящий кулёк из целлофана.

Я раздвинул головой извивающиеся ореолы, вдохнул свежего воздуха и понёсся вдогон.

Подводная птица чуть просматривалась впереди, как солнце при полном затмении, — тёмное пятно в полыхающем ореоле. И вдруг от пятна оторвался комочек света и пробкой взвился вверх! А потом оторвался второй и тоже, светясь и переливаясь, взлетел на «небо». Птица на глазах распадалась на части!

Птица эта — чомга — непревзойдённый ныряльщик. Увидев меня под собой, она взволно-

валась, и чомгята привычно вскочили к ней на спину и забились в перо.

Чомга нырнула вместе с детьми.

Но чомгята на спине не удержались. То ли водой их смывало, то ли просто дышать стало нечем, только стали они, как воздушные пузырьки, отрываться и взлетать наверх!

Наверху они стали вертеться, отыскивая глазёнками мать. Сперва приняли за мать мою голову, когда я вынырнул. Но скоро во всём разобрались и быстро поплыли к тростникам, где их мать-подводница покачивалась на волне, как чёрный поплавок.

СИНИЙ ЛУЧ

В пронизанной светом воде всё как в тумане: неясно, расплывчато, зыбко. И когда всплываешь со света в береговую тень, то кажется, что лезешь в пещеру. Всё вдруг потемнеет и насто-рожится. Но, странное дело, всё станет чётким и хорошо различимым. Отдельные водоросли, коряги, камни как-то обособятся и выступят вперёд. Так бывает в подсвеченном сбоку аквариуме: тени — непроглядные, блики — ослепительные, а зелёные стебли и листья — как светящиеся кораллы.

И ещё тут удивительные синие лучики. Острые, как ножи. Кажется, щёлкни пальцем — зазвенят!

Подставишь ладонь — и на ладони золотой пятачок. Яркий, раскалённый: вот-вот зашипит и обожжёт.

Осторожно пробираюсь меж синих лучей, как сквозь заросли длинных сосулк. И то я полосатый от них, как тигр, то пятнистый, как леопард.

Впереди ещё один луч, но совсем особый. Яркие вспышки вокруг — как ночная пальба, как мелькание летучих светляков. Это стремительные плотвицы, вылетая из темноты, взрываются в нём праздничными ракетами! Словно бенгальский огонь — искросыпительно и ослепительно.

А я плыву и смотрю, смотрю и плыву.

ОЗОРНИКИ

Рыбаки направили меня к тростникам.

— У тростников окунёвый жор, — говорили они. — Окунь там — кипят!

По-нашему, по-земному, это значит — озорничают. Плещутся, высовывают из воды спины, бьют хвостом. Охотятся на мальков.

Я все тростники исплавал — нет окуней! Сколько ни выглядывал — только серое дно, махровые тростники, зелёная дымка...

Стал я замерзать.

А когда в воде замёрзнешь, то дышать начинаешь так, будто подсмеиваешься над кем-то.

Рыбаки на берегу только руками разводят: посинел весь, а ещё хихикает!

Но мне не до смеха.

Распластался я на воде, как лягуха, свесил ноги и руки вниз. От холода хихикаю. И вдруг вижу: выплывают из-под самых моих ластов

окунь — целая стая! Полосатые, зелёные, головастые. На белых грудках плавнички, как красные бабочки.

Выплыли и остановились, уставились наглыми золотыми глазами. На горбах колючки веером: то сложат колючий веер, то развернут.

Я их в тростниках ищу, замерзаю, а они позади тайком плавают! Разглядывают: что за чудо-юдо хихикает?

Заругаешься тут! Вполголоса, конечно, а то ведь захлебнуться недолго!

Любопытные эти окуни! Знал я одну полянку на дне. На полянке лежала утонувшая газета. Когда ни заплыву — на полянке окуни. Толстые головы вниз, носами в газету уткнулись, губами белыми шевелят — будто газету по складам читают.

Я фыркнул в трубку — грамотеи в кусты!

Нырнул я на дно — посмотреть, что в газете написано, — да ластом дно задел; газета колыхнулась и... рассыпалась на буквочки!..

Любят окуни озорничать. Один так плотвичку пугнул, что та как прыгнет — и угодила прямо в чёлн к рыбаку! Я его ластом поддал — он отскочил и встал у меня под самым животом. Да ещё и ошетинился — того и гляди, голый живот колючками проткнёт!

Зато уж разглядывай окуней сколько хочешь.

Разглядел я одного безгубого. Видно, червяка с крючка стаскивал и губу свою на крючке

оставил. Знал одного одноглазого. При встрече даже здоровался с ним. Промычу, бывало, в трубку: «Здорóво, кривой!» Окунь сразу ко мне целым глазом повернётся, белыми губами зашевелит. Наверное, рыбаков ругает, что они ему глаз вырвали.

Я к нему — он от меня... И всё ругается. Вот вырви глаз! Схватить бы ругателя за жабры, да руки-то под водой короткие!

Много разной рыбы кипит у тростников. Но самые красивые, самые смелые — окуни.

А уж озорники — беда!

ИЗБУШКИ НА НОЖКАХ

Заплыл я в дремучий подводный лес. И вижу: стоит на полянке домик на ножках. Рядом ещё домики. Каждый построен по-особому, но все на ножках.

Один слеплен из разноцветных камешков — красных, белых, зелёных. Другой — из ярких надкрылий жуков. Третий — из маленьких перламутровых раковин. Есть из еловых хвоинок, из палочек и травинок.

Целый подводный городок!

Над городком зелёный рассвет. Чёрный клоп-гладыш набрал под надкрылья воздух и пролетел над городком, как блестящий самолёт. Как ракета, толчками качая воду, промчалась личинка стрекозы.

Проснулся городок. Нет, не высыпали на его улицы весёлой гурьбой обитатели доми-

ков. Проснулись, сдвинулись с места и зашагали... сами дома!

Зашагал домик из разноцветных камешков. Пополз перламутровый дом. Домик из хвоинок засеменял, как рассерженный колючий ёж. Быстро бежит на шести-то ногах!

Но живёт в домике не Баба-яга, а шйтик — личинка ручейника. Куда шитик ни пойдёт — домик на себе несёт. Где еды много — останавливается, поживёт немного. Другие домики подойдут — опять целый городок.

Подрастёт шитик, тесен домик станет — пристройку сделает. Скрепляет песчинки или хвоинки паутиной и внутри паутиной же выстилает.

И происходит в домике чудо: подводный червяк превращается в надводную бабочку. У червяка вырастают крылья! Прямо как в сказке. Да другого и быть не может: домик-то не простой, а на ножках.

Сказочный домик!

САНИТАР

Сумрачно под водой: туча закрыла солнце.

Мои жёлтые руки вдруг стали зелёными. По зелёным рукам забегали чёрные мурашки — это закружили вокруг рыбы мальки. Без солнца даже серебряные мальки становятся чёрными.

Я тихо гребу ластами, насторожённо вглядываюсь в тёмные заросли. Вот топляк — за-

тонувшее бревно. Вот стебли водяной травы. Они бледные, будто выросли в тёмном погребке. А вот... глаз! Он тоже какой-то травяной — жёлтый, с зелёным зрачком.

И вдруг всё вокруг посветлело. Дно поднялось, водоросли надвинулись со всех сторон. Зелёные руки опять стали жёлтыми. Солнце выглянуло из-за туч!

Тут я увидел, кто следил за мной зелёным глазом, — щука! Плосконосая, пятнистая, насторожённая.

Прямо водяной волк!

А мальки щуку не видят. Толкнутся у самого щучьего носа серебряным облачком. Чуть хвостиками нос не щекочат. Сами в рот просятся.

Но щука и плавником не ведёт!

Стайка искроглазых плотвиц пролетела мимо.

Водяной волк не шевельнулся!

Но вот плывёт вперевалочку тощая уклейка. Полхвоста объедено, на спине болячка, на боку ссадина. Смотреть противно!

Тут щука к ней со всех плавников! Даже из воды выскочила и проскакала на брюхе, пуская «блинчики».

Вот он каков — водяной-то волк!

Только волка ноги кормят, а щука рыскать не любит. Старые рыбаки говорят, что при движении рыбы в воде возникает чуть слышный шум. Мирным рыбкам — ершам, плотвицам — хорошо знаком шум щучьих «шагов». Даже не

видя щуки, рыбы узнают её по «походке». Поэтому щука и не любит ходить.

Щука ждёт. Её никому не видно и не слышно, а она слышит каждый рыбий «шаг». Ей не нужны здоровые рыбки — пусть куролесят хоть у самого носа. Она ждёт, когда послышатся неверные «шаги» рыбки больной. Стоит рыбке «захромать» хоть на один плавничок — щука тут как тут! Как на «скорой помощи» прикатит!

Но больных рыбок что-то не радует такая помощь. Прикатит — и хап рыбью болезнь... вместе с рыбкой.

Жутко больным и слабым. Но за это рыбки и прозвали щуку «санитаром».

А здоровые рыбки не очень-то боятся санитаря. Их ей нелегко поймать. Куролесят у самой волчьей пасти.

Им не очень-то страшен этот волк!

РЫБЬИ ПЛЯСКИ

До восхода висело над горизонтом лиловое облачко с огромным ободком. Солнце поднялось багровое, и всё — земля и небо — окрасилось в красный цвет. Сижу под ивовым кустом с узкими красными листьями. Над головой свистят крыльями утки, и крылья у них розовые.

Необыкновенный рассвет!

Красные волны дробятся в красной реке. Алые клубы пара шевелятся над волной. Чёр-

ные чайки с криками мечутся в вышине, как чёрное воронье над заревом пожара. Будто обожжённые, они заламывают крылья и падают в горящую реку, выплёскивая снопы искр.

Всё ближе чайки, всё резче их крики.

И вдруг из красных волн стали выпрыгивать чёрные рыбки. Узкие, как листики ивы. Вылетят стоймя и стоймя же, хвостом вниз, падают в красную воду. Вот вылетел целый косячок и рассыпался веером. Вот опять: одна за одной, одна за одной!

Рыбьи пляски! Гляжу во все глаза! Неужто и рыба кровь вспыхнула в это удивительное красное утро?

А посреди реки, в сутолоке волн, движутся два чёрных пятнышка: пятнышко поменьше и пятнышко побольше. Из воды торчит плоская головка да спина горбинкой. Выдра! Вот нырнула, будто растаяла, а из воды тотчас выметнулись рыбки и заплясали: вверх-вниз, вверх-вниз!

Чайки увидали — упали, заломив крылья. Стали хватать рыбок прямо на лету.

Всё стало обыкновенным.

Солнце поднялось, и чёрные чайки стали белыми, чёрные рыбки — серебристыми, красная вода — серой. Лиловое облачко на горизонте шевельнулось и растаяло.

Хищники — чайки и выдра — вслед за пляшущими рыбками скрылись за поворотом реки.

А я лежал у коряги и записывал то, что видел. Начал писать на красном листочке, а кончил на золотом.

НА ЛУННОЙ ДОРОЖКЕ

Хорошо плыть ночью по лунной дорожке!

Справа и слева от тебя чёрная стена, впереди дорожка золотая — прямо на луну. Плы-вёшь и бросаешь в темноту полные пригорш-ни лунного золота.

Если голову окунуть и посмотреть под воду, то и на дне увидишь светлую тропинку. Не-ясные тени движутся по ней: кто-то ходит по лунной тропе. Чьи-то извилистые следы-бороз-ды пересекают её.

Я плыл и напряжённо вглядывался в дико-винный извилистый след. Лунный свет, как блестящие чешуйки рыб, искрясь, оседал на дно. Дно слабо светилось.

В конце следа я увидел большую, похожую на гигантское семечко подсолнуха, чёрную раковину. Это она пробороздила песок.

Раковина была старая, вся испещрённая тёмными годовыми полосками; сколько на раковине полосок, столько раковине и лет.

Каждая полоска как морщинка. Створки у раковины приоткрыты, и в щель, будто сквозь чёрные губы, высунулся белый язык. Нет, раковина не дразнилась — она прислушива-лась. Я-то знал, что в белом «языке» моллюс-

ка скрыт орган слуха. Но язык не ухо и даже не язык, а нога; с помощью его раковина передвигается. Ногой идёт, ногой и слушает!

Очень смешное животное: тело есть, нога есть, сердце есть, даже рот есть, а вот головы нет! Учёные раньше так и называли их — семейство безголовых.

Не очень-то хорошее название. Мне по душе другое: жемчужница. Так называют их рыбаки. За то, что внутри этих раковин часто находят настоящий жемчуг.

Речная жемчужина похожа на капельку ртути. Или на пузырьёк воздуха: вся она светится и переливается.

Рыбаки говорят, что в лунные ночи, когда жемчужница приоткрывает створки, туда проникает капелька лунного света, из него-то и вырастает жемчуг.

Это так и не так.

Действительно, что-то проникает в раковину, и действительно, вокруг этого «чего-то» нарастает жемчужина. Но только это не капля лунного света, а... простая песчинка.

Ловцы нашего пресноводного жемчуга подсчитали, что только одна жемчужина приходится на целую тысячу раковин. Так что одну раковину мне не стоило и проверять.

Но мне повезло. Я проверил и сразу же нашёл жемчужину.

ГОСТИ ПОДВОДНОЙ ПОЛЯНЫ

Если насыпать весной на землю крошек, сбегутся мыши, слетятся птицы.

А что, если опустить прикормку на дно?

В жаркий летний день нашёл я в подводном лесу чистую полянку и набросал на неё хлебных крошек, сухой каши, червяков и личинок.

А сам надел резиновый костюм, лёг на воду, ухватился за пучок тростника, чтоб волны не сносили, и стал ждать. Кто-то пожалует в гости?

Первыми примчались плотвицы. Гуртом налетели на всплывшую крошку и, поддавая её носами, угнали за траву.

Потом приплыл плавунец. Загребал ногами вёслами и переваливался с боку на бок, как неуклюжая водяная черепаха. Схватил обрывок червяка и уволок в темноту.

А я всё ждал и покачивался над поляной, словно огромный резиновый дирижабль.

Приплыли два окуня, оцетинились дикобразами, уткнулись носами в дно.

Вытянули белые губы — вот-вот свистнут! «Дунули» в угощение — так и завихрилась муть. Всосали всплывших личинок и помахали мне хвостиками.

И тут я заметил щурёнка. Даже не знаю, откуда он появился. Стоит неподвижно, глаза выпучил — как зелёная ящерица. Но вдруг плавнички его затрепетали, он пошевелился и... повис вниз головой.

Нацелился, как стрела!

Ну да, нацелился: на дне извивался червяк. Щурёнок стрельнул в него, вцепился и затряс червя. Потом с трудом проглотил.

Живот у него раздулся. И он беспомощно опустился раздутым животом на песок.

Рыбий кормовой столик действовал не хуже птичьего. Дождался бы я и новых гостей, да невозможно замёрз. Так замёрз, что вокруг меня заплясала рябь. Очень жалею: мало ли кто ещё мог в гости прийти!

Озеро не малое — что в ширину, что в глубину. Много в нём разных жильцов.

ШЁПОТ РЫБ

Когда в первый раз заглянешь под воду, то хочется только смотреть и смотреть. Но оглядишься — и уже хочется вмешиваться в жизнь подводного мира: хочется рисовать, фотографировать, охотиться. Но больше всего хочется узнавать. К тебе подплывают рыбы, рты их открываются и закрываются, будто они что-то шепчут...

Чтобы приучить к себе рыб и понять их язык, я устроил под водой сад. Я опустил на дно ёлочки и укрепил их большими камнями. Расчистил песчаные аллеи и обсадил их водорослями. Под водорослями разложил большие раковины.

Ночью я зажигаю в саду подводный фонарь, рыбы танцуют и порхают вокруг фонаря, как ночные бабочки.

На песчаной полянке я вбил кол и к колу прикрепил полочку. На полочку сыплю пареное зерно и крупу, кладу червяков и кузнечиков. Это кормовая полочка, совсем такая, как и для птиц. И, словно птицы, на полочку слетаются яркие рыбы: окуньки, плотвички, уклейки. Начинается возня, суматоха, догонялки и отнималки. Точь-в-точь как у птиц. Только не слышно птичьего чириканья и писка. И не потому, что чириканья и писка нет: крику даже больше, чем у птиц. Но человеческое ухо так устроено, что не может слышать рыбьего голоса. Для этого нужно иметь особый, сложный прибор.

У меня не было такого прибора, и я не слышал, что говорят рыбы. Но кроме хитрых приборов есть на свете простой, но верный способ услышать бессловесных животных. Для этого нужно очень их полюбить...

Мне очень понравились живые рыбы, и потому, наверное, я понял, что они хотели мне сказать.

Рыбы оказались большими хвастунишками! Они хвастали, что люди об их жизни знают совсем мало: куда меньше, чем о жизни зверюшек и птиц. Что вот только теперь, когда даже ребята смогут пользоваться водолазной маской и наблюдать рыб под водой, они расскажут людям кое-что интересное.

Рыбы хвастались, что они спасают людей от комаров и малярии, ведь они так много поедает комариных личинок!

Рыбы говорили, что если они покинут озёра и реки, то ребятам придётся выбросить свои удочки. А озёра и реки станут пустынными и неинтересны, как леса, из которых улетели птицы.

Рыбы жаловались. Они жаловались на жадных рыбаков, которые вылавливают их сетью с мелкой ячейкой. В такой сети запутываются даже мальки, не успевшие пожить и нагулять рыбьего жирку. Они жаловались на бесхозяйственность людей, которые сваливают в озёра и реки всякий хлам и спускают туда загрязнённую воду. От этого гибнут все рыбы, старые и малые. Щуки и форели жаловались на охотников, которые стреляют в них из ружей во время нереста.

Рыбы просили ребят расчищать стоки в озёрах, а то от застоя в них начинает портиться вода.

Жители мелких озёр очень просили пробивать зимой лунки во льду — чтобы не задохнуться.

И за всё это рыбы обещали — все в один голос! — не покидать водоёмов и веселее клевать летом на ребячьи удочки. Даже если приманка на крючке будет невкусная, а поплавок будет такой огромный, что его и под воду-то нелегко окунуть.

Это уже известно: там, где рыба хорошо живёт, всегда веселее и клёв!

Вот сколько дел тем, кто захочет не только рыб ловить, но и помочь им.

КРУЖИТ

В темноте всегда прячется страх. Некоторые уверяют, что им неведом страх темноты. Я им не верю.

Страх темноты — это особый страх.

Что страшного в темноте? Ум говорит: ничего. Что было при свете, то осталось и в темноте. Но почему-то только в темноте так насторожено ухо, так расширены зрачки и дыхание порывистое и нервное. И уж так повелось, что именно темноту человек населяет всем тем, чего боится больше всего на свете. Страх темноты будет жить до тех пор, пока люди совсем не перестанут бояться чего-либо. А это будет ещё не скоро.

Я стою по колена в воде, и вода, как ласковая собака, лижет тёплым языком мои голые ноги.

Вокруг непроглядная тьма. Только ухом я различаю что где. За спиной чуть шепчет чёрный лес, впереди чуть плещет чёрная вода, а над головой — безмолвное чёрное небо.

На ощупь надеваю на лицо резиновую маску и натягиваю на ноги ласты.

Мне всё знакомо в этом лесном озере: каждая затонувшая коряга, каждая глубокая яма, все подводные водорослевые рощицы. Даже многих рыб я знаю в «лицо»: одноглазого окуня, безгубого леща и щуку с белой ссадиной на боку. Нет в озере ничего такого, чего бы я не мог одолеть. Но почему я так долго — бесконечно долго! — стою неподвижно по ко-

лена в воде и тёплые собачьи языки волн терпеливо лижут мне ноги?

Но вода уже выше пояса. Мышцы на животе нервно поджимаются. Я вытягиваю в темноту руки, ложусь на воду и, оттолкнувшись ластами, опускаю лицо вниз. И будто повис я в темноте между землёй и небом!

Хорошо в светлую лунную ночь плыть прямо по зыбкой лунной дорожке. Удивительно очарование света! Кажется, что ты не плывёшь, а поднимаешься по золотым ступеням всё выше и выше — прямо к луне. И что из того, что страшно, темно и непонятно, — дорога твоя ясна. И даже под водой, по тёмному дну, видна дорожка луны. Придонные жители тянутся к ней. Смело плыви и смело бросай в ночь полные пригоршни лунного света.

Но сейчас непроглядная ночь. Я сосу воздух из трубки, лениво шевелю ластами и плыву туда, куда гонят меня волны и ветер. Не всё ли равно, куда плыть? Я думаю только о том, что я буду делать, если вдруг у самой маски высунется из воды зализанная сомовья голова с чёрной пастью жабы и с белыми глазами утопленника. Или вдруг уж, как мокрая верёвка, опояшет голое тело?

Кричать ведь нельзя — захлебнусь. Придётся схватить гада руками, сдавить его и чувствовать, как пульсирует в руках упругое холодное тело, как неудержимо оно, как выскальзывает из рук, подобно ртути.

Сквозь шёпот волн пробился незнакомый звук. Что-то мелко дребезжало, как большая

стрекоза, схваченная за крыло. И волны как-то странно чмокали и хлюпали. Я вытянул руки вперёд и наткнулся на жёсткие тростниковые стебли.

Берег!

Наваливаюсь на берег всем телом и вдруг чувствую, что берег начинает тонуть! Он колышется подо мной, как пружинный матрас, и опускается в глубину. Это не берег, это сплавина!

Сплавина — плавучий островок, зыбкий и ненадёжный. Сложен он из разного хлама: поломанных стеблей тростника и камыша, вырванной с корнем осоки и хвоща. Из всего того, что всплыло только потому, что оторвалось от земли, и только потому не тонет, что переплелось, сбилось в кучу и оперлось друг на друга.

Сплавину заселили мягкие лягушки и скользкие ужи. Днём я не раз подныривал под эту сплавину и всматривался снизу в переплетения бурых корней. Под корнями всегда стояли в засаде большие желтоглазые окуни. В дыры и щели сплавины проникали тонкие синие лучики. Лучики тонули в глубине; между ними взблёскивали серебристые рыбы. Это был целый мирок. Мне всегда казалось, что волны озера качают сплавину с каким-то тайным смыслом.

Душно от запаха прели и болотного газа, сквозь скрюченные пальцы холодными слизнями выползает густая грязь. Над головой бьётся и попискивает ветерок, запутавшийся

в тростниковых метёлках. Надо скорее к твёрдому берегу! Только где он, твёрдый-то берег?

Опускаю лицо в чёрную воду. Ласты работают веселей, ведь что-то решить — это уже хорошо!

Я ничего не вижу. А рыбы, говорят, видят и в темноте. У рыб большие, круглые, немигающие глаза. Они сейчас видят меня. Может, они подходят ко мне совсем близко и разглядывают, лениво жуя белыми губами...

Рыбаки говорят, что по ночам из глубины поднимаются самые большие хищные рыбы. Это очень может быть, ведь и на земле хищники любят ночь.

Ласты мои всё быстрее и быстрее пенят воду. Пора бы быть и на берегу.

Слышу впереди дребезжание листа и чмокание волн. Нет, это не берег, это опять та самая сплавина! Под ладонями гнилые стебли, между пальцами холодная грязь.

Берег, кажется, там...

Плыву опять. Вода уже не лижет тело тёплыми языками, вода остывает. Кожа становится жёсткой и пупыристой. Грудь стиснута, и дышать тяжело. Я начинаю бояться самого себя: плеска своих ластов, хрипа своего горла, касания своих рук.

Вот опять чмокание волн. Как муха в паутине, жужжит ветерок в тростниковых метёлках. Сплавина...

Глазам становится жарко, в темноте завихрились зелёные искры. Кружит!

Крикнуть? Но кто услышит тебя на лесном берегу? Меня сейчас страшит даже собственный голос: замечется он, неприкаянный и дикий, по тростниковым хлюпям, спугнёт хриплое эхо и завязнет где-нибудь в трясине.

Опять подводная чернота, опять холодные пальцы волн щекочут спину. Зловеще хихикает дыхательная трубка.

«Кружит! — испуганно думаю я. — Кружит!»

И больше уже ни о чём не могу думать.

«Кружит!»

Вот в таком состоянии люди теряют голову и начинают делать глупости. Это-то я ещё понимаю. Может, лучше стиснуть зубы, перестать шевелить руками и ногами — пусть несёт по воле ветра и волн?

Но я шевелю и руками и ногами и... опять натыкаюсь на проклятую сплавину! Я не могу уйти от неё, она тянет меня как магнит!

Я начинаю замерзать. В голову лезут рассказы амазонских индейцев о водяном удаве — анакóнде. Когда на охотника из зарослей смотрит анаконда, страшная тоска вдруг нападает на него. В отчаянии мечется охотник по берегу, места себе не находит, всё ближе и ближе приближается к затаившемуся чудовищу...

Вот и я, в тоске и отчаянии, полузамёрзший, почти безвольный, всё вновь и вновь возвращаюсь к страшной сплавине, и нет у меня сил уплыть от неё! Может, водяной упырь за-

тайлся в подводных космах и водит за мной своими совиными глазами?

Пришло самое страшное — «всё равно». Покорно и безвольно, как сонная рыба, я поплыл в темноту — прямо на чмокающие волны. Я уже слышу жалобный писк ветерка, и мне чудится хихиканье водяного упыря, но мне всё равно.

И тут вдруг у самых моих глаз поднялись и шевельнулись неясные блики, похожие на встопорщенные чешуи огромной рыбыны! Я сорвал маску с лица. Волны, я видел волны! Значит, скоро рассвет, скоро уйдёт тьма, и я увижу берег.

Я по пояс вымахнул из воды. Я увидел небо — оно стало чуть зелёным. Но это «чуть» решило главное: впереди я увидел берег! Теперь я знал, куда мне плыть. Я не спускал глаз с чёрной стены леса впереди. Всё светлее рябь у глаз, всё ближе надвигается молчаливый лес. И вот под руками уже не зыбкая хлюпь, а упругий песок. Я с трудом поднимаюсь на ноги и, шатаясь, шлёпаю по песку лягушечьими ластами. С зелёного тела зелёными струями сползает вода.

Вот и мой шалаш. Раздуваю костёр и, привалясь к дереву, греюсь, греюсь и греюсь.

Как всё просто теперь, когда всё позади! Кружит? Ну и что же? Кружат в лесу грибники и ягодники; бывает, что и опытные охотники кружат. Кружит на бегу заяц, кружат в тумане птицы. Немудрено кружить, когда нет вех на пути.

Вон та сплавина. Здо́рово я пугал там ночью ужей и лягушек! Вот натерпелись, бедные, страху!

Мне тепло и смешно.

Зелёное небо, зелёное озеро, зелёный туман. Скоро поднимется солнце, и ночные тени уползут в чащу. И вместе с тенями спрячется ночной страх. Спрячется до следующей ночи.

ОСЕНЬ ПОД ВОДОЙ

Вы купаетесь — раздеваетесь, а я купаюсь — одеваюсь. Надеваю тёплое бельё, тёплые брюки и тёплую куртку. На ноги натягиваю шерстяные носки, а на руки — шерстяные перчатки.

Поверх всего — резиновый костюм.

На лицо маску, на ноги ласты — и в воду.

Вы купаетесь летом, а я купаюсь и поздней осенью. Смотрю, какая осень под водой.

Холодно осенью в подводном лесу. Бешеный ветер гонит поверху злые волны. Жёлтые тростники клонятся под водой, будто заглядывают в глубину.

А в глубине всё в движении. Ёрзают по дну утонувшие листья. Покачиваются обомшелые тростники. Набухшие брёвна-топляки переваливаются с боку на бок, как поросята.

Над озером высокое синее небо. На берегах берёзки — горящие свечи. Чёрные строгие ели. Трепетные красные осинки. Золотая осень.

А в подводном лесу золотой осени не бывает. Осень под водой всегда хмурая. Стынет от воды лицо. Не шуршат листья, не посвистывает ветер.

Вокруг пустынно и глухо.

Ветви водорослей поломались, поникли, обвисли. Всё поблёкло и покрылось густым слоем мути.

Не играют быстрые блестящие рыбки. Рыбы опустились в тёмную глубину. Лягушки сбились в кучу и зарылись в густой ил. Одни зеленоглазые щуки быстро уходят, поднимая хвостами муть. Длинные тонкие водоросли шевелятся, как ленивые сонные змеи...

Землю скоро укутает снег — наступит белая зима. А воду затянет лёд. И под водой настанет долгая ночь — чёрная зима. И на земле и под водой все с нетерпением будут ждать прихода зелёной весны.

СПЯЩИЕ КРАСАВИЦЫ

Кололи на озере лёд. И глыбы льда грузили на сани. Осторожно грузили, будто они хрустальные.

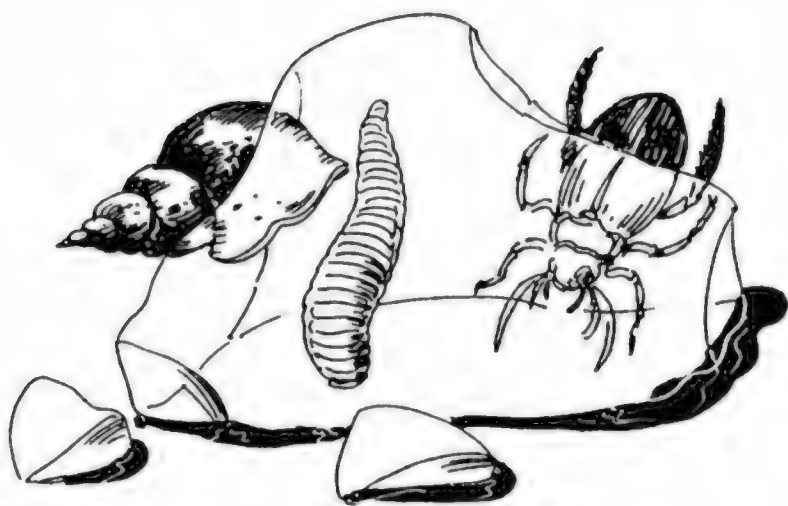
Но в пути сани качнуло, одна глыба упала и разбилась. Нагнулся я, чтобы куски с дороги спихнуть, и вижу: что-то в одном осколке темнеет! Посмотрел на просвет, а внутри пиявка, улитка и жук-плавунец!

Околдовала их злая колдунья-зима. Вморозила в лёд и усыпила.

Лежат неподвижно, как спящие красавицы в хрустальном гробу.

Вот явится весной добрый молодец — солнечный луч, растопит лёд, разбудит всех от зимнего сна. Оживут они и поплывут как ни в чём не бывало!

Будто и не было злой зимы.

ПОЧЕМУ Я ПИШУ О ПРИРОДЕ

Сколько бы я ни встречался со своими читателями-ребятами, непременно кто-нибудь да спросит: почему я пишу о природе? Действительно, почему? Вот мне уже пятьдесят лет, а я не только не собираюсь писать о чём-то ином, а, наоборот, природа, обитатели лесов, степей, пустынь, гор увлекают меня всё больше и больше. Теперь уже и не вспомнить, сколько километров пройдено по степям и пустыням, сколько горных вершин было под ногами, сколько ночей проведено у костров в бескрайних лесах. И как часто было трудно и тяжело, бездомно и неуютно и даже опасно, но — чудо! — хочется повторить всё снова и снова. И думаешь не о том, что пройдено и узнано, а о том, сколько ещё не увидено, не прочувствовано, не понято.

Первая, и главная, причина, почему я пишу о природе, это, конечно, потому, что я её очень люблю. А люблю я её за красоту, за загадки, которые она нам загадывает, за мудрость её, за её бесконечное разнообразие.

Писать можно и о том, что тебя очень волнует. А волнует меня то, что мы, люди, не научились ещё прекрасную и благодатную нашу природу уважать и беречь. А если мы не будем природу уважать и беречь, то можем остаться у разбитого корыта.

Люди не могут жить без чистого воздуха, чистой воды, свежей зелени, солнечных лучей, даже без общения со зверьками и птицами. Именно поэтому люди устраивают зоопарки, ботанические сады, держат птиц, зверушек, рыб, ящериц у себя дома и проводят с пользой и удовольствием долгие часы, наблюдая за своими любимцами.

Это наши земляки, мы вместе с ними живём на Земле. И пока что никому не известно, есть ли ещё где-либо в огромной Вселенной жизнь. Как же не интересоваться существами, которых нигде больше нет? Как же их не беречь, не охранять?

И потом, а это может быть самое главное, ведь все эти птицы, зверушки, бабочки и лягушата живые. Природа наделила их самым удивительным, самым дорогим, что есть на Земле, — жизнью. Они чувствуют боль и ласку, они по-своему радуются и огорчаются, они чего-то хотят и чего-то боятся. Они живут. Живут не совсем, конечно, как мы с вами, но всё же живут. А всякая жизнь требует внимания и уважения. Космонавты говорят, что Земля, если посмотреть на неё из космоса, не такая уж и большая. И вот на этой небольшой Земле теплится жизнь. И нигде её, может быть, больше нет. Какая же она драгоценная, эта жизнь! Каждая былинка, каждая живая пылинка!

А мы её часто не бережём. Весной мы собираем большие букеты голубых перелесок, которые

вянут прежде, чем мы довезём их до дома. Мы ломаем целые веники вербы с барашками, огромные охапки черёмухи. И вот уже вокруг городов не осталось больше голубых перелесок, черёмухи, вербы. Их место заняли сорняки, крапива, ольха.

Мы стараемся поймать самых красивых птиц, а некоторые охотятся на птиц с рогаткой, собирают коллекции птичьих яиц, гоняют белок. И вот рядом с нами уживаются только воробьи, вороны, галки и мыши.

Мы сами себя обделаем, обедняем, опустошаем.

Кто не слышал таких разговоров: «Папа, папа, поймай мне вон ту птичку, она красивая!», «Мама, мама, сорви мне вот те цветы, они красивые!».

Так мы уничтожаем вокруг себя первозданную красоту. А ведь никакие произведения искусства не заменят картин дикой природы!

Не знаю, как вам, а мне при виде сожжённых муравейников и ободранных берёз становится так стыдно, будто я сам это сделал.

А там, где взрослые и ребята относятся к природе иначе, с любовью и уважением, природа платит им сторицей. Она поит их целебной водой, овеивает целебным воздухом, радует глаз чудесными красками, а ухо — прекрасными звуками. Шум сосен и волн лечит нервы, испорченные шумом автомобилей и поездов. А сколько в природе дел для любознательных и пытливых! Дел для рук и головы! Как много узнаёт человек о самом себе, общаясь с дикой природой!

Потому я и пишу о природе вот уже двадцать лет. Мне хочется одного: оглянитесь вокруг, посмотрите под ноги — везде жизнь таинственная

и удивительная. Она служит нам, она радует нас, удивляет и просветляет. Но мы должны её уважать и беречь. Без нашего внимания и помощи сама по себе она может не устоять. Конечно, это дело в первую очередь для взрослых людей. Но и ребята — школьники и дошкольники — тоже могут помочь. Особенно если они сначала узнают и полюбят природу. Вот для этого, для них и пишутся книги.

Заставить любить природу нельзя. Но помочь полюбить — можно. И если книжки мои помогут вам полюбить природу, то общение с ней непременно сделает вас лучше, чище, терпимее. Для ребят жизнь станет ещё интереснее, а для взрослых — богаче и мудрее.

Говорят, что у природы нет цели. А мне кажется, что она есть, — сделать людей счастливыми. Чистый воздух — великое счастье!

Природа — друг человека. А с другом надо дружить.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Дмитриченко. «Иду я по лесу...»</i>	5
---	---

В ЛЕСАХ

<i>Январь</i>	9
Как медведя переворачивали	10
Кусок хлеба	13
Своя песня	14
Синичка необыкновенная	15
Вороний сигнал	16
Лесные шорохи	18
<i>Февраль</i>	22
Бюро лесных услуг	23
Песенки подо льдом	25
Цена песенки	26
Еловая каша	29
Без слов	30
Домашняя бабочка	31
Лесные шорохи	33
<i>Март</i>	36
Зимние долги	37
Заячий хоровод	39
Весенние ручьи	40

Вежливая галка	42
Первые	44
Крылатые песни	46
Тетеревиные ноты	47
Тёплая струйка	49
Овсянкины советы	50
Медведь и Солнце	51
Сногсшибательный душ	52
О чём пела сорока?	54
Отчаянный путешественник	55
Стеклянный дождь	—
Синички-арифметички	57
 <i>Апрель</i>	 58
Двое на одном бревне	59
Следы и Солнце	61
Весенняя баня	62
Оттаявшие происшествия	63
Ранняя птичка	64
Лесные оборотни	66
Нечеловеческие шаги	67
Певица	69
Пылесос	70
Незванные гости	71
Лебеди	72
Целая жизнь	74
Дрозд и Сова	76
Плясуны	77
Филипп и Федя	78
Весёлые старушки	79
Флажки на болоте	—
Дятлово колечко	83
Барабанщица	84
Ивовый пир	86
Пять тетеревей	87

Шепчущие следы	88
Все хотят петь	—
Лесной гребешок	89
<i>Май</i>	90
Званный гость	91
Птицы весну принесли	94
Растерявшиеся перелески	—
Любитель цветов	95
Горячая пора	96
Гнездо	97
Сиплая кукушка	—
Чирик	99
Дятел	100
Новый голосок	102
Воробьишкина весна	103
Деревья	110
Соловей поёт	111
С днём рождения!	112
Лишний гвоздь	—
Отчего у лисы длинный хвост?	114
Сердитые чайники	115
Ночная кукушка	116
<i>Июнь</i>	118
Кому помочь?	119
Лесные тайнички	121
Птенцы-хитрецы	124
Весёлая игра	134
Пищухин вальс	136
Почему зяблик — зяблик?	137
Певчая дорожка	138
Поющее дерево	141
Приёмыш	142
Как медведь сам себя напугал	143

Лежащий камень	144
Баклан	145
Розовое болото	147
Соловей и лягушка	149
Кукушкины годы	150
Вороний глаз	151
Гриб-подгнездовик	153
Топик и Катя	154
Третий	155
Тонкое блюдо	157
Сорока-воровка	—

<i>Июль</i>	159
-----------------------	-----

Непослушные малыши	160
Лесное время	163
Тень	165
Приёмыши	166
Поганчики	169
Серьёзная птица	172
Три яичка	173
Скворцы-знахари	176
Ночные охотники	178
Чеканчик	179
Тук-тук!	180
Бежал ёжик по дорожке	182
Крутые меры	183
Карлуха	185
Скатерть-самобранка	186
Ягодознание	187
Медовый дождь	188
Первый полёт	190

<i>Август</i>	192
-------------------------	-----

Федот, да не тот!	193
Лесные силачи	197

Таинственное озеро	198
Загадочный зверь	201
Бабочки	202
Задумчивый дятел	203
Козодой	204
Птичьи посты	—
Дуб и Ветер	207
Сорочий клад	208
Дежурный	209
Серая цапля	210
Жабий король	212
Звериная баня	213
В конце таинственного следа...	214
Выеденное яйцо	215
Бабочка и солнце	—
Крапивное счастье	216
 <i>Сентябрь</i>	 218
Осень на пороге	219
На великом пути	221
Паучок	224
Время	225
Птицы	226
Белкин мухомор	227
Крылатая тень	228
Сова, которую позабыли	229
Хитрый одуванчик	230
Друзья-товарищи	231
Лесные шорохи	235
 <i>Октябрь</i>	 238
Швейня	239
Страшный невидимка	241
Фазаний букет	242
Деревья скрипят	244

Тайна скворечника	245
Старый знакомый	247
Сорочий поезд	248
Осенняя ёлочка	250
Упрямый зяблик	251
Лесные шорохи	252

Ноябрь 255

Почему ноябрь пегий?	256
Курорт «Сосулька»	257
Волшебная полочка	259
Пороша	260
Трясогузкины письма	261
Отчаянный заяц	263
Синичий запас	264
Скворцы прилетели	266
Лесные шорохи	267

Декабрь 270

Суд над декабрём	271
Мурлыка	272
Какой заяц длины?	273
Тайна чёрного дятла	275
Жадная сойка	276
Сыч	278
Шепелявая птица	279
Лесные шорохи	280
Недолго думая	282

В ГОРАХ

Жизнь в облаках	295
Бегство цветов	296
Сушёные камни	298
Тетёрка	301

Медвежья горка	303
Ночь на Карадаге	306
Грабители	309
Зазнайка	313
В ущелье Боздага	314
Ночь огней	318
Жужжало	320
Стоит и молчит	322
Конь-великан	323
Царь-птица	324
У костра	328
У лисьей норы	330
Нищий	332
Плясунья	334
Под снегом	336
Серебряный хвост	338
Неслух	340
В колее	344
Медвежий характер	348
Карабаш	351
Медвежья услуга	358
Крик	363
Хитрющий зайчишка	366

ПОД ВОДОЙ

Под водой	373
Подводные ежи	375
Поющий клоп	377
Зачем тритону хвост?	—
Пятое имя	378
Воздушный замок	379
Линь	381
Золотая рыбка	382
Пустота	383
Рыцарь	384

Рыбята	386
Голубой рак	387
Подводный закат	388
Умирающее озеро	390
Подводная птица	393
Синий луч	394
Озорники	395
Избушки на ножках	397
Санитар	398
Рыбьи пляски	400
На лунной дорожке	403
Гости подводной поляны	405
Шёпот рыб	406
Кружит	409
Осень под водой	415
Спящие красавицы	416
<i>Н. Сладков. Почему я пишу о природе</i>	418

Для детей старше 12 лет (12+)
(В соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ)

Литературно-художественное издание

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Сладков Николай Иванович

ЛЕСНЫЕ ТАЙНИЧКИ

Рассказы и сказки

Ответственный редактор
Н. Е. Дубань

Художественный редактор
Е. М. Ларская

Технический редактор
Н. Г. Дреничева

Корректоры
В. В. Борисова, О. И. Голева

Компьютерный дизайн обложки
М. В. Григоренко

Компьютерная верстка
В. И. Тушева

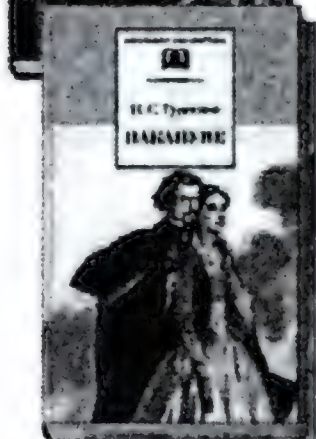
Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.06.13. Формат 84x108¹/₃₂.
Бумага офсетная № 1. Шрифт «Школьный». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 13,55. Тираж 5000 экз. Заказ № 406.

Орден Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
ОАО «Издательство «Детская литература».
125319, Москва, ул. Черняховского, 4.
www.detlit.ru

Отпечатано в ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

Серия «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Айтматов Ч. Плаха

Андреев Л. Цветок под ногою (*повести и рассказы*)

Арбузов А. Таня. Жестокие игры

Астафьев В. Царь-рыба (*повествование в рассказах*)

Ахматова А. Стихотворения и поэмы

Бабель И. Конармия (*новеллы*)

Бакланов Г. Навеки — девятнадцатилетние

Белов В. Повести

Блок А. Лирика

Блок А. Поэмы

Бондарев Ю. Горячий снег

Булгаков М. Белая гвардия

Булгаков М. Мастер и Маргарита

Бунин И. Чистый понедельник (*рассказы*)

Быков В. Обелиск. Сотников

Вампилов А. Утиная охота (*пьесы*)

Васильев Б. А зори здесь тихие... (*повести*)

Воробьев К. Убиты под Москвой (*повести и рассказы*)

Герцен А. Кто виноват? Сорока-воровка

Гончаров И. Обломов

Гончаров И. Обыкновенная история

Горький М. На дне. Дачники

Гофман Э. Т. А. Золотой горшок. Крошка Цахес (*сказки*)

Грин А. Фанданго (*новеллы*)

Громов Н. Тропа к Чехову

Гумилев Н. «Я конквистадор в панцире железном...»

Достоевский Ф. Бедные люди

Достоевский Ф. Белые ночи

Достоевский Ф. Преступление и наказание

Достоевский Ф. Униженные и оскорбленные

Есенин С. «Душа грустит о небесах...»

Зайцев Б. Преподобный Сергей Радонежский

Замятин Е. Мы (*роман, повести, рассказы*)

Каверин В. Два капитана

Казаков Ю. Двое в декабре (*рассказы*)

Карамзин Н. Бедная Лиза (*повести*)

Кондратьев В. Отпуск по ранению. Сашка

Крупин В. Живая вода (*повести и рассказы*)

Куприн А. Гранатовый браслет (*повести и рассказы*)

Лермонтов М. Герой нашего времени

Маяковский В. Стихотворения и поэмы

Мериме П. Кармен (*новеллы*)

Метерлинк М. Синяя птица. Обручение

Набоков В. Защита Лужина (роман и рассказы)

Носов Е. Избранное

Островский А. Пьесы

Пастернак Б. Доктор Живаго

Пастернак Б. Избранное

Платонов А. На заре туманной юности (повести, рассказы)

Поэты пушкинской поры (сборник)

Поэты Серебряного века (сборник)

Пушкин А. Борис Годунов

Пушкин А. Евгений Онегин

Пушкин А. Маленькие трагедии

Пушкин А. Поэмы

Распутин В. Нежданно-негаданно (повести, рассказы)

Ремизов А. Избранное

Розов В. В добрый час! Гнездо глухаря

Русская поэзия XVIII века (сборник)

Салтыков-Щедрин М. Господа Головлевы

Салтыков-Щедрин М. История одного города

Солженицын А. Матренин двор (повести)

Твардовский А. Стихотворения и поэмы

Толстой А. Петр Первый (в 2 томах)

Толстой Л. Анна Каренина (в 2 томах)

Толстой Л. Война и мир (в 4 томах)

Толстой Л. Рассказы и повести

Трифонов Ю. Дом на набережной

Тургенев И. Дворянское гнездо

Тургенев И. Накануне

Тургенев И. Отцы и дети

Тынянов Ю. Кюхля

Тютчев Ф. «Я встретил Вас...» (сборник)

Уайльд О. Портрет Дориана Грея

Фадеев А. Молодая Гвардия (роман)

Фадеев А. Разгром (роман)

Фет А. Соловьиное эхо (сборник)

Хемингуэй Э. Старик и море (сборник)

Цветаева М. Стихотворения

Чернышевский Н. Что делать?

Чехов А. Рассказы и повести

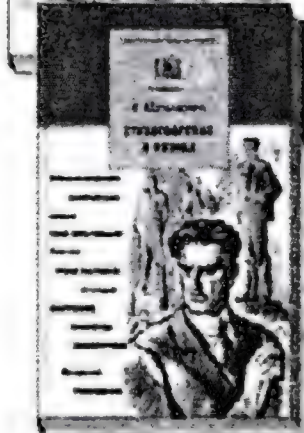
Шаламов В. Колымские рассказы

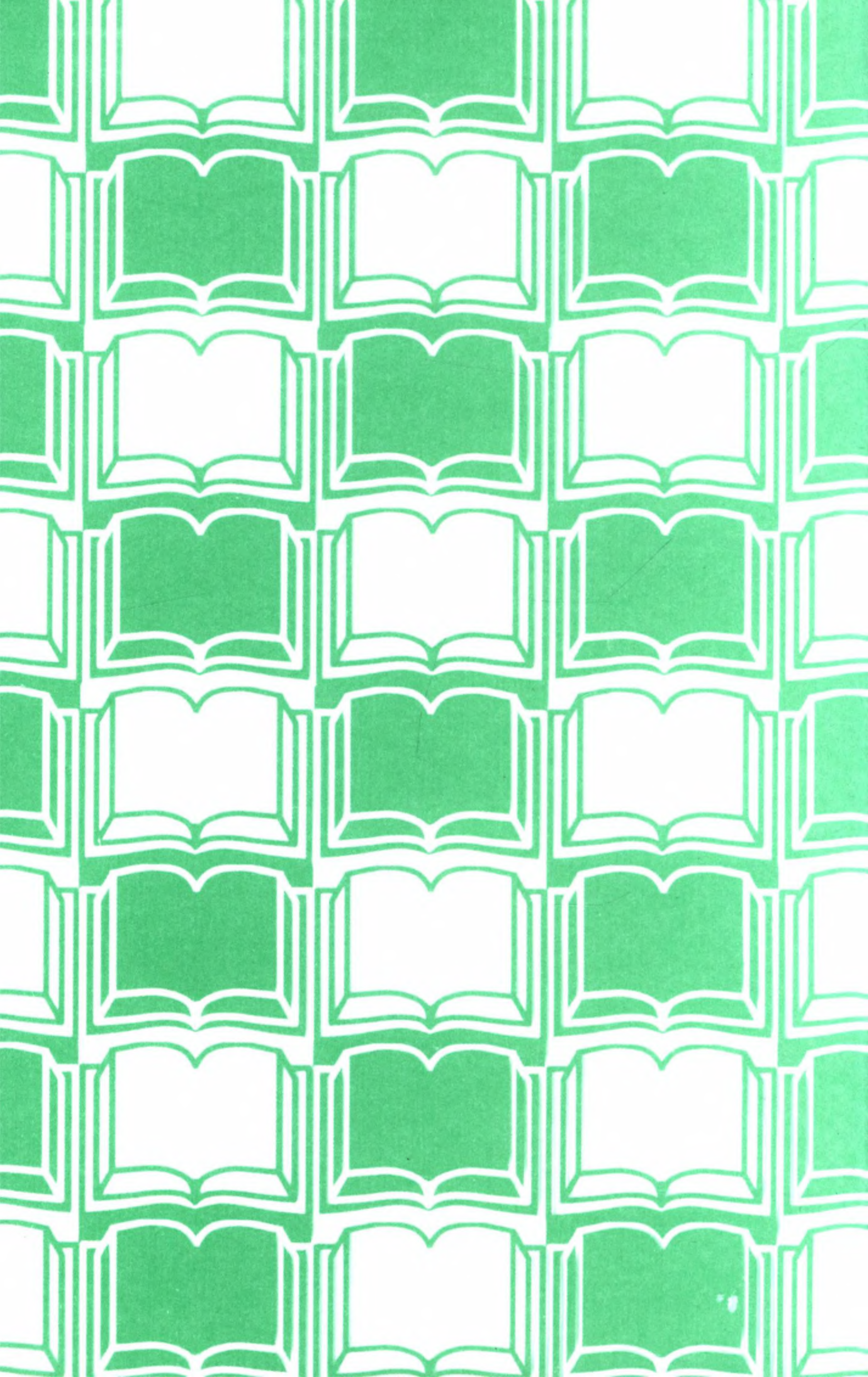
Шварц Е. Тень. Обыкновенное чудо (пьесы)

Шолохов М. Донские рассказы. Судьба человека

Шукшин В. До третьих петухов (рассказы)

Эсхил. Прикованный Прометей

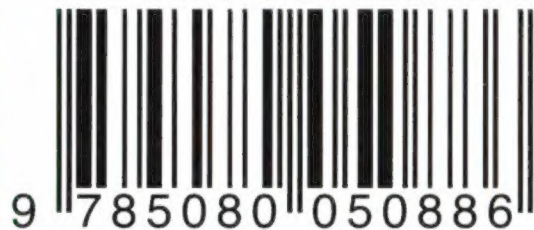

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ISBN 978-5-08-005088-6

9 785080 050886

Н. Сладков ЛЕСНЫЕ ТАЙНИЧКИ

